

Э К С Ц Е Н Т Р

Б У

А А

Аркадий Бурштейн

Виталий Кальпиди

Мартин Бубер

Андрей Матвеев

Джон Барт

Р У

С. Балагачин

Н Г

Современное творчество и культура

Литературно-художественный журнал

№ 2

Ленинград - Свердловск

1991

Эксце

р

Генеральный директор -
Сергей Ковязин

Директор по творческим вопросам -
Андрей Матвеев

*Директор
по организационным вопросам -*
Екатерина Долгова

Главный редактор -
Александр ГОРНОН (Ленинград)

Редактор-составитель -
Владимир ХАРИТОНОВ
(Свердловск)

Редактор -
Нина ЛЕНКОВА

Дизайн:

M STUDIO арт

Художественный редактор -
Алексей КАЗАНЦЕВ

*Технический редактор и
ответственный секретарь -*
Марина СТОЛБОВА

Корректоры -
Мария КАЗАНЦЕВА
Марина ХУДЯКОВА

© Независимое издательское
предприятие "91", 1991 г.

*Мнения редакции не обязательно
совпадают.*

Адреса редакции:

195257, Ленинград,
ул. Вавиловых 4-1-432,
тел. 555-12-08,

620086, Свердловск,
ул. Посадская 44-1-48,
тел. 23-44-97

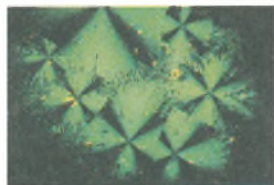
Компьютерный набор и верстка
выполнены в хозяйственном То-
вариществе "Акцепт" LTD.

Номер отпечатан в типографии
издательства Татарского рескома
КПСС.

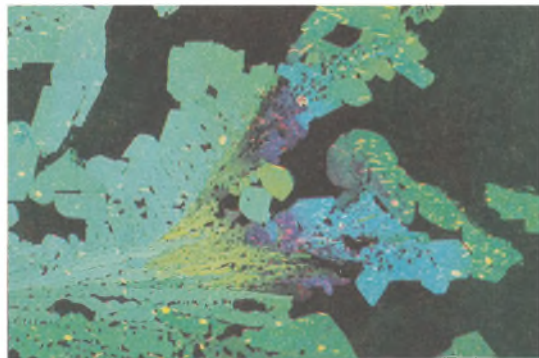
420066, Казань, ул. Де-
кабристов, 2.

Сдано в набор
Подписано в печать

Формат 60x90 1/16.
Офсетная печать.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16.0
Тираж 25 000 экз.
Заказ N-И-194
Цена без объявления.

С.БАЛАНЧИН
ПЛАВАНИЕ черных рыб
в холодной воде

16

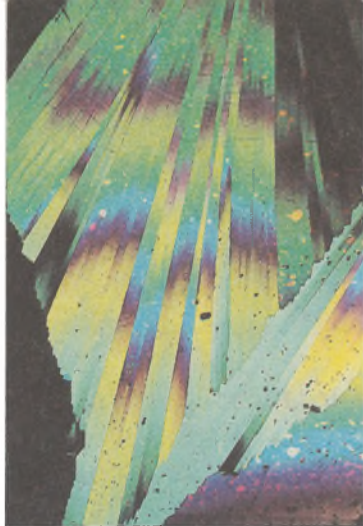
Владимир КУЛИКОВ
Диалогический МИР
Мартина Бубера 23

Мартин БУБЕР
ПЕРВОДИСТАНЦИЯ
и ОТНОШЕНИЕ 28

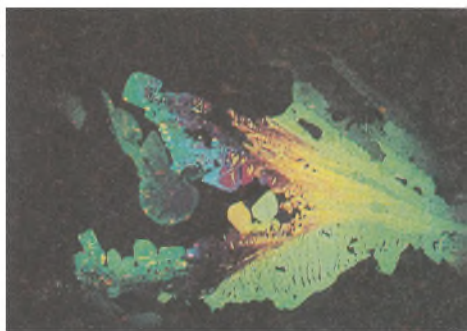
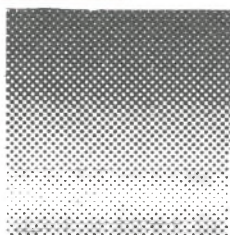

Аркадий БУРШТЕЙН
Слушающий голоса Тьмы
(медитация над поэмой
М.Ю.Лермонтова "Мцыри")

41

А.МЕЛКИН
СОЗНАНИЕ в шляпе
 (Из дневника
 преподавателя философии) 55

А.ЛУЧАНКИН,
А.СНЯЦКИЙ
ПОЭТИКА ПРОВИНЦИИ
 Этюды 67

А.ЛЕВИН,
В.СТРОЧКОВ
В РЕАЛЬНОСТИ ИНОГО МИРА
 Лингвосемантический текст
 (Попытка анализа и систематизации) 74

Смотрите стр. 86

В оформлении журнала
 использованы работы
 фотохудожника
 Вадима ВШИВЦЕВА

ОТ РЕДАКЦИИ

Вот и второй номер приходится начинать с банального "От редакции". Но ведь на все есть свои причины. Главная из них та, что второй номер "Лабиринта/Эксцентра" абсолютно не похож на первый.

Первый номер делался ленинградцами и в Ленинграде (Бурге). Второй - свердловчанами и в Свердловске (тоже Бурге). Первый номер представлял из себя исключительно "Эксцентр", второй - по задумке - несомненно, "Лабиринт". Идея слияния, соединения, соития, соучастия и прочих "со" возникла где-то между первым "Эксцентром" и первым "Лабиринтом". Так и получился известный читателю "Лабиринт/Эксцентр", который должен приобрести свои окончательные (если таковое возможно) очертания (пренебрежительная игра двух начальных "о") с третьего, то есть следующего номера.

Но все же почему? Почему не похож - вроде бы ясно, а вот почему возникла сама идея объединения?

Схожими оказались как интенции, то бишь намерения обоих изданий, так и тот круг авторов, на который обе редакции ориентировались в своих поисках. И вот возникла идея, перешедшая в предложение одной стороны другой, другой стороной это предложение было принято, а значит...

Но все это читателю может быть интересно только в качестве исторического факта. Читателю важно другое, а именно то, что начинается со следующей страницы...

Он невидим.

Он создан для того, чтобы каждый попавший в него заблудился. Он дан каждому, с тем чтобы он мог отыскать дорогу. Дорогу, ведущую мимо тупиков и ловушек через него самого.

Он соединяет две точки пространства, разъединяя их.

Он враждует с самим собой и дополняет самого себя.

Он - символ всякого сплетения путей, ужасающего или наполняющего восторгом. Он означает столь многое, что уже давно перестал быть чем-то определенным, перестал быть именем собственным: его собственность потерялась в одном из многочисленных его закоулков. Он превратился в гигантскую пустую оболочку, имя собственное, которым можно назвать едва ли не все, включая универсум, а также то, что может включить в себя универсум. Он стал дырой, высасывающей смысл из любого случайно пролетающего мимо нее имени, дырой, втягивающей в себя, пожирающей и остающейся все такой же пустой. В конечном счете он - имя самого

себя. Кавычки, точнее, скобки вокруг своего имени. Он притаился за ними, воплотившись в них.

Место происхождения лабиринта помещено в неведомое, в запредельное. Космическая гипотеза, объясняющая и обосновывающая, обосновывает только свою несостоятельность¹.

Может быть, сам лабиринт и помнит свое рождение, но не помнит его мы. Лишь попадая в него и невольно становясь его конструкторами, собственным участием в его бытии включая сценарий претерпевания лабиринта, мы не только включаемся в уже готовый сценарий, но вносим коррективы и - безусловно, совсем не авторские - ремарки в него и тем самым оказываемся прикосновенными к таинству появления лабиринта. Он завязан на нас: его реакция на наше присутствие - способ его существования.

Его опорные точки - безымянные вещи, которые и вещами поэтому являться не могут, не в состоянии за отсутствием какого бы то ни было состояния мысли, естест-

Владимир ХАРИТОНОВ

Возвращение ЛАБИРИНТА

венного, прирожденного этим вещам и нашим словам состояния, где уже установлены связи вещей и слов и благодаря которому мы можем понимать. Такого состояния нет. Мы несостоятельны и нищи духом. Блаженны ли?..

Блажен Тесей, ведущий нас к несуществующему центру, ведь тем, собственно, и отличен лабиринт от паутины, что в нем нет центра, где обитает паук.²

Что касается Минотавра, то его дом - это весь Лабиринт. Минотавр подобен Лабиринту его двойственностью и тем ужасом, который он пробуждает в сердцах идущих за бесстрашным Тесеем. Минотавр равен Лабиринту. И если встреча с Минотавром предопределена, но от этого не становится более чаемой, - как предопределена, но нечаяема нечаянная встреча человека с родным ему предельным, в котором открывается его Иное, - то таково же и путешествие в лабиринте.

Глаз утыкается в неопишемую вещь, точнее, в нечто: что

такое пустышка? Как если бы спросили: что такое рюмка? Вертишь пальцами и не можешь сказать ни слова³.

Останавливается и недоуменно моргает. Можно попробовать обмануть зрение, наклеив на это нечто табличку с надписью о чем-то знакомом - "пустое - значит пустышка", - и тем самым обойти глаз через ухо, которое тут же "узнает" и поймет: на то в него и заключен лабиринт, лабиринтик, чтобы искать проход между тихо жужжащими комариными плешами и вовремя среагировать на шуршащее приближение смертоносной жары. Обман укореняется где-то внутри тебя, поближе к мозгу, ярлычки, как и гачки, вроде бы только для ориентировки. Но неопишемые вещи и непредсказуемые конфигурации пространства лабиринта - ловушки - все равно выбивают из назженной где-то за пределами зоны лабиринта колеи, сбивают с размеченного Учителем пути, - здесь все непрерывно меняется и торжествует кажущееся

¹Невалидность (в том смысле, в каком использует это понятие Р.Барт) фабулы "Пикника на обочине" продемонстрирована в предисловии С.Лема к польскому изданию повести. Впрочем, невалиден и сам Лем, как и в случае с "Солярисом" Тарковского.

² M.Brion "отмечает, что в отличие от паутины лабиринт принципиально ассиметричен" (Лотман Ю. Выход из лабиринта // Эко У. Имя розы. - М., 1989. - С.472) и, следовательно, децентрирован.

³ См. "Феноменологические штудии" Р. Шухарта.

постоянство,- и вот уже надо передохнуть, привести мысли в порядок - какой, однако, порядок мысли соответствует лабиринту? - чтобы ненароком не ступить в ведьмин ступень или не попасть в чертову капусту. Минотавр притаился за каждым углом. Пришло его время.

Все снова вернулось: и звенящая духота одиночества, и опять запутавшаяся нить, и настороженное внимание каждому шороху, каждому скрипу, и уже неясно, то ли это шаги человеко-зверя, то ли героя, то ли богочеловека, то ли муха пролетела, а может быть, просто мысли начали путаться со звуками - тема для диссертации "О влиянии лабиринта на лабиринт", - ...

Происхождение "лабиринта" само есть этимологический лабиринт. Центр его, т.е. точка порождения, теряется в его узких проходах и множачихся разветвлениях. А потому и не существует. Осталось лишь несколько выходов - они же входы.

Plspa - "улица, узкий проход": вероятно, этимология post

hos. Лопе-ро-унт - "Храм при входе в озеро" на берегу Меридова озера - имя фэйюмского лабиринта, построенного при Аменемхе Ш.

У кого-то из древнегреческих этимологов встречается и трудно воспроизводимое словосочетание, напоминающее "лагеринт" (весьма, весьма актуально) и означающее "большое кружение". Тоже объяснение post hos. И, наконец, Labros - "двойной топор", атрибут культа Зевса Лабрандского⁴.

Каждая из этих меток намекает на что-то. Каждая из этих дверей куда-то ведет. Последняя версия - "версия" возникает не случайно, заранее связывая мое кружение по лабиринту с лабиринтоидной метафизикой детектива Умберто Эко - больше зацепляет глаз. Ухо настораживается: боги - древность - генеалогия. И еще: двойной топор - двоякая природа Минотавра - амбивалентность лабиринта.

Лабиринт Минотавра - вселяющее ужас первобытное, первобытийное, то, что уже покинул

⁴ Подробнее об этимологии лабиринта см. соответствующую статью в энциклопедиях Брокгауза и Эфрона (т.ХУП.-С.179-180) и Британника (1911.-ХУ1.-С.32-34), а также книгу А.Лосева "Античная мифология в ее историческом развитии" (М., 1957).

человек, или то, что уже покинуло человека: копошащийся нечистью хтонический хаос. Может быть, первый лабиринт был пещерой, местом, которое граничило с одновременно манящей и пугающей утробой Матери-Земли, из которой когда-то вышло все живое, ту утробу, которую предал человек. Утробу, зовущую его всю жизнь. Она действительно вечна и вечна, и человек обречен в своем стремлении вернуться назад, к ней, во время блаженной истомы под покров материнской защиты. Мания возврата, повтора в виде рационализированной схемы Эдипова комплекса, вернется к человеку позднее, но еще до того не престанно будут маячить перед его взором повторения углов, закоулков, комнат надежды, исправительных мест неповторяющегося, ложного повторения.

Однако лабиринт как Лабиринт, тот самый, "мифический", растрчивает свою первобытийственность по мере расходования камня и глины, выделенных царем Миносом

5 "Очевидно, что миф о лабиринте отражает победу организующего и планирующего начала в общественной жизни" (Лосев А. Указ.соч.- с.220).

6 "В нем никому не удастся заблудиться. Входишь, добираться до середины и из середины выходишь. Потому-то в середине и сидит Минотавр. Иначе пропал бы весь смак мероприятия. Это была бы обычная прогулка". (Эко У. Заметки на полях "Имени розы"//Эко У. Указ.соч.-С.454).

Дедалу на постройку жилища для Минотавра. Лабиринт постепенно становится испытательным стендом для героев, где они проходят проверку на отличие от человеко-зверя. Собственно, Лабиринт был создан для Тесея, для его силы и славы, для демонстрации его ума на фоне смерти монстра. Лабиринт оказался свидетельством власти уже не бога, но человека, властвующего над пространством посредством "оперативного ориентирования" в кружащихся узких проходах. Только после этого и могло быть дано имя канальцам в височной кости, позволяющим нам отличать верх от низа, правую сторону от левой, добро от зла, бога от человека, человека от зверя, - лабиринт. По-детски наивная уверенность в собственном повзрослении⁵.

Лабиринт Дедала создан так, чтобы в нем нельзя было заблудиться знающему или имеющему. Вся его изюминка в финальной битве⁶.

Он нужен только для этого, т.е. иск-

лючительно для того, чтобы человек мог удостовериться в собственных силах и умении. Лабиринт сохраняет свою двойственность и здесь, но лишь по отношению к автору и герою: автор лабиринта, могущий быть и анонимным, реализует свою волю к власти в изощренном измывательстве над героем. Лабиринт воплощает в себе торжество разума и одновременно сатирическое наслаждение, демонстрируя меру человеческого.

Человеческим, слишком человеческим остается лабиринт монастырского сада и мозаики собора - он демонстрирует⁸.

Кружение дорожек долженствует означать запутанность человеческой судьбы, противоречивость мироздания, могущество всеведущего божественного ума, а заодно крестный путь богочеловека. Все вместе - морально-аллегорически-аналогическое учебное пособие по ничтожности человека, сделанное самим человеком. Лабиринт лишь повод. Длинный повод, на котором ведут ко-

7 См. в связи с этим гл. XIX "Дедал, или Механик" трактата Фрэнсиса Бэкона "О мудрости древних" (Бэкон Ф. Соч.: В 2-х т. Т.2.-С.271-273).

8 Об этом подробнее см.: Лихачев Д.С. Поэзия садов.- М., 1982; Курбатов В.Я. Сады и парки. - Пг., 1916.

9 О базовых матрицах знания "мера/измерение" (античность), "спрос/знание" (средневековье), "осмотр/обследование" (Новое время), выделяемых Мишелем Фуко, см.: Визгин В.П. Генеалогия знания. М.Фуко как программа анализа научного знания//Исследования в современной науке.- Новосибирск, 1987.-С.267-284.

ней человеческой души, дабы они не взмывали в поднебесье без необходимости. Такова и Храмина у Эко, регулирующая потоки знания/незнания, допускающая в себя лишь знающего или дознающего инквизитора.

В конце концов лабиринт становится пространством осмотра⁹ достопримечательностей, способом удлинить прогулку, посмеяться над заблудившимся растяпой (Джером К.Джером), дать повод усомниться в собственной способности к ускользанию от Иного, с тем чтобы вновь в ней удостовериться.

Лабиринт как учебная задача допускает и всяческие завитушки, украшения, ухищрения, но они не страшны, если следовать логике, знанию, быть упорным на пути проб и ошибок.

Имеющий ухо... Перо тянется привычным, заканчивая ритуальный заговор Откровения, но имеющий ухо не слышит эха собственных шагов по переходам истории. Культурный глаз примечает домашнюю за-

путанность и следует дальше. Что может быть проще - немного взлететь или просто подняться на соседний холм. И вот перед нами сбегаются и расходятся, сплетаются и распутываются дорожки-тропинки-пути. А лабиринт опять ускользает, избегая встречи с нами. Глаз упирается в стену и видит только выщербленный камень, поворот, чей-то скелет, прикованный в назидание потомкам, но не видит лабиринта. И ухо, сколь бы напряженно ни вслушивалось в шорохи-скрипы, не может услышать самое себя, свой лабиринт. Имеющий ухо не слышит.

Я не думаю о том, как я хожу, как дышу, как вижу и слышу. Это настолько очевидно, что не может стать предметом заинтересованного внимания, недоумения или сомнения.

Моя помещенность в родное тело обычно не вызывает ни радости, ни испуга. Первичные подробности жизни не напрашиваются на взгляд, занятый обследованием вещей, которые

исключают из своего круга тесную область тела. Глаз занят мировоззрением, забит им от хрусталика до нерва. И ухо послушно заткнуто собственным рассудительным голосом.

Культурные органы чувств вновь обнаружили лабиринт недавно, как раз в тот момент, когда он окончательно утратил свою архитектурную плотность и растворился в плоской метафоре. Как многие берлинцы увидели Стену только тогда, когда она перестала существовать, так и лабиринт начал обретать качество существующего, когда почти совсем исчез в риторическом болоте.

Сознание вдруг - и это "вдруг" столь же негаданно и непредсказуемо, сколь необъяснима была тяга к изяществу латыни и мания Возрождения, - обнаружило, что витает над темными водами себя самого, а потому избрало в качестве своего "чего-то" - "сознание есть всегда сознание чего-то" - напряженное вслушивание в отзвуки голосов и мучительное в своей невоз-

возможности наблюдения над тем, что расположено на периферии зрительного поля. Исследование сознания самим же сознанием - парадоксальный исход бывшего таким простым и понятным, а главное, прямым пути культуры. На этом прямом пути лабиринт был только помехой, искривлением, аномалией и патологией: операциональный разум с легкостью достигал истину в его центре. Несмотря ни на что. Для забавы можно было позволить себе сконструировать лабиринт, с тем чтобы post hoc продемонстрировать его убожество, можно было даже поселить вовнутрь него плюшевого Минотавра.

Момент обнаружения лабиринта на периферии контролируемого культурой пространства совпадает с самообнаружением сознания как лабиринта и в смысле открытия, благодаря вниманию к окраинным мелочам¹⁰, организующей - и ориентирующей - мыслительной структуры, порядка мысли, вестибулярного аппарата

духа, и в смысле принципиальной нелинейности этой структуры и трудоемкости ее исследования.

Лабиринт вернулся, всплыв из глубин бессознательного, культуры. Вернулся и оказался на приуготовленном для него месте, месте символа отношений человека с миром. Обветшавший храмовый комплекс частью снесли, частью - реконструировали. Очень кстати оказались подвалы, пристройки, флигели, удачно вписавшиеся в лабиринт.

Впрочем, лабиринт легко превращается в библиотеку, энциклопедию, серию зеркальных комнат и также легко совмещается с ними. Все это разные имена одного и того же места, где обитает человек. Это обиталище - еще и место, где умножается существующее: чтобы понять лабиринт энциклопедии, Борхесу потребовалось создать энциклопедию лабиринтов, зеркало для мира-лабиринта.

Центр лабиринта исчез, точнее, обнаружилась его невозможность. Истина

¹⁰ О периферийном зрении подробнее см. статью А.Бабетова в следующем номере журнала. Примеч. ред.

уже никогда не успокоится в этом центре, разве только где-то за пределами лабиринта, а потому человек уже не ищет истины¹¹, но странствует по лабиринту, может быть, в поисках Ариадны. Это странствие полно смысла, ибо повторения переходов иллюзорны: лабиринт - это пространство несбывающегося повторения.

Наивными и, следовательно, опасными оказываются намерения всякого берущего на себя обязательство довести странствующих до центра, до места откровения, - было уже, было! - до места последнего исполнения последних желаний. Зная, что мир давно уже не столь определен и вычисляем, как храм, такой подкрадывающийся и гордо шествующий Тесей может попытаться соорудить оракула, совмещенного с полевым агрегатом при приведении к норме... Последний герой, после многих

лет работы директором спецшколы возомнивший себя Динисом.

Лабиринт постоянно перестраивается, сарай может превратиться в гостиную, сортир - в музей, подвал вдруг оказаться чердаком, а дверь спальни - открыться то в кабинет врача, то в морг, то на сцену. Все помещения лабиринта связаны со всеми многочисленными лестницами, лазами, тоннелями, анфиладами¹², и благодаря этим акаузальным (необуславливающим) в силу отсутствия центра - связям все залы лабиринта равноценны - при всей их явственной неравноценности, - и ни один из них не может претендовать на главенство, даже предел Африки, тем более - предел Африки.

Каждую комнату ждет свой праздник открывающейся двери или распахивающегося окна, из которого открывается вид на Лету, что течет в край Козодоя.

11 "Лабиринтный человек никогда не ищет истины, но всегда лишь Ариадну, что бы ни говорил нам об этом он сам" (Фр.Ницше). Цит. по: Свасьян К.А. Фридрих Ницше: мученик познания // Ницше Ф. Соч.: в 2-х т.-Т.1.-М., 1990.-С.25.

12 Об этом типе лабиринта, возникающего по схеме ризомы, пишет Эко в своих "Заметках", отсылая читателя к книге Жюлья Делеза и Феликса Гваттари "Ризома". (Журнал предполагает опубликовать несколько фрагментов из этой книги.- Примеч., ред.)

С.БАЛАНЧИН
ПЛАВАНИЕ черных рыб
В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

плавание черных рыб -это попытка приблизиться к жанру "русский язык". отпуская слова,надеюсь на при-бывание с мыслью.

может быть, события в жизни человека не так интересны, как жизнь его языка.

шизо.subject: местоимения.

писать страшно, а вдруг это не я, а сам язык нашептывает еще один парафраз, параболу;

я лингвистическая машина
его тело претерпевает оргазм грамматики

я вхожу из правил и параграфов
он сливается с миром, ведь слова и вещи уже неразличимы.

шизо. сплошное хочу, нет, не всего, а всего лишь х о ч у ,

хочу само х о ч у (осторожно оглядываюсь - конгруэнтность?!

воли к власти /как здесь нехватает эвфримизма/.

край диалога - это монолог, но не когда обращаешься к кому-то, пусть даже к самому себе, монолог - гонка за сказанным, не суета оговорок, а растяжка между я и он;

погруженность в мир, как в воду текущую, истекающую: предметы рядом и вонне, касаемы и далеки, как приглушенный звук; уходящий и наступающий сон. Другие модусы, не "тепло", не "хочу", не "весело"; другие положения неосмысленных движений, запечатленные через "не", через "предмет", его другое, вплоть до "не"; как "ты" через "он", как "я" через "ты": не-я-это ты; не-я-это он; все ближе местоимения, место-имения, вместо-имения - пространство между двумя

своими именами - меж (межа) - местоимение, его локус, где оно есть чистая посессивность, принадлежность, место принадлежности кого-то (чего-то кому-то) чему-то - место в социуме, как это похоже на власть. власть - а-топичность, безименность, безместоименность - анафора пустого имени.

во сне фигуры страха
я позвончик кровати покинувший тело
в белом тепло снега

Плавание черных рыб в холодной воде

Что ему до отторжения о-смысленности, созданный как оболочка, скорлупа; на расстоянии слова держит оговоренный образ, книга, книжечка, - библия - вот и готов человек, адам, он весь из слов, из имен, данных самому себе, и ничего вне имени, только Б-г, вместителище света, чье чрево - мир и творение двадцати двух букв, лингвистика как литература - образ мира, и где он другой?

словесный корпус - полупрозрачный пластик, пытающийся убедить в своем небытии, слово говорящее, что оно и вещь - это одно, и ничего кроме, и человек, ветвящийся среди определений призраком "я" (единственное слово, желающее само себя).

Он дал нам несколько точек: ширить пространство логики, аподиктичность аксиом и грамматику (пусть прямо с метаформами, а ты предпочел бы метони-мию?); у-ширять пространство до столкновения с провалом, с nonsensom, с пустотой; узел - парадокс - неиз-бежно*, тогда все снова, тогда новые интенции, новые сети (не на истину, на человеков), новая поросль слов, и новый абсолют, шунт метафизики (скорее б избавиться от физики, фюзиса-природы; была б мета - техника, нет - метагомо, что-то от памятника Фридриха Н.)

* Во всякий феномен можно погружаться, вплоть до выпадения из него.

начало любого текста в метатехне: "Пусть..."
в метагомо: "Нет".

Нет

радикализм - это отчаяние поиска. воля - выход (а не вход), всякое осознанное, как воля к воле, напряжение рождает только в круге данного (возвращение того же самого).

в каталог выставки

Есть пространства работы мысли, пересечение которых горизонт, где гул и молчание обнаруживаются смешением фраз, цветов, где топи "культуры" однажды вдруг уходят из-под ног - одиночество:

בְּרֵאשִׁית בָּרָא אֱלֹהִים אֶת הַשָּׁמַיִם וְאֶת הָאָרֶץ *

живопись - это влюбленность в на-глядность (до не-наглядности, вуаеризма, сна) мира. В ней существование обретает свою вос-требуемую очевидность - объект, объективность. Эта одержимость зрелищем вызывала призраков театра (Бэкон), и чем дольше она удерживала их на холстах, тем сильнее тянули они за собой туда, где место для "присутствия отсутствующей реальности". Но, держась объективности в статике письма, невозможно осуществление идеи театра, с его близостью институализации, где каждый играет установленные роли и драматургия выстраивает свободу, во всякий "настоящий театр есть критика театра", есть некий рефлексивный выход. Художник работает с формой, с цветом, но в его руках не только кисть, но и образцы тех, с кем он ведет диалог, те, по отношению к кому он хочет Иного, но это иное лишь минус, притягивающий к образцам. Эта упругость возвращения - объект и институт (призраков театра), легитимизирующий истину и красоту. Здесь возникает у-топия.

поход за утопию ведет в ближайшие инверсии реальности, в постановки в то место, но "то" "у", и лишь "место" вводит в заблуждение; так пусть не будет и места - а-топичность. Земледельческая душа дома и сада, в путь, не по полевым дорогам пустотной постылости, а по лесным тропам.

может обязательность опоры, искание на теле родовых знаков, априорный провал абсурда и концептуализация утопий - вот что заставляет ставить, вы-ставляет перед художником мерцание культуры. Не образцы и приемы,

*Бытие

но напряженность в собственном бытии, его обнаружение заставляет писать и письмом говорить с собой о провале одиночества в выступлении мира; блуждание по самой его границе - holzwegен.

маргинальность, ставшая знаком разрушения, исчезновения разворачивающейся топологии погружающегося в землю плода, маргинальность подземных ходов старого крота революций, вот уже в который раз выводит к народу-номаду, презираемому, боящемуся самого себя и имени своего бога. Номады, читающие (чтящие) Книгу интеллектуалы, провозглашая Единое, тем самым уходя из него*, иначе миф стал бы основой повествования.

Смотреть не значит видеть объект, зрелищность идеи также неизбежна, как и языка. Но здесь не объекты, не гармонии дизайна, не импрессионизм - время в расцвете его осознания, а идея, cogito. идея - это уже от-дельность, шизо. Здесь рассыпается единство взгляда, паранойя интенции.

края, края, набегающие друг на друга, тени аллюзий, желания образа, сборки Джузеппе Арчимбольдо. и только вздох о Гольбейне, о... человеке, вот и все... стоит всмотреться... в иллюзию "человек".

Глосса

Йозефу К.

начать с имени, с указательной близости того, что всегда в тебе, ты, , вокруг тебя, тут-бытие. $\square \psi \square$
"Это Имя" (полное четырехбуквенное имя - Святое Имя Бога не произносится во всей его полноте и, оставляя след, пишется как $\square \psi \square$ Б-г.)

Имя - означаемое означаемых, вызвавший тебя устраивает переключку значений, они протекают в нем, и остановка их только желание встретить конец-начало этого потока. но что это желание как не за-требование границ, делимости мира - можно ли выдержать жизнь обнаженной всесвязанности - безумие: невозможность найти классификатор. в $\square \psi \square$ есть спасительность : $\square$ - определенный артикль. "Это самое имя" - почти денотат, больше чем денотат: определенность останавливает, делит своим

* Чтоб избежать парадоксов теории множеств. Рассел и Уайтхед писали: "то, что содержит все элементы множества, не может быть элементом того же множества".

сти, история делалась - не ожидалась. всякий раз, когда יִשְׂרָאֵל דּוּ изымался из земли и рассеивался по ней, возникла определенность Имени (стиравшимся на Земле, исчезающим в обменах) - הָשֵׁה . Имя рождало страх. в этом страхе происходил прорыв целостности сущего, без-местность, а-топичность народа выдвигала его к самому себе, оставляла наедине с самим собой, и в этой единичности ему открывалось Ничто, как крушение притязаний сущего на целостность. Это страх не "из-за", но "перед-". в нем персонажи и предметы мира как бы уходят, погружаются в безразличие. но в страхе не происходит ни реального, ни понятийного отрицания сущего, но отступление "перед-", выходение наличного бытия из Ничто, страх есть возможность свободы. Запрет на произнесение полного имени Б-га, знание которого давало могущество, желался в страхе, это был желаемый страх. то, что в состоянии виновности выступало как ничто страха, отныне вошло в него самого и снова есть некоторое ничто - пугающая возможность мочь. но что он может - свобода не полагает ни добра, ни зла - это исторический осадок, но есть митцва, завет, удерживающий стремительность падения в свободу.

*

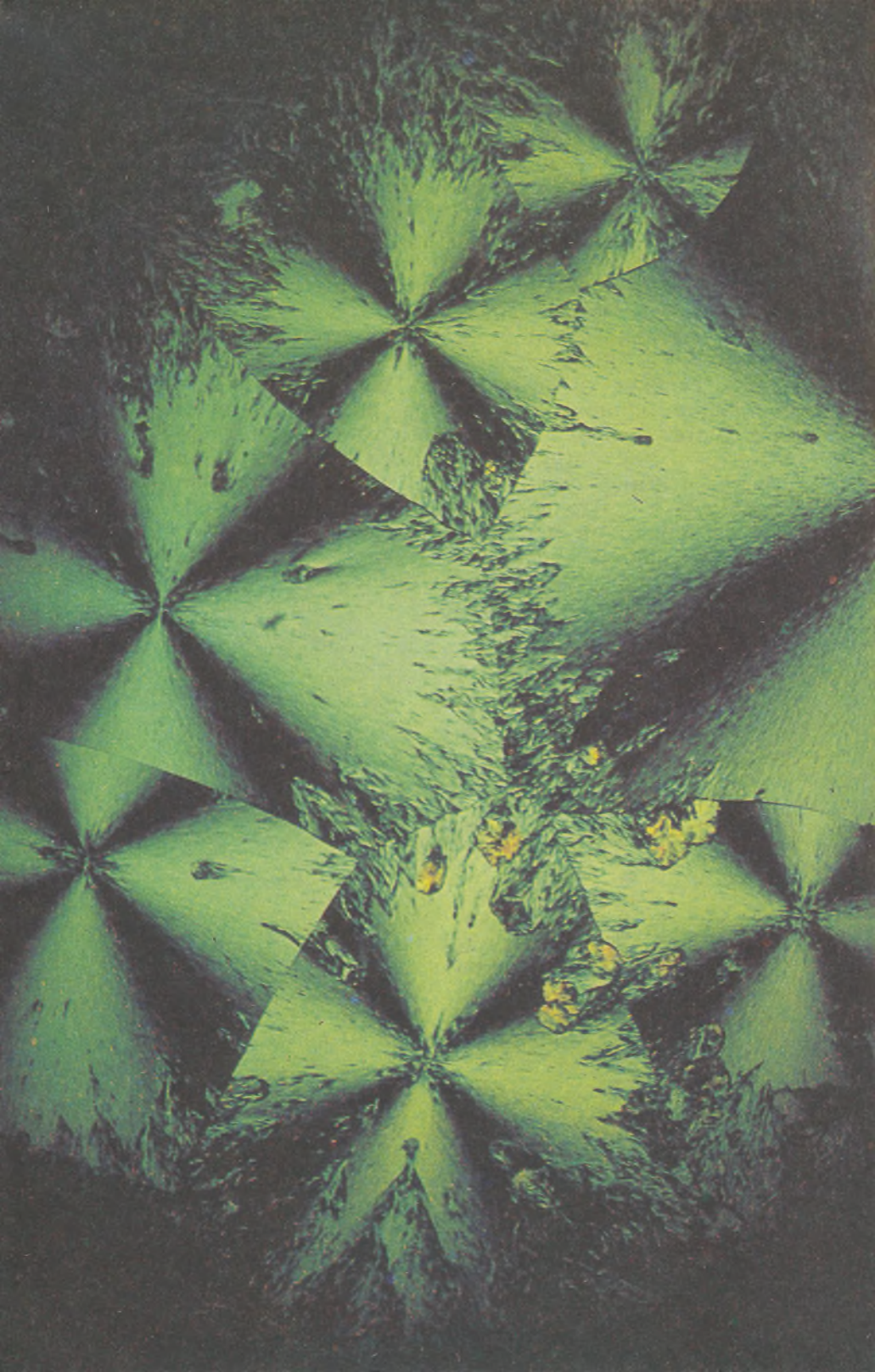
שָׁמַע יִשְׂרָאֵל, יְיָ אֱלֹהֵינוּ, יְיָ אֶחָד.

из глубин
 поднимаются рыбы
 к круженьям листа
 к теплым струям
 сухого сада
 плавники
 поперечины флейты
 а внутри
 дыхание пера
 пустота
 и в движеньи ленивого глаза
 лабиринты холодной воды.

1988 г.

* "Шема", библейские стихи, повторяемые дважды в день, во время вечерней и утренней служб. "Слушай, Израиль! Господь Бог наш, есть Господь единый".

Внешнее течение жизни философа не изобиловало парадоксами. Можно сказать, что это была благополучная жизнь, во всяком случае, долгая. В 1938 году, когда философу было 60 лет, ему удалось выехать из Германии в Палестину, избежав печальной участи многих своих единомыслителей. Признание, негромкое, но достаточно устойчивое, пришло еще в 20-е годы. Особенный интерес к личности и творчеству Брубера в европейских и американских интеллектуальных кругах проявился в 50-60-е годы и не ослабевает по сей день. Не случайно Мартина Бубера причисляют к выдающимся философам XX века. Хотя все написанное им умещается всего в трех томах, и лишь один из них посвящен сугубо философским проблемам. Конечно, дело в качестве написанного. Достаточно напомнить, что вместе с Францем Розенцвейгом Бубер начал и осуществил в 20-30-е годы перевод Ветхого Завета на современный немецкий язык. Немногословное, но весьма емкое философское творчество не только впитало в себя историческую парадоксальность времени, но сделало парадоксальность одним из своих принципов. Мартин Бубер был не только свидетелем, но и участником кризиса европейской культуры; он был призван соединять в себе развергающиеся пласты культуры, разнородные уровни национального сознания, создавать новые философские формы, действующие вопреки общепринятым канонам. Когда европейское сознание упивалось философскими рационалистическими конструкциями, Бубер один из первых обратился к иррационалистическому философствованию, к простым народным формам философии ("История Рабби Нахмана", 1906; "Легенды Баал-Шема", 1908; "Экстатические конфессии", 1909; "Речи и поучения Чжуан-цзи", 1910 и др.). Если в начале века Бубер занят поисками собственного пути, на котором традиционная европейская и восточная мистика является лишь средством, открытием новых возможностей, то потрясение первой мировой войной определило выход Бубера из

Владимир КУЛИКОВ

Диалогический МИР Мартина БУБЕРА

круга субъективности, вывело внутренний поиск к идее "осуствления", к особой действительности отношений между людьми, между человеком и Богом. Космическо-мистическое единство мира, отчетливо выраженное в предвоенные годы, приобретает принципиально новые черты - ответственности и страдания человека за себя. Война дополняет напряжение мирового существования внутренним напряжением конкретной личности, что предопределило вывод философа о бессилии и страхе человека перед судом высшей нравственной силы - Бога. Религиозность воспринимается как особое чувственное качество, возникающее между человеком и Богом в периоды всеобщего страдания. Война виделась Буберу именно такой критической ситуацией, которая ставит человека перед принятием решения, перед необходимостью духовного обновления, в смысле "обращения" к самому себе, поворота к внутренним, глубинным проблемам. Свидетельством философского поворота от мистической проблематики к собственно диалогическому стало знаменитое, основополагающее для всей последующей эволюции творчества Бубера произведение "Я и Ты" (1923). Возможность иррационалистического философствования была заново представлена Бубером в современной философии как устремленность к философской антропологии. Был радикально поставлен вопрос об основополагающих отношениях человека к собственному и всему существующему миру, о выявлении человеческих предпосылок философствования. "Я не имею учения, - повторял Бубер, - я лишь свидетельствую о действительности, показываю в ней нечто малое или совсем невидимое..." В третьей части работы "Я и Ты" Бубер характеризует понимание Бога как "вечного Ты". Бубер не предлагает постижение Бога за счет отречения от земного мира. Сила отношения в "веч-

ном Ты" наполняет каждый миг земного существования человека смыслом, делает его "вечно настоящим". Не через отрицание, но через освящение мира находит человек живого Бога; не около Бога, но в нем самом открываются совершенные отношения. "Кто подлинно исходит к миру, тот исходит к Богу". Данная позиция определяет водораздел современно-антропологического мышления с историческим опытом мистиков. Для Бубера Бог не идентичен ни со Вселенной, ни с субъективностью; Бог охватывает эти крайности, соединяет в себе все парадоксы.

Позитивный смысл обращения Бога к человеку раскрывается в категории "откровения". Непосредственность личного и божественного опыта и есть открытость "вечного Ты" или Слово, передаваемое Богом. "Откровение" воплощает настоящее, истинность ответственности перед безусловностью сущности. Подобное доверие характеризует библейскую веру. Отношение к Богу жизненно и, следовательно, глобально в своем проявлении. И вновь полагается беспомощность традиционной философии и теологии в понимании откровения как универсальной формы Я-ты-отношений. Вместе с тем Бубер переводит свои рассуждения о "подлинных отношениях" в плоскость конкретной жизни человека, его исторического бытия. Проблема доступности Я-ты-отношений, специфичности восприятия откровения разрешается в другой "мессианистской категории" - категории "встреча". Встреча - это своеобразный способ постижения Бога через многоаспектный человеческий опыт "взаимности" с природными и духовными феноменами. Встреча - это милость Бога, неожиданно и сиюминутно даруемая человеку.

В традиционном мистицизме механизм восприятия сакраментального относится к сущности божественного, а не земного. Бубер с самого начала обращает силу чувственно-духовного отношения ко всей природной жизни. Как отмечается в "Я и Ты", человек не совсем потерял тайную тоску по "природной связанности". В данной корректировке мистического механизма достаточно остро и точно выражено предчувствие проблемы, осваиваемой сегодня генетикой, экологией, политикой. Претерпели корректировку в последующем и сами способы постижения божественной действительности отношений.

Как видим, пафос традиционной мистики поддерживается в направлении поиска истинного обретения челове-

ком духовных и непреходящих ценностей. Содержательное наполнение этого пафоса открывало такие мировоззренческие горизонты, которые явно не согласовывались с традиционно мистическими подходами. Применение иррациональных способов философствования, как ни парадоксально, вполне подходило для осмысления новых, становящихся, еще неясных трагических реалий исторического, политического развития европейского сознания. Увлечение мистикой, не столь редкое для интеллектуальных исканий начала века, переросло у Бубера в попытку создания философского языка, выражающего качественно иное содержание мира, представляющего не игру божественных сил, а "божественную судьбу". Крах рационализированных моделей европейской философии, теологии, этики, политики делал оправданными иррационалистические поиски альтернатив, сблизил попытки неомистического творчества в разных частях Европы, включая и российские варианты. Одновременно шло освобождение и от наиболее устойчивых, наиболее рационализированных конструкций традиционного мистицизма. Так, Бубер стремится преодолеть пантеистические стереотипы, заменяя всеобъемлющую и самопорождающую субстанцию иным способом взаимного согласования противоположностей, а именно - отношением.

Жизненный смысл категории "отношение" несет в себе природно-сакраментальную связанность всех явлений, непосредственность материальности и духовности. Рационализированные структуры огрубляют и разрушают гармонию непосредственности, ведут к углубляющемуся кризису существующих философских направлений. Состояние, в котором находятся, по свидетельству Бубера, современный идеализм и материализм, лишний раз доказывает нарушение единства отношения между человеком, Богом и миром, столь ярко проявляемое в росте индивидуализма и ложного коллективизма.

Преодоление индивидуалистических наклонностей нашего века видится Буберу на путях встречи человека с сокровенными сущностями мира. "Осуществление бога" или встреча с "вечным Ты" есть жизненный миг и одновременно духовная среда, в которой воплощается "сила отношения". Человек, находящийся в "отношениях", способен сводить все многообразие мира к себе самому. Претензия человека на центральное положение в мире должна уступить место его рядовому соучастию в

свершениях сегодняшнего дня. Подлинность "взаимопроникновения" охватывается философскими "мессианистскими" категориями творения, откровения, спасения. Они взаимопределяют друг друга.

"Творение" - основополагающая категория, означающая становление мира в Слове и через Слово возвещающая человека. Живительное первородное Слово и есть начало подлинной действительности отношения. Точно так же первый акт духовности - язык - воплощаемое отношение, отражение божественной речи. Поэтому творение в языке свидетельствует о встрече, происходящей между Богом и человеком. Бог творит мир в Слове и Слово отвечает человеку. Наиболее полноценная встреча человека с Богом случается не в природе, а в истории. Историческая действительность человека есть ответ на творящее Слово Бога. История представляет собой поток божественного самооткровения, запечатляемого в Писании. "Вначале было Слово" для исторического человека означает не только бытийное "нахождение в языке", но прежде всего необходимость "ответственности" на обращения Бога. "Ответ" тождествен ответственности за судьбу общности и мира. Зывание к ответственности человека за его исторические решения и поступки в сложный период, когда окончание одной мировой войны знаменовалось началом подготовки к другой мировой войне, имело значительный гуманистический смысл. Ответственность предполагала осознание глубинной цели Творения. Эта цель есть Спасение. Спасение человеческого в человеке.

"Слово" как связанность между человеком и Богом, как осуществляющийся язык открывается в своей истинности в трех сферах отношений. Подчеркивая всеохватывающий смысл Слова, универсальность языка между Богом и человеком, Бубер употребляет более сильный символ, "символ первобытия" или "Логос". В Логосе одновременно проявляется единство Слова и Жизни. "Единосозидающая жизнь", выраженная в Логосе, тождественна истинному Учению. Обращение к Логосу продиктовано стремлением достигнуть и определить в смутном современье некий первочеловеческий смысл, возродить его первооснования в культуре. Символ Логоса олицетворяет западное начало современных ценностей культуры, которое сближается Бубером с восточным началом - мистикой. Рациональность в современном ее состоянии окончательно девальвирована

и мало конструктивна. Соединяющим не-рациональным звеном между мифом и мистикой, соответственно между Западом и Востоком, является, по мысли Бубера, Учение, или Библия. Функционально Божественное писание, учение, играет роль проводника между мифом и мистикой.

Что касается рациональности, то отвергая ее самодостаточность, самовлюбленность, Бубер вовсе не игнорирует ее существование, но пытается определить ее истинное место. Учение относится к рациональности как ее подлинное основание и фундамент. Учение есть следование, путь, действительный образ Жизни. Человеческое воплощение такого поведения демонстрировалось величайшими творцами религий, пророками, ибо их устами вещал Бог. Однако во времена "затмения Бога", когда невидимы люди, слышащие глас Божий, основным источником чистоты и искренности становится видимое речение Бога - Писание, изрекающее учение. Впрочем, Бубер допускает, что исполнение божественных заданий Писания может осуществляться в нетрадиционных направлениях, способствующих развитию человеческого сообщества. Это допущение отчасти оправдывает философское творчество самого Мартина Бубера. Не мистика, не миф, но дух Библии, Писания формирует атмосферу человеческой жизни. В опыте общения с "вечным Ты" возникает образ бытия человека. Творение и Откровение, взаимодополняя собой диалогический смысл Логоса, приносят благодать Спасения, а Ответственность перед миром, перед природой и историей делает этот шанс жизни в Настоящем лично содержательным.

Диалогически-экзистенциальное понимание времени заключает в себе глубокий социально-исторический смысл. Время возникает в акте встречи, следовательно, сопряжено со структурой общности и социально по своей природе. Самобытность времени выражается не в кажущейся ориентации человека в прошлом и будущем, но в реализации подлинных человеческих качеств сейчас, в настоящее время. Настоящность - это время осуществления, наполненное действительными, жизненными отношениями между человеком и другим человеком, между Я и Ты. Речь идет о силе творения и спасения, которая осуществляет живое соединение прошлого и будущего. В отношении к Ты время необратимо, неисклещемо, в нем сохранена подлинность прошлого и будущего в реализации настоящего.

Социально-педагогическая значимость "осуществления в настоящем" ставила перед человеческой общностью вопрос о реальности исторической жизни, в которой часто господствуют тени прошлого и бесконечно светлые горизонты будущего. Бубер, конечно, осознавал, что непрерывное существование в настоящем времени невозможно, и человек должен переключаться в другие измерения времени. Однако, используя для себя возможности прошлого и горизонты будущего, человек создает предпосылки перехода к истинному осуществлению, к диалогическому существованию с другими. Человеческое время подобно волнам в море "вечного Ты". Возвышаясь и ниспадая, осуществляется судьба и история человека. Но действительная история, как и конкретная судьба, происходит незаметно, скрытно от внешнего течения жизни. Тема скрытой истории является связующим моментом между преддиалогическими работами и диалогическими сочинениями. Диалогическое новаторство состояло в стремлении (не отмечая мистических предпосылок) определить место человека в изменяющемся мире, стратегию человеческого поведения, его историческую позицию. Поэтому не случайно, что Бубер находил приемлемые философские способы и направления в изыскании диалогического содержания. Одним из таких направлений была философская антропология.

Первой принципиальной в философско-антропологическом направлении работой Бубера стала небольшая по объему статья "Перводистанция и отношение" (1951). В ней представлено своеобразное метафизическое разъяснение диалогического принципа в антропологическом измерении.

В самом начале изложения ставится задача рассмотреть человека "во всей его парадоксальности и фактичности". Такая постановка близка взгляду Ницше на человека как на "еще не ставшее животное". Бубер разделяет установку, осознающую вытесненность человека из животного мира, и страдающего от этой оторванности. Если Ницше полагал возможность перехода от скрывающегося животного состояния к сущностному, сверхприродному и в этом смысле "сверхчеловеческому" образу, то Бубер видел сущность перехода на пути к совершенной общности и осуществлению смысла творения. Бытие природы не отбрасывается, но особым способом передается в бытии человека. Поэтому Бубер заявляет о "двоком принципе" понимания сущности человека, о

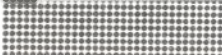
двух "перводвижениях", обосновывающих "категорию человека", - это способность к дистанции и отношению.

Способность к дистанции означает саму возможность отделить человека от окружающих его вещей. Перводистанция отвечает на вопрос, как возможен человек. Только человек имеет собственно "мир" в качестве противопоставленной самостоятельной величины, в то время как животное растворено в своих жизненных потребностях, существует в окружающей среде. Оно в соответствии с функциями своего тела подчинено заботам текущей действительности. Человек воспринимает пространственно-временную целостность вне себя как представляемое и мыслимое единство, как мир, расположенный не только в настоящем, но и в будущем.

Тот, кто способен дистанцироваться, иметь перед собой мир, тот способен "вступать в отношения". Перед человеком открывается мир вещей, в котором все имеет свое место, порядок, функцию. Вещь находится в постоянной готовности к применению, и на этом принципе основан феномен техники. Но еще в большей степени потребность в личностном отношении к вещам проявляется в феномене искусства. Искусство олицетворяет собой меру отношения между природной и человеческой субстанциями.

Мир пред-ставлен не только в своем вещном измерении, но и как мир людей. Отношение к окружающим людям строится на взаимодополнении и взаимоподтверждении друг друга, на способности образовывать гибкие типы совместных форм проживания. Конечно, сообщества известны и животным, но лишь человек может относиться к другому человеку, утверждать и подтверждать свое бытие в других людях. Общение становится возможным благодаря языку. Язык функционирует как установление и признание самостоятельности иного бытия, с которым осуществляется отношения. Способность к дистанцированию сигналов и вступление в отношение к ним характеризуют не просто обмен мнениями или предметными знаками, но принцип подтверждения человека человеком.

Высшая точка процесса отношений находится в акте воображения. Это способность моментального, не фиксируемого органами чувств, охвата душой иной реальности как своей собственной, называемая также "реальной фантазией", выражается, к примеру, в

восприятию чужой боли. Имеется в виду не психологическое состояние личности, но строго онтологическая характеристика самостановления. Индивидуальность вырастает не из самосозерцания, а из взаимодополнения себя другими людьми, взаимоутверждения себя в самости другого человека. Если животное есть то, что оно есть, то человек может быть человеком только в отношении к другому, в подтверждении себя другим человеком. В этом обогащении друг друга "небесным хлебом самобытия" возникает подлинная человеческая общность.

Итак, принцип человеческого бытия двойственен, диалогичен по своей сути, выражает динамику перводвижений – дистанции и отношения. Первое трансцендентально и предсознательно, образует основу нашего мировосприятия тем, что представляет нам мир как целостность. Второе осуществляет человеческое бытие, делает его осмысленным. На этой стадии является дух и возникает собственно человеческая история. Иными словами, благодаря перводвижениям человек не сводится ни к природному объекту, ни к осмысляющему мир субъекту, он между ними, в центре бытия, он – личность, которая во встрече с другими личностями синтезирует в конкретности на-

стоящего целостность субъективности и реальность объективности. Поэтому подлинно философское видение свойственно не онтологии или гносеологии, но лишь антропологии. Философия и есть собственно философская антропология.

Религиозный смысл диалогического принципа касается истолкования библейской ситуации, согласно которой в центре творения находится человек, реализующий себя в разговоре, в партнерстве с Богом.

Наконец, мистический уровень обособления диалогического, "двойственного", принципа человеческого бытия исходит из постижения изначального внутреннего, двуобразного движения всеобщего универсума. Первое движение, определяемое дистанцированием, открывает шанс собственно человеческого становления. Открывается простор для второго движения, охвата в отношениях бытия другого человека. Возникающая духовность, историчность определяет спасение человека.

Диалогическая философия Мартина Бубера доносит до нашей суетной жизни скрытый смысл парадоксального напряжения человеческого бытия и милости, которую являет нам Бог в общении с человеком.

Предисловие

Антропологические изыскания, начавшиеся с публикации моей книги "Проблема человека", еще далеки от завершения. В данной работе я особенно выделяю первый раздел ввиду чрезвычайной актуальной важности обсуждаемой проблемы. В других разделах поднимаются созвучные, столь же необходимые здесь, но не рассматриваемые ранее вопросы.

Взаимосвязь предлагаемой работы с моими публикациями по диалогической экзистенции ("Ich und Du", "Zwiesprache", "Die Frage an den Einzelnen"; собранными в обобщающем томе "Schriften über das dialogische Prinzip", Heidelberg.-1954) вполне очевидна для читателя данного трактата.

1. Принцип человеческого бытия

Вопрос о принципе человеческого бытия является вопросом о начале бытия человека.

Этот вопрос не следует сводить к определению некоего временного начала.

* Martin Buber. Urdistanz und Beziehung, Heidelberg.- 1960.

Мартин БУБЕР

ПЕРВОДИСТАНЦИЯ И ОТНОШЕНИЕ

Нет смысла выяснять, где и когда некоторый вид живых существ, вместо того чтобы, как остальные, довольствоваться восприятием вещей и состояний, начинает воспринимать также и собственные восприятия. Речь идет о категории бытия, которая может быть обозначена именем человека и рассмотрена во всей своей парадоксальности и фактичности. Только так можно понять, в чем основа и начало человеческого бытия.

Однако было бы ошибочным при постановке проблемы начала исходить из первичности духа. Принцип бытия человека нельзя постигать за счет протivления действительности одного бытия действительность другого известного бытия. Реальность духа вообще непредставима вне человека; все духовное коренится в человеке. Природа открывается нам в акте самоотрицания; наше проникновение в природное царство, в которое заключен человек, позволяет ослабить охват и взглянуть на выхваченного из биологического ряда ребенка как на свободное существо. Этот специ-

альный взгляд не изнутри природы, но исходя из нее.

Исход из природы следует понимать в данном случае как исход из сообщества живых существ, к которым причислен человек, ибо он является частью природы; при этом предполагается не только выявление признаков, отличающих человека от животного, но понимание, в чем совокупность этих признаков имеет бытийное основание. Только тогда нам станет известно, зачем и почему совокупность специфических признаков человека конституирует не только особую группу живых существ, но и особый способ бытия, тем самым и особую категорию бытия. Это подлинное и достаточно проясненное самоотрицание природы приводит на понимание принципа человеческого бытия.

Таким образом, мы приходим к точке зрения, что принцип бытия человека не монологичен, а диалогичен, формируется в двойственном движении, причем одно движение является предпосылкой другого. Одно можно назвать перводистанцированием, второе - вступлением-в-отношение.*

То, что первое есть предпосылка второго, следует из факта: устанавливать отношение можно только с дистанцированным бы-

тием, точнее - с бытием, ставшим самостоятельным, независимым к окружающей обстановке. Самостоятельное, противостоящее бытие имеется только для человека.

В современной биологии** говорится о животном и окружающем его мире, под которым подразумевается вся доступная чувствам животного предметность, обусловленность специфическими жизненными ситуациями. Животное, если можно так выразиться, воспринимает только те вещи, которые подходят под известную ранее общую ситуацию, и вырабатывает, исходя из этой ситуации, свой особый мир. В данном случае сомнительно само употребление понятия мира для обозначения некоторой взаимосвязи с окружающей средой, являющейся на деле ограниченной областью или частью мира. Говоря о мире, мы имеем в виду находящегося в нем с необходимостью созерцающего субъекта, наблюдателя, который преодолевает свою включенность в среду обитания и устанавливает собственную автономию. Даже мир чувств не сводится только к чувственному данным, но в нем необходимым образом воспринимающее дополняется тем, кто воспринимает, и единство того и другого придает миру постоянство и самостоятельность. Организм животного лишь отбирает из имеющейся среды необходимые ему для жизни

* Этот основополагающий акт нельзя смешивать с взаимодействием каких-нибудь предметов, находящихся в некоторой связи.

** См. работы Уэкскулля.

элементы, чтобы обеспечить область наличного существования. Ласточки и рыбы постоянно куда-то путешествуют, совершая свой жизненный цикл в достаточно неизвестной им "природе", воздействуя на нее инстинктивно. Так называемая "картина мира" животного является скорее картиной обитания, ограниченной наличными состояниями, соединенными друг с другом инстинктивно в той мере, в какой это требуют жизненные функции. Таков образ жизни животного.

Человек - первый, кто ставит на место неустойчивого конгломерата функций приспособления индивидуального организма к среде обитания, представляемое и мыслимое единство, осуществляемое им и существующее только для него. Человек взлетает в мощном прыжке над наличной ситуацией, перелетает горизонт повседневности и воспаряет к однажды увиденным звездам, охватывая все в целостный мир. Только с человеком, вместе с его бытием, появляется мир. Встреча природного бытия с живыми существами происходит в круге более или менее изменяющихся чувственных данных, который ограничивает область животного существования; но только при встрече бытия с человеком возникает новое качество, возвышающееся над средой обитания. Животное находится в сфере собственных

ощущений, как орех в скорлупе; человек же вступает в мир как гость, как жилец огромного строения, безгранично и непрерывно достраивающегося, но именно его он осознает как дом, воспринимает как внутреннюю целостность. Чтобы человек стал тем, что он есть, сущностью, он должен отделить собственное бытие от наличного состояния и признать свою самодостаточность. Жизненный мир, отдаленный и отрешенный от голой личности, отошедший от суетности нужды и потребностей, дистанцированный и предоставленный самому себе, являет собой новое качество, превосходящее ограниченность своего существования. И только когда существующей среде обитания противопоставляется целостное бытие, ставшее подлинно самостоятельным, только тогда, собственно, и появляется мир человека.

Можно было бы предположить, что это самоосуществление мира есть результат длительного развития человеческого рода, но в таком случае подобное допущение вряд ли было бы конструктивным для понимания человека как такового. Поэтому нам не столь важно, когда и где осуществлялась категория человека, сколько в чем она обосновывается. Если имеется мир, то имеется и обуславливающий его человек, но не просто как живое существо, а в

смысле пришедший в действительное бытие категории. Человек не может обойтись без того, чтобы не противопоставлять себе все, что встречается на пути, известное или неизвестное, и объединять все, даже "примитивным способом", в единый мир. Это касается и человеческого отношения к пространству и времени. Животное всегда занимается собой и своим подрастающим потомством, но только человек представляет себе свое будущее. Бобер доводит строительство до определенного во времени предела, но посаженное человеком дерево вырастает в мир времени, и тот, кто посадил первое дерево, дождется мессии.

Таким образом, первому движению подчинено второе: человек обращается к самостоятельной целостности бытия, соотносится с ней. Опять же следует понимать "первое" и "второе" не в значении временной последовательности; единый мир самодостаточности не мыслим вне отношения к самому себе, то есть он изначально пронизан отношением. Тем самым должно быть сказано и то, что животное не знает состояния отношения, потому что не может быть отношения там, где нет самоотделения бытия и соответствующего восприятия мира. Колдун, вызывающий дождь из облака, находящегося вне поля его зре-

ния, занят абсолютно тем же, что и физик, производящий расчеты над еще не видимой планетой за письменным столом.

Деятельное отношение к миру как таковому, а не к его отдельной части или механической сумме элементов мы можем обозначить как синтетическое созерцание. Данное понятие выражает функцию единства: синтетическим созерцанием мы называем созерцание существующего бытия в качестве целостного и единого. Созерцание такого рода есть и будет всегда выступать созерцанием мира. Концепция целостности и единства идентична, по сути, концепции мира, к которому обращен человек. Кто открывает для себя мир, отделяясь от ограниченной, изменяющейся среды обитания, кто обращается к миру и, созерцая его, вступает в отношение к нему, тот воплощает целостность и единство бытия, с этих позиций понимая все существующее; отдельный человек постигает характер целостности и единства в процессе своего чувственного восприятия мира. Дистанцирование и самоосуществление сами по себе не гарантируют человеку синтетического созерцания; они предполагают ему некий предметный мир, который не существует в целостности, а представляет собой механическую сумму разнообразных качеств. Только созерцание

противостоящего мне миропомазанного сущего, устанавливая отношение с котрым, я сам становлюсь всесторонней личностью, дает мне истинное понимание мира целостного и единого. Поэтому только в таком созерцании противостоящего мне бытия наконец-то сливается в одно жизненная предельность человеческого существования и дополняющая его сфера духа. Так было, и так есть по сей час. Однако не следует сказанное здесь исказать, полагая, будто бы я "насаждаю" мир субъективным образом. Акт дистанцирования, как и соотносящийся с ним акт вступления в отношения, нельзя рассматривать с точки зрения первичности, превосходства. Во многом трагедия человека заключается в том, что здесь, и только здесь, вселенная породила сущность, способную отстранить от себя мир и противопоставить его себе, вместо того чтобы, подобно другим существам, ограничиться частичным, исходя из потребностей, удовлетворением собственных запросов. Данный человеку талант и полномочия исключают его из мира вечности в мир бытия, что означает для человека быть-для-себя-сущим, иметь возможность устанавливать отношения с существующим миром.

Но не следует упускать из виду двойственность принципа. Вопреки тому, что оба движения так многогранно связаны друг с другом, их все же нельзя рассматривать как две сто-

роны одного и того же бытия или процесса. Между ними нет никакого параллелизма и взаимообусловленности одного содержания другим. Со всей строгостью надо установить, что первое движение образует предпосылку для второго - не источник, а именно предпосылку. С появлением первого задается не более чем пространство для второго. Когда и как манифестирует себя второе движение, невозможно более определить, исходя из первого. Собственно, в этот момент устанавливается история духа, которая имеет своим вечным источником взаимодействие второго и первого движений, точнее, меру их противодействия и согласованности. Человек может дистанцировать, не вступая в отношения к дистанцированному; он может произвольно навязывать отношения; он может выводить акт отношения из признания фундаментального факта дистанции; можно столкнуть оба движения в конкурирующей борьбе; но в конце концов в моментах и образах божественной милости возникает единство, преодолевающее могущественное напряжение противоположностей.

2. В мире вещей

Размышляя о двойственности принципа человеческого бытия, прослеживая историческое движение духа, следует принять во вни-

мание, что наиболее значительные явления проявляются в акте дистанции преимущественно в универсальном плане, а в акте отношения - преимущественно в персональном плане. Процесс переводистанции позволяет ответить на существеннейший вопрос: как возможен человек? Процесс отношения позволяет ответить на не менее важный вопрос: как осуществляется человеческое бытие? Первый вопрос строго категориальный, второй - категориально-исторический; переводистанция творит человеческую ситуацию, а отношение делает возможным становление в ней человека.

Эта дифференциация становится особенно очевидной в двух сферах: в сфере взаимодействия человека с вещами и в сфере взаимоотношения человека с другим человеком.

Животное, конечно же, использует вещи. Именно у животных мы имеем возможность непосредственно наблюдать сам процесс использования. Наталкиваясь на вещь, животное приспосабливает ее для достижения заранее намеченных или только что возникших целей. Обезьяны употребляют найденную палку или камень для того, чтобы пробить отверстие, разбить скорлупу ореха, но они не оставляют за этими вещами, ставшими на миг орудиями, права повторного использования завтра; ни

одна из используемых вещей не приобретает в их сознании права на уникальное существование в качестве рычага или молотка, вещи наличествуют в определенных границах, никогда не получая своего места в мире. Но только лишь человек дистанцирует встречаемую в среде своего обитания вещь, наделяет ее самостоятельностью, функциональностью, и может рассчитывать на нее в дальнейшем. К примеру, кусок металла, использованный однажды в качестве сверла, впредь уже не теряет своего обнаруженного свойства и сохраняет себя в новом качестве. Техника и все производимые с материалом операции - усиление, ослабление, дифференциация, комбинация - базируются на следующем: обнаруженное качество вещи как бы отделяется от самой вещи и обретает самостоятельное бытие, в котором постоянно сохраняется функциональное своеобразие новоиспеченного инструмента и готовность использования в работе. Конечно, и обезьяна может использовать ветку как орудие, но только человек в состоянии придать ветке определенное бытие, в котором конституируется "качество орудия", используемое каждый раз по воле человека. Все, что затем предпринимается человеком для совершенствования орудия, не затрагивает более его сущности. Ремес-

ло лишь завершает то, что получило статус первичного образца и первичного закона. На этой основе может появиться нечто новое, хотя уже в совершенном, ином плане.

Давайте представим себе племя первобытных людей, которые достаточно широко используют примитивные каменные орудия, например топоры. И вот среди них вдруг появляется человек и насекает заостренным камнем на своем топоре какую-то колеблющуюся линию. О чем же это изображение и для чего? Может быть, это знак, но сотворивший его и сам толком не знает, что данный знак означает. В чем здесь смысл? Магия ли это, усиливающая возможность инструмента? Или игра со свободным пространством на рукоятке топора? Оба варианта не исключают друг друга, взаимно переплетены между собой - магическое намерение концентрирует игру в устойчивые формы, игровая свобода ослабляет магические структуры и преобразует их, но ни то, ни другое еще не объясняют, почему сверх всякой технической необходимости возникает невиданное произведение. Нам следует обратиться к принципу человеческого бытия в его двойственности для того, чтобы прояснить, что здесь происходит. Человек дистанцирует вещь, которой он пользуется, придает ей

самостоятельность, редуцирует и потенцирует ее к определенным функциям; первое движение принципа достаточно очевидно, второе движение - не очевидно. Человек же имеет настоятельную потребность личностного подхода к вещам, стремится выразить к ним свое личное отношение, и вещи должны отражать это отношение. В данном случае явно недостаточно апеллировать к процессу использования или владения вещами, они должны быть понятны в совершенно ином измерении. Человек, наносящий образные знаки на вещи, передает им свое отношение.

Образный знак становится художественным образом; он обладает самостоятельным бытием независимо от инструментальной функции вещи, на которую он нанесен. Форма, заключенная в самом примитивном орнаменте, осуществляет себя совершенно самобытно, конденсируя в себе отношение человека к вещи. Искусство несводимо ни к импрессии природной объективности, ни к экспрессии субъективности духа. Искусство - творение и свидетельство отношения между субстанцией духа и субстанцией косной материи. Посмотрим на величайшие скульптурные произведения различных времен. Для их понимания недостаточно исходить из определенной человеческой телесности или из внутрен-

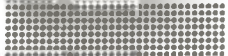
него волеизъявления некоторых духовных сил, но необходимо исходить из понимания отношения между двумя разнородными проявлениями, между отстраненным "телом" и отстраняющей "душой". Специфическое соответствие художественного образа характеру запечатленных в нем отношений имеется в любом жанре искусства. Музыка, к примеру, можно воспринимать категориально только тогда, когда понимаешь, что речь идет о дистанцирующем открытии тонального бытия и спасительного отношения к нему, выраженном в образной форме.

3. В мире людей

Двойственность принципа человеческого бытия проявляется достаточно ярко во взаимоотношениях между людьми.

В сообществе насекомых система разделения труда исключает не только какую-либо вариативность, но и любое индивидуальное признание; в человеческом же обществе на всех его уровнях люди по мере своих возможностей практически подтверждают друг друга в своих способностях и человеческих качествах. Общество можно назвать человеческим в той мере, в какой его члены подтверждают друг друга. Данный фактор наряду с развитием орудийной деятельности, тех-

ники привел к тому, что живые существа, весьма слабо обеспеченные от природы, стали повсеместно утверждать себя, достигая земного господства. Динамичная, хорошо приспособляемая, плюралистическая форма сплочения людей возникла благодаря взаимному индивидуальному дополнению функций и соответствующему индивидуальному признанию друг друга. Внутри жестко соединенного племенного союза уже существовали свободные товарищества добытчиков, свободный порядок менового обращения, другие типы свободных ассоциаций, которые основывались на признании профессиональных отличий и склонностей. В суровые времена господства древних деспотий свое особое положение сохраняла семья, в которой, несмотря на авторитарную структуру, отдельные индивиды имели возможность разнообразно утверждать себя; и повсюду позиция общества укреплялась благодаря компромиссу между внешней жесткостью структуры и ее внутренней свободой. В противовес природным силам человек является сущностью, наделенной орудиями. Он в состоянии утверждать общество из автономных форм жизни отдельных людей. Животное никогда не дойдет до того, чтобы выделить из круга общества, которому он принадлежит, особый круг

близких ему друзей, так же как не дойдет до признания внутри своего сообщества какого-то особого бытия врагов; лишь человек дистанцирует и наделяет самостоятельностью другого человека, он представляет себе окружающих его людей подобными самому себе, и только он сам может устанавливать отношения с равными себе. Фундамент бытия человека с другими людьми является двойственным и единым: желание всякого человека быть подтвержденным другими людьми есть то, чем он может стать, и в равной мере подтверждать в другом человеке однородный дар сопричастия с остальными людьми. То, что этот дар столь долго оставался невостребованным, объясняет слабости и сомнения человеческого рода: актуальная человечность всегда имеет место только там, где расцветает этот дар. Впрочем, с другой стороны, пустое притязание на подтверждение без благоговения к бытию и становлению всегда девальвирует истину человеческого существования.

Великий символ и памятник совместного бытия людей, язык, является вдвойне значимым свидетельством принципа человеческого бытия. Человек обращается к человеку иначе, не по форме и способу, но по сути иначе, чем животное к своим спутникам. Издавать звуки умеют

многие животные, но говорение свойственно только человеку.* Разговор основывается на установлении и признании самостоятельной инаковости Другого, обращаясь и беседа с которым, человек поддерживает отношение. Древнейшая форма слова наряду с цельновыраженным обозначением ситуации в одном слове-предложении, а возможно и до него была, по видимому, именем собственным: поскольку в нем уведомлялись спутники и помощники, находящиеся на удалении, что, исходя из заданной ситуации, необходимо присутствие именно данного человека. И знак, и собственное имя пока являются сигналами, но уже и словами; потому что - и это второе свидетельство языка в пользу принципа человеческого бытия - человек дистанцирует и делает самостоятельным также и свое звуковое обращение. Человек устанавливает его, как настроенный прибор, откладывает его в сторону, как готовый к использованию объект, он мастерит из звуков слова, которые существуют, собственно, для него. Здесь в словесном выражении живой разговор как бы упраздняется, нейтрализует себя, - но всегда для то-

* Животное, в особенности домашнее, может рассматриваться человеком как "говорящее", но только полагая его при этом за такую сущность, которая желает извещать о себе, исходя из сугубо внешних притязаний, а не из внутренних состояний. Об этой примечательной пограничной области отношения см. мою работу "Dialogischts Leben" (1947), s. 104, s. 162.

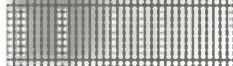

го, чтобы вновь возродиться в подлинном говорении, а не в затасканых дискуссиях, которые искажают реальность языка. Если мы когда-нибудь достигнем такого состояния, что придется договариваться друг с другом только при помощи диктографов, то есть не контактируя между собой, шанс человеческого становления был бы попросту надолго утрачен.

Подлинный разговор, а тем самым всякое актуальное наполнение отношения между людьми означает признание инаковости. Когда два человека обмениваются друг с другом своими кардинально противоположными мнениями относительно одного и того же предмета и каждый намерен убедить своего партнера в правильности собственного способа рассмотрения, тогда все зависит в бытийном человеческом смысле от того, полагает ли один другого в том качестве, в каком тот существует. Строгость и глубина человеческой индивидуальности, первоначального инобытия Другого принимаются не просто как важнейший исходный пункт, но как подтверждение сущности сущностью. Влияние воли означает при этом не стремление изменить другого, внушить ему свою собственную "правоту", но стремление, которое достойно и справедливо и должно обеспечить свой вклад в субстанцию друго-

го человека, который дает возможность взойти и взрасти индивидуальности соответствующего вида. Этому стремлению противостоит страсть к потребительству. Одержимый ею человек, "пропагандирующий" и "внушающий", относится к людям как к вещам, именно как к вещам, с которыми он не вступает в сущностное отношение и которых он усердно старается лишить их дистанцированного бытия, их самостоятельности. Человечность и человечество формируются в подлинных встречах. Здесь человек обнаруживает себя не только как ограниченный другим человеком, осознающий собственную конечность, частичность, несовершенство, но здесь возвышается в человеке ранее приземленный взгляд на истину благодаря разнообразно возникающим и развивающимся взглядам на ту же самую истину других индивидуально различающихся людей. Людям необходимо предоставить им право утверждать друг друга в индивидуальном бытии путем подлинных встреч; но сверх того им предоставлено право и необходимо видеть истину, в которой душа достигает себя со стороны озаренной светом души другого человека, и именно таким образом подтвердить ее.

4. Воображение

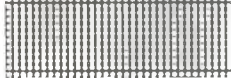
Осуществление принципа в межличностной сфере достигает своей высшей точки в процессе, который можно было бы назвать воображением. Частичные моменты этого процесса можно отыскать повсюду, где происходит общение между людьми, но в своем чистом виде данный процесс проявляется редко. Он основывается на способности, которой обладает фактически каждый человек и которую можно было бы обозначить как реальная фантазия. Реальная фантазия, возникающая в общении людей, означает то, что я представляю себе о другом человеке, о том, что он в данный момент желает, чувствует, воспринимает, мыслит, но не по конкретному поводу, а в смысле целостности жизненного процесса. Воображение предполагает главным образом следующее: представление вбирает в себя нечто и от характера представляемого как такового. Это означает, что мое представление волевого акта другого человека включает нечто от сущности самого волевого акта. Популярным примером этого процесса может служить так называемое сочувствие. Я испытываю специфическую боль другого человека так, что мне становится ощутимой специфичность самого болеющего человека, но не как всеобщее недомогание или страдание, но именно как особая боль

за другого человека. Парадоксальность души заключается в том, что воображение усиливается там, где я и другой человек замкнуты общей жизненной ситуацией, где боль, которую я доставляю ему, откликается во мне самом до такой степени, что мне открывается бездонная противоречивость жизни между людьми. Здесь может возникнуть нечто такое, что иным образом никто не в состоянии воссоздать.

Осознанный принцип человеческого бытия дает нам понимание воображения в его онтологическом значении. Внутри дистанцированности и самостоятельности мира не скрыто какое-то сверхзначение, и не в приобщении к скрытому смыслу состоит своеобразие человеческой дистанцированности и самостоятельности, но в том, что признается самодостаточность других людей. Хотя живущие вокруг нас люди являются составной частью независимого, самостоятельного мира, но поскольку мы постигаем каждого человека как сущее, постольку он не является более составной частью мира, и в своем самобытии здесь он подобен нам, и его дистанцированность существует не только в направленности от нас; она не может быть отделена от факта нашей дистанцированности, направленной от него. Первое движение человеческого бытия дает нам людей во взаимном существова-

нии, фундаментально и размерно. Но второе дает их нам во взаимоотношениях в каждый момент исторического времени, не считаясь ни с какой мерой в их осуществлении. Отношение получает свой законченный смысл в процессе целостного воображения, где мы узнаем другого человека не просто как данного нам человека, но узнаем в соответствующем приближении принадлежащий ему, именно этому человеку опыт. Здесь и только лишь сейчас другой человек становится для нас самостью, и последующее обретение самостоятельности в первом дистанцирующем движении оказывается в новом, точно сформулированном смысле предпосылкой: предпосылку этого самостановления для нас следует понимать не психологически, но строго онтологически, и ее было бы точнее назвать самостановлением-со-мной. Это самостановление приобретает свою онтологическую полноту только тогда, когда другой человек узнает себя во мне, представляет меня в своей самости, индуцирует данное знание в процесс своего внутреннего самостановления. Поэтому глубинный рост своего внутреннего самостановления осуществля-

ется не в отношении человека к самому себе, как охотно полагают сегодня, но исходя из отношения одного человека к другому, преимущественно из взаимности представлений между людьми - из представлений о другой самости и о своей собственной, с учетом знания тебя другими, - из взаимности признания, утверждения и подтверждения.

В своем бытии человек желает быть подтвержденным другими людьми и желает иметь в бытии другого человека гарантию своего настоящего бытия. Человеческая личность требует подтверждения, поскольку человек как человек требует подтверждения. Животное не нуждается в подтверждении, так как оно есть то, что оно есть, оно не вопрошаемо. Иначе человек: вытолкнутый из царства видов природы в риск одинокой категории, окруженный первобытным хаосом, он настоженно, со страхом входит в мир в поисках подтверждения возможностей своего бытия, которое может быть представлено ему в становлении от одной человеческой личности к другой человеческой личности; люди обогащают друг друга небесным хлебом самобытия.

Перевод В.Куликова

СЛУШАЮЩИЙ ГОЛОСА ТЬМЫ

(Медитация над поэмой М.Ю.Лермонтова "Мцыри")

Сыну Женьке и моим друзьям - Н.И.Воронцовой, учившей меня в школе литературы, и ее дочери Лене, которая учит тому же моего сына, посвящаю...

Автор.

М.Лермонтов погиб на дуэли в 1841 году. И полторы сотни лет не смолкают споры вокруг его творчества. Да, все сходятся на том, что автором "Демона" был гений. Но гений Тьмы или гений Света?

Честно говоря, до недавних пор мне было все равно.

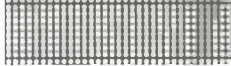
Но однажды мой сын, ученик 8-го класса, ужиная после трудового школьного дня, заявил, что ему задали сочинение по "Мцыри", а он не знает, о чем писать, так как не понимает этой поэмы. И тогда я прочитал ее вместе с ним. Стыдно сказать, я не обращался к Лермонтову десятков лет. И тем сильнее было мое потрясение. Поэма не отпускала несколько дней, я возвращался к ней мыслями снова и снова. Так появилась эта статья - как попытка ответить на несколько вопросов, возникших у меня при чтении "Мцыри".

Первый из них и главный: почему поэма начинается с описания разрушенного монастыря? Разрушение текстом не мотивировано. Грузия присоединилась к России лет за пятьдесят до описываемых событий. Кроме того, гибель обители производит более чем странное впечатление на фоне следующих строк:

... которых надпись говорит
О славе прошлой - и о том,
Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручил России свой народ.
И Божья Благодать сошла
На Грузию. Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Эти строки написаны патриотом своего Отечества, воспринимающим расширение границ государства, как и положено порядочному гражданину, словно наивысшее благо для покоренных народов.

Именно за гранью дружеских стыков на Грузию сходит Божья Благодать и наступает эра Гармонии и Согласия; расцветают все цветы, благоухают сады и т.д.

Символом этого нового порядка, пришедшего на смену дикому Хаосу прежних отношений меж воинственными горцами, и является в мире поэмы святая обитель. На это недвусмысленно указывает ряд деталей. Во-первых, несомненна связь монастыря со снисхождением Божьей Благодати. Во-вторых, именно там, где стоит обитель, даже горные реки Арагва и Кура текут, мирно сливаясь, "обнявшись, словно две сестры". Так Благодать гармонизирует Природу.

В монастыре говорят на "чужом языке".

И вот этот-то монастырь, средоточие русского влияния и власти, в поэме оказывается разрушен.

Для поэта-патриота такое нелепо, немыслимо, иррационально, неестественно, наконец.

И мы не можем не вспомнить известные строки другого его стихотворения:

Люблю Отчизну я, но странною любовью,
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого молчания покой...

В чем же странность? И почему все-таки Лермонтову понадобилось разрушить монастырь?

Итак, Космос поэмы с первого взгляда четко разделен на мир Божьей Благодати и мир, находящийся за ее гранью.

"Грань" подвижна. Она определяется то "дружескими стыками", то границей монастыря. Видимо, можно сказать, что монастырь - центр мира Божьей Благодати. Чем дальше от него отходит Мцыри, тем слабее должно ощущаться влияние Благодати.

Похоже, что первый мир расположен островком или островками. Для них характерно, как мы видели, согласие, покой, гармония и цветение ("Божья Благодать сошла // На Грузию. Она цвела...").

Соответственно второму миру, противопоставленному первому отсутствием Благодати, должны быть присущи качества противоположные: разрушительное, враждебное начало, раздор, насилие, стихия, буря, неуправляемость. И по логике принадлежать он должен не Богу, но - Сатане!

Итак, некий русский генерал привозит в монастырь пленного ребенка - из-за грани, из чужого, враждебного мира незамирных гор.

Какие же качества присущи мальчику изначально?

Как серна гор, пуглив и дик,
И слаб, и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов...

Важно отметить, что пугливость и дикость - качества, вполне ожидаемые нами от мира "за гранью". Здесь же позволю себе обратить наше внимание на то, что "могучий дух его отцов" с момента появления в поэме связан с мучительным недугом, т.е. с разрушающим, убивающим началом. И это тоже для нас вполне ожидаемо.

Малыш выздоравливает, вырастает, обращается в другую веру, усваивает чужой язык, ведет жизнь послушника и собирается принять монашеский обет, но - неожиданно для всех - исчезает. Мне представляется очень значимым, что он исчезает осенней ночью, во время страшной грозы. Когда его наконец находят, состояние несчастного беглеца как две капли воды напоминает то состояние, в котором дитя привезли в обитель.

Почему? Похоже, что он побывал в некоем месте, где уже бывал ребенком. Похоже также, что оно чрезвычайно опасно. Омеченный его клеймом, мальчик выживает лишь для того, чтобы повторно подвергнуться тому же разрушительному воздействию спустя несколько лет и - умереть.

Что же это за место? Вспомним, что "за гранью" в универсуме поэмы лежит мир Хаоса. Из него вышел мальчик. Этот мир и призвал его к себе, когда пришло время. Я считаю, что

для понимания смысла поэмы исключительно важно, что юноша бежит из монастыря именно тогда, когда определяется его желание принять монашеский обет.

Деталь сия вводит в повествование новое действующее лицо, точнее, силу, которая, как я попытаюсь показать далее, будет, оставаясь "за кадром", постоянно омрачать текст на всем его протяжении, силу, непосредственно выведенную Лермонтовым в другой, не менее знаменитой поэме "Демон". Я имею в виду извечного врага рода человеческого. Я имею в виду Дьявола.

Далее попытаюсь показать, что только Демон ведет беглеца, что единственный голос, который слышит несчастный, - голос Дьявола, что юноша назван "Мцыри" не столько потому, что он - послушник монастырский, но скорее потому, что он - послушник Демона, слушающий голоса Тьмы.

2

Исповедь свою умирающий начинает с поразительно откровенного признания. После фразы: "людым я не делал зла" - следует: "Таких две жизни за одну, // Но только полную тревог, // Я променял бы, если б мог". Непредвзятое размышление неминуемо приводит читателя к выводу: по сути, речь здесь идет о стремлении к злу.

Вчитаемся в следующий отрывок:

Я знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душевных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.

Обратим внимание на два момента. Во-первых - на разрушительный недугоподобный характер страсти, недвусмысленно указывающий на ее источник (запомним, что она характеризуется словом "пламенная"). Во-вторых - на то, что "мир мечты" оборачивается "миром тревог и битв", а его обитатели уподобляются орлам.

Внимательно прочитаем еще один отрывок поэмы:

Я молод... молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил,
Как сердце билось живей
При виде пашен и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж, и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал...

Образ голубя в приведенных строках недвусмысленно привязан к монастырю. В стенах Обители живут пришельцы, говорящие на чужом языке, исповедующие чужую веру, враждебные миру Хаоса, а потому, естественно, боявшиеся грозы (воплощение Хаоса в

моей модели). Таким образом, Голубь олицетворяет мир, где людям не делают зла. Но мы знаем, что образ Голубя в христианской традиции устойчиво связан с воплощением кротости и Духа Святого.

Впрочем, семантика Голубя здесь имеет еще один аспект: говоря о голубе, Мцыри, по сути, говорит о себе. Голубь молодой - молодой и юноша. Голубь - "дитя неведомой страны", но и герой поэмы - чужой в монастыре. Но если так, то наш голубь улетает, дабы воплотить мечты о "разгульной юности" и стать "вольным, как орел", по сути, стать орлом.

И тут, пожалуй, уместно вспомнить, что орел - свирепая птица Зевса, бога Грозы. Стоит осознать и это, и привычное, казалось бы, вполне романтическое сравнение вольных горцев (обитателей мира Хаоса) с могучей птицей наполнится новым, гораздо более хищным смыслом. И почувствуешь, какие бездны, развергающиеся под твоими ногами, таит в себе привычный со школьной скамьи текст. И начинаешь понимать, что космос поэмы - не просто сцена, на подмостках которой разыгрывается жалкая драма никчемного пленника, но грозное ристалище Тьмы и Света, чудовищных сил, Бога и Дьявола.

Потому что язычество враждебно христианству, а языческие боги для христианина - суть бесы и демоны.

Особого внимания заслуживает понимание Лермонтовым слова "вольность". Это слово мы видели выше в "хаотическом", "демоническом" контексте. И я считаю, что в том сокрыт глубокий смысл. К сожалению, изучение данной проблемы не входит в мою задачу. Замечу лишь, что, например, декабрист Сергей Муравьев-Апостол мучительно размышлял над изначальной богопротивностью любых интеллектуальных социально-государственных теорий: человеческий разум в безумной гордыне тщится превзойти Божественное Откровение, данное в Писании, тщится революционно изменить определенный Богом для данной земли Путь. А ведь декабристы, одним из лидеров которых был Муравьев-Апостол, глубоко религиозный человек, мечтали именно о вольности.

Лермонтов жил их идеями и слово "вольность" понимал, вероятно, так же, как они. Вообще "вольность" и у декабристов, и у Лермонтова априорно тесно связана с индивидуалистическим, "байроническим" бунтом против мира. Но так как мир казался Божьим - то и против Бога. Сегодня этот мотив почти забыт, но при всей неочевидности своей он остается изначальным присущим тому клубку проблем, в который мы нечаянно уткнулись и о котором более говорить не будем, так как, повторяю,

это не входит в мою задачу и требует специального фундаментального исследования, возможно, впрочем, уже и выполненного кем-нибудь...

Вернемся, однако, к тому, что меня в настоящий момент интересует гораздо больше: к исповеди умирающего Мцыри.

Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас.
Зачем? Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок...

Впервые в поэме слово "гроза" встречается именно в этих строках. И первое же употребление отчетливо выявляет двойственный характер грозы в поэме. С одной стороны, гроза - нечто исключительно разрушительное. И следовательно, гроза принадлежит миру Хаоса, миру гор, миру, откуда в монастырь приходит Мцыри (между прочим, помните, мы предположили, что если миру монастыря присуще слияние: "там, где, сливаясь, шумят...", то миру Хаоса - разделение? И вот оно налицо: "оторванный листок"). С другой же стороны, разрушительная сила грозы направлена на самого Мцыри, хоть он и является частицей ее мира. Иными словами, "мир Хаоса" уничтожает сам себя, и это ему... сладостно.

Далее в тексте мы обнаруживаем существенный для нашей модели фрагмент, где впервые встречается слово "сладостный".

Я никому не мог сказать
Священных слов "отец и мать".
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в Обители отвык
От этих сладостных имен -
Напрасно: звук их был рожден
Со мной...

И чуть дальше:

В душе я клятву произнес,
Хотя б на'миг, когда-нибудь,
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,
Хоть незнакомой, но родной...

Я нашел в поэме шесть случаев употребления слова "сладостный". Четыре из них относятся к описанию мира Хаоса, извергнутого Мцыри. Последние же два связаны с могилой, со смертью. Мне кажется, что смерть, в сущности, одна из ипостасей "мира Хаоса", точнее, одно из его углублений. И в общем, этим вполне объясняются слова умирающего Мцыри о том, что его "могила не страшит".

В вышеприведенном отрывке мы встречаем еще один из самых впечатляющих образов поэмы - образ объятия. Мы видели, что в "мире Благодати" он связан с гармонией умиротворенности, покоя. А в "мире Хаоса"? Кого способен обнять возвращающийся к своим истокам беглец, мечтающий прижать грудь к другой, "незнакомой, но родной"? "О, я, как брат, объяться с бурей был бы рад".

Вдумайтесь! С бурей, разрушительной, страшной грозой, неуправляемой, вольной, с той, которую боится голуби и монахи. С

воплощением Хаоса. И здесь нет ничего удивительного. Они действительно одной крови. Но как быть с фразой про "грозой оторванный листок"? Как быть с тем, что гроза, стало быть, враждебна Мцыри, и с тем, что последний это понимает?

Вчитаемся еще в два фрагмента, где используется образ объятия (оба описывают "мир Хаоса").

Я долго силился вздохнуть -
И пробудился. Уж луна
Вокруг сияла, и одна
Лишь тучка кралась за ней,
Как за добычею своей,
Объятья хищные раскрыв...

Но еще рельефней и противоестественней подлинная суть рассматриваемого образа проступает в сцене, которой предшествует, которую готовит только что прочитанный вами отрывок. Я имею в виду знаменитую сцену боя с барсом.

И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле...

Вот как выглядел противник Мцыри:

То был пустыни вечный гость -
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал:
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, - и на нем
Шерсть отливала серебром...

Последняя деталь, по моему, недвусмысленно подчеркивает причастность хищника "небожьему миру", миру ночи, мглы, гор.

А стало быть - в космосе поэмы - Хаосу, Грозе. Как показал еще В.Пропп, серебро, как и золото, - атрибут потустороннего "тридцатого царства". Из четырех случаев употребления в поэме слова "серебряный" только в одном оно используется в "монастырском" контексте. И к этому случаю мы обратимся позже. А пока зафиксируем, что барс принадлежит к тому же семантическому ряду, что и буря.

Хотелось бы отметить еще одно определение, найденное для зверя Лермонтовым: "вечный гость". Вадим Баранов обратил мое внимание на тонкий парадокс. Дело в том, что слово "гость" несет на себе печать временного, бременно-го. И преходящесть эта, как считает В.Баранов (и я думаю, что он прав), настолько убивает "вечность", что все вместе смахивают на самую безнадежную, окончательную смерть.

Таким образом, смертоносное объятие с барсом, осуществившее мечту юноши о родной груди, оказывается единственным доступным ему объятием в силу его природы, порожденной миром Тьмы.

Между прочим, именно это объятие-бой завершает возвращение беглеца к самому себе. Убив барса, Мцыри в каком-то смысле сам окончательно превращается в барса. Далее идти уже некуда. Юноше остав-

ся только умереть, ибо закон Хаоса абсолютен, и разрушение только тогда доведено до конца, когда уничтожен и его носитель.

Развернутая интерпретация образа объятия позволяет довольно забавно истолковать поведение Мцыри при встрече с грузинкой у ручья.

Место, где живет случайно встреченная девушка, описано так:

Недалеко, в прохладной мгле,
Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой...

И далее:

Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
Хотелось мне... Но я туда
Взойти не смел.
Я цель одну -
Пройти в родимую страну -
Имел в душе - и превозмог
Страданье голода, как мог...

Понятно, что на самом деле запрет на вход в саклю не мотивируется желанием "пройти в родимую страну", если страна и сакля - обычные, земные. Ну, зашел, поел, попил, поблагодарил и пошел дальше. Я полагаю, что подлинная причина запрета объясняется следующим образом.

Обратите внимание на то, что сакли стоят дружною четой. Судя по семантическому ряду, это место попросту недоступно духу распада. Думаю, что не случайно над крышей дома вьется не белый, не сизый, но голубой дымок (вспом-

ним семантику слова "голубь" в поэме). Над саклями витает дух монастыря. И поэтому Мцыри не смеет войти (очень любопытно, что его реакция напоминает жалобные стенания нечисти у защищенной амулетом двери, как их описывают мифы самых разных народов: "тоска", "печаль" и т.д.).

Его ждет "родимая страна", ждет бой с барсом и возвращение к своей подлинной природе, которое, впрочем, не принесет ему радости.

То, что мы назвали возвращением, на самом деле выполняло роль своего рода инициации. Юноша прошел через ряд испытаний, проверок, последней из которых стал бой с барсом.

О возвращении можно говорить, только если подлинная природа беглеца (демоническая) была искажена годами жизни в Обители и воздействием Божьей Благодати; если в его душе успели закрепиться ростки "цветущего" мира. Но коли так, то светлое должно было противиться тьме, затухая постепенно. И текст не мог не запечатлеть это.

Проследим же путь юноши, и может быть, нам удастся найти следы такой борьбы.

3

Начало пути отмечено нарастающим ощущением свежести. Этой семе¹ для Мцыри принципиально не

было места в "монастырском" контексте.

Косвенно она возникала в теме дождя, грозы ("где воздух свеж...", и для юноши однозначно ассоциируется с миром детства, а не с Обителью.

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? - Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежеею толпой...

Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов...

Однако, насколько можно понять из текста, пышные поля, цветущие сады окружают, собственно говоря, именно монастырь. Цветение, как мы помним, связано с Благодатью. А юноша уходит отсюда, уходит в горы, будучи уверен, что именно там найдет и пышность природы, и вольность, и цветение. Есть ли основания для его уверенности? Да, есть.. Исповедуюсь, он воскресит свои детские воспоминания о стариках из родного аула. Они запомнились ему тем, что рассказывали о временах, "когда был мир еще пышной". Мы же знаем, что мир детства Мцыри пышен быть не может, так как выполняет в космосе поэмы функции "мира Хаоса", соотнесенного с демоническим началом, несовместимым, по-моему, с цветением. Но из воспоминаний стариков следует, что так было не всегда, что неког-

1. Минимальная единица содержания в языке.

да их мир был еще пышной, цвел, а значит, не Демон, но Божья Благодать пребывала в нем. Отсюда неминуемо вытекает, что мир детства Мцыри был Демоном захвачен. Падает занавес и скрывает от нас борьбу Тьмы и Света, подобную той, что изобразил во "Властелине Кольца" Дж.Р.Толкиен.

Но нам пора вернуться к судьбе и "вольным" впечатлениям героя поэмы.

Беглецу оказывается внятен язык "внемонастырского" мира, знакомый ему от рождения.

Я видел груди темных скал,
Когда поток их разделял...

Обратите внимание, если функция потоков, текущих у монастыря, - сливаться, "обнявшись, словно две сестры", то этот поток - разделяет.

И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!..

Свыше - то есть на генетическом уровне.

Между прочим, идет страшная гроза, хотя по приведенным строчкам ее вовсе не чувствуется. Однако текст отмечает и момент ее начала (до бегства Мцыри), и момент ее завершения. Влияет ли конец Бури на мировосприятие героя поэмы?

И гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей;
Я сам, как змей, был чужд людям
И полз, и прятался как змей...

Положе, что никаких изменений не произошло. Процесс перерождения начался, и ощущение своей причастности миру грозы не ослабевает. Я думаю, что не требуется останавливаться подробно на всем прекрасно известной семантике образа змеи и связи его с дьявольским, темным началом. Давно известна и фольклорная связь змей с водяной, грозовой стихией.

Внизу, глубоко подо мной,
Поток, усиленный грозой,
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов,
Мне внятен был тот разговор...

Внимание! Оказывается, воздействие грозы пока не прекратилось. Разговор потока пока еще внятен. Но вот затем что-то меняется, и ненадолго приходит отрезвление:

Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал.
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез...

Страх и трезвая оценка ситуации (вспомним, что до сих пор и то, и другое отсутствовали начисто: "змея скользнула меж камней, но страх не сжал души моей" и т.д.) сопровождаются мощным вторжением темы цветения, темы, как мы помним, тесно связанной в нашей модели с Божьей Благодатью.

Кругом меня цвел Божий сад...

И снова я к земле припал,
И снова вслушиваться стал
К волшебным странным голосам...

Теперь голоса природы уже кажутся герою поэмы странными, таинственными. Окончательно иссякло воздействие грозы, а с ним и колдовство? Или наоборот, власть грозы сильна по-прежнему, но изменился сам мир?

... И все природы голоса
Сливались тут; Не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас...

Час хваленья... Имеется в виду, разумеется, хвала Господу. Однако это именно то, ради чего, вообще говоря, создаются монастыри. Природа здесь недвусмысленно соотносится с Обителем. Ну, а в последней, естественно, гордыня - нетерпимое, изгоняемое качество, ибо она - от лукавого. Именно гордыне не оказывается места в мире цветения. Завершает достаточно прозрачную уже картину потрясающая деталь: взгляд беглеца отвращается от бездны (пути злого духа) и обращается к горным высям - пути ангела:

В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полднейный зной
Мои мечты не разогнал,
И жаждой я томиться стал...

Да, действие грозы кончилось. Но беглец оказыва-

ется во власти другого начала. Юношу охватывает огненная стихия полднейного зноя (вспомним "палящий недуг", "пламенную страсть" и т.д.). Огненная и грозная стихии сложно взаимодействуют друг в друга. Мы знаем, что Зевс, бог Грозы, метал испепеляющие молнии.

Таким образом, огонь, жар - фактически один из атрибутов Грозы.

Полднейный зной не просто разогнал мечты Мцыри. По сути он уничтожил последние следы света в его душе. И с беглецом происходит чудовищная, жуткая вещь: он начинает спускаться в Бездну по тем самым плитам, про которые ранее в тексте было сказано, что "лишь злой дух по ним шагал". Понятно, что при этом он повторяет путь, доступный лишь злому духу. И в моей модели сие означает, что несчастный отныне сам становится в каком-то смысле Духом Зла (именно после спуска в бездну не может он войти в саклю грузинки).

Больше мы не найдем следов цветения Божьей Благодати на пути беглеца. То, что открылось ему над бездной, было, видимо, последним напоминанием Обителя, последним шансом спасения.

С этой минуты изменения, происходившие в душе Мцыри, стали необратимыми.

Все, что я чувствовал тогда,
Те думы - им уж нет следа...

"Тогда" - имеется в виду, глядя в небо, а не в бездну.

И с этой минуты начинается звучать в поэме тема обмана. Беглец теряет дорогу. Собственно говоря, мы уже понимаем, что начинается вполне обычный бевсовский морок..

Желанные горы оборачиваются лесом. Вместо горных зубцов путника окружает "зубчатый лес". Одержимость бесами и гордыней ввергает в припадок, как это часто бывает в подобных ситуациях.

Тогда на землю я упал;
И в иступлении рыдал
И грыз сырую грудь земли...

Случайно ли, что грудь земли, которую грызет (т.е. пытается уничтожить) потерявший на время рассудок беглец, описана как "сырая"? Юноша ведет себя как ребенок, кусающий материнскую кормящую грудь. "Сырая земля" - образ в высокой степени насыщенный семой плодородия (и связанной с ним смерти: чтобы дать жизнь ростку, семя умирает). А плодородие - залог цветения, присущего миру Божьей Благодати. Жар полдневного зноя и сырая земля соотносятся в моей интерпретации как Дьявол и Бог.

А после падучей несчастного ждет бой с барсом. Победа над зверем фатально меняет мир для юноши. Тем самым лишь усиливается власть адского пламени,

что отбросило на Мцыри свой роковой отблеск еще в раннем детстве. Вспомним "пламенную страсть", "пылающую грудь", наконец, "полдневный зной", окончательно отлучивший его от Бога.

Но и этого мало темной силе:

...Палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне...

...Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью золотой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок,
Скользила бережно; потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свиваясь кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она...

Итог вполне естествен, ведь ранее Мцыри уподобил себя Змею ("Я сам, как змей, был чужд людей// И полз, и прятался как змей").

Ужасны страдания героя поэмы, но еще более их усугубляет жестокое прозрение, предшествующее последнему огненному аккорду. Зубчатый лес внезапно оборачивается зубцами монастыря:

Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной...

И звон монастыря воздействует на беглеца с силой, объяснить которую рационально довольно трудно:

Казалось, звон тот выходил
Из сердца - будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь...

Но ощущения несчастно-
го крайне похожи на много-
кратно описанные мучения,
испытываемые одержимы-
ми, когда из них изгоняют
бесов.

Конец морока закономе-
рен: Демон предает свою
жертву, обреченную на
смерть изначально. Нечего
говорить, Мцыри обманут
чудовищно. Ему еще сужде-
но интуитивно понять, как-
ой мир есть подлинный
источник свежести, той са-
мой свежести, обретение
которой было ему обещано
в начале пути.

Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов...

Свежесть открывается
ему теперь там, где стоит
Обитель и где прежде он
не видел, не мог видеть
этого начала. Однако отку-
да просочилось к монасты-
рю "серебро"? Ведь оно за-
хвачено "миром Хаоса", се-
ребром отливала шкура
барса... Похоже, что к кон-
цу пути не только юноша,
но и универсум пугающе
трансформируется.

Но пожалуй, самое
страшное, самое противо-
естественное преображе-
ние описано в видении по-
терявшего сознание юно-
ши, получившего в конце
своего пути вместо желан-
ной прохлады - убивающий
жар адского пламени, щед-
рый дар Дьявола, толкнув-
шего его на этот путь.

...Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки - и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед, холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть,-
Так было сладко, любо мне...

И рыбок пестрые стада
В лучах играли иногда.
И помню я одну из них:
Она приветливей других
Ко мне ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ее спина. Она вилась
Над головой моей не раз,
И взор ее зеленых глаз
Был грустно нежен и глубок...
Ее серебристый голосок
Мне речи странные шептал...

Понятно, что холод и сла-
дость относятся к смерти.
Это достаточно очевидно.
Особенность видения - в
природе Золотой Рыбки, за-
логе выполнения желаний.
Вглядимся же в нее. Но сна-
чала я приведу - не удивляй-
тесь - два описания змей:

И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней...
...Змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной...

Но такой же золотой че-
шуйю покрыта и рыбка. У
беса из-под любой одежды
высовывается козлиное ко-
пыто...

Меня бьет дрожь. Пото-
му что золотая рыбка тоже
оказалась мирком, преоб-
разившимся Змеем, Дьяво-
лом, Адским Огнем, спле-
тенным с исконно водяной
природой змея-дракона в
мифах.

Не прохлада смерти
ждет Мцыри, но жар адс-
ких котлов. И жар этот еще
не раз выплескивается на-
ружу:

Прощай, отец... Дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таясь, жил в душе моей,
Но нынче пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...

Я полагаю, что это не
сбудется.

Но что мне в том? Пускай в раю,
В святом безоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...

Последний из самообманов
несчастливого послушника...
послушника Тьмы.

И здесь наконец мы подходим
к тому, с чего начали. К разрушению
монастыря. В моем истолковании
это связано с погребением в его
стенах нераскаявшегося
страдальца. Именно таким образом,
по-видимому, в Святую Обитель
проникает Дух Разрушения.
Вообще говоря, это естественно.
Миром поэмы безраздельно правит
Хаос, а его закон абсолютен: уничтожено
должно быть все. Абсолютен и обман,
а потому Мцыри - вольно или невольно
- навлекает смерть на Обитель.

Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упьюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!

И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну...

Прощальный привет родного
Мцыри мира и губит монастырь.
Думаю, что именно эту цель и преследовал
Демон.

Гибнет бедный юноша, даже
имени которого мы не знаем,
известный всем читателям как Мцыри -
монастырский послушник, - и в этом,
я убежден, еще один обман.

Осталось сказать несколько слов
о патриотизме Лермонтова.

Мы знаем, какое место в его
творчестве занимала тема Родины.
Но знаем, и какое место занимала
тема Демона.

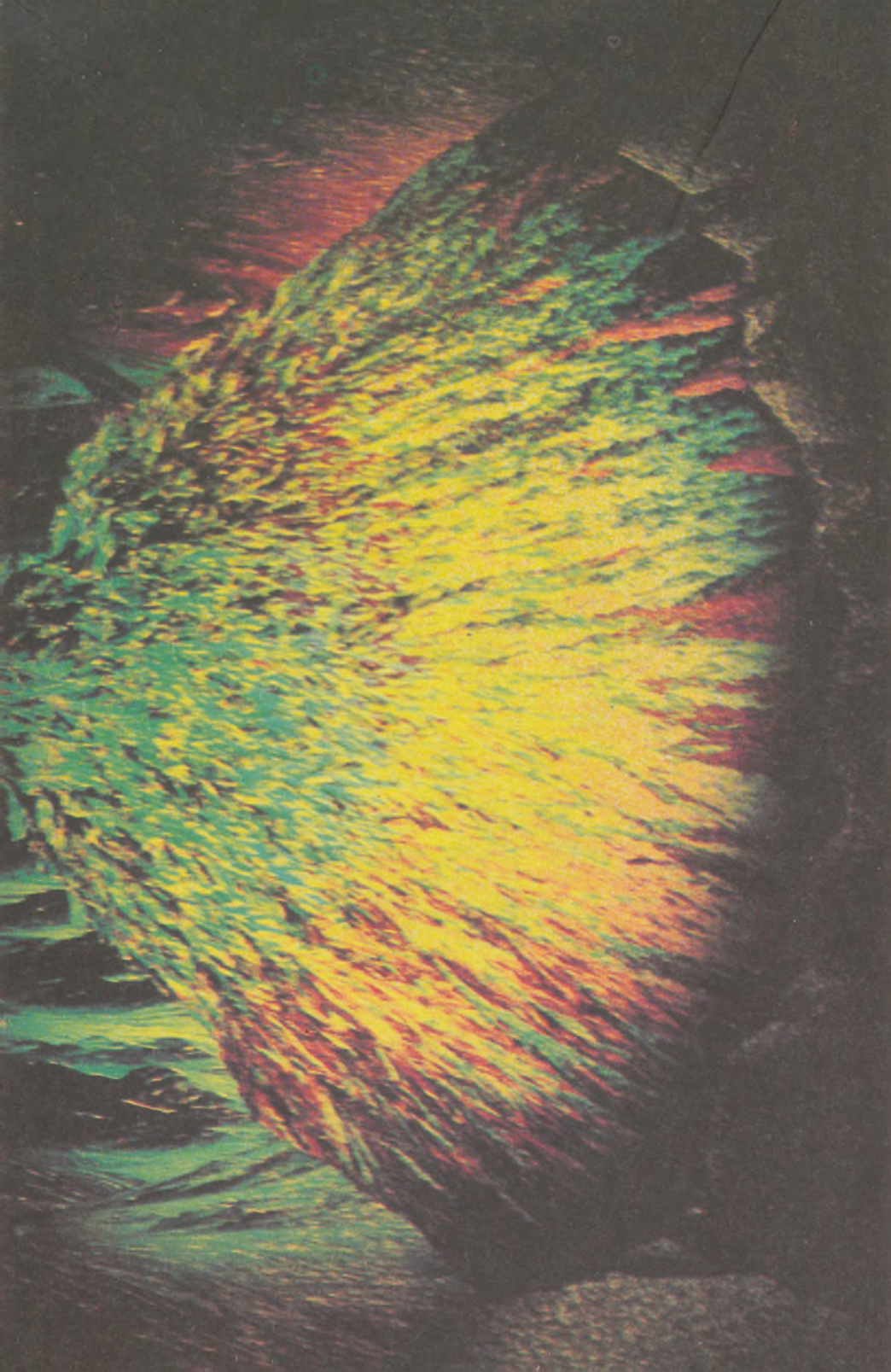
Лермонтов был патриотом и любил
Россию. Но существовало нечто
попросту сильнее его - имею в виду
дыхание Тьмы за плечами поэта.
Я не оригинален: о демонизме поэта
говорил еще В.Соловьев. И там,
где патриотизм сталкивался с
натиском Ночи, он не выдерживал и
уступал силе более мощной.

Вот почему Монастырь - символ
русской мощи и духовности - в
универсуме поэмы в конце концов
оказался разрушен.

Именно здесь, по моей модели,
таится суть "странной" любви
Лермонтова к Родине.

Декабрь 1989 -
январь 1990 гг.

Свердловск

Наверное, все дело в шляпе. Приличная шляпа. Даже и не шляпа, а респектабельный такой черный цилиндр для вечернего променада с тросточкой и дамкой. Или для фокусов с вытаскиванием кроликов, платков, надувных шаров и прочей иллюзионной утвари.

При определенном стечении обстоятельств и некотором личном усилии шляпа может оказаться волшебной. Такой шляпой, однако, надлежит пользоваться с величайшей осторожностью: она совершенно послушна в деле превращения. Стоит немного ошибиться при произнесении заклинания или положить в нее нечто, не предназначенное для трансформации. А то случится что-нибудь невразумительное. Как с баловниками муми-троллями, например: засунули в шляпу словарь - и вдруг побежали из нее разные букашки-таракашки: слова, слова, слова...

Впрочем, это не единственный инцидент. Вот и с Просвещением тоже вышло неудачно: натянули

красный колпак санкюлота на энциклопедию, и некоторое время спустя начали вылезать из него чудовища, одно другого страшнее: свобода, равенство, братство... История научает лишь тому, что она никого ничему не учит. То ли не идут на пользу ошибки, то ли что-то с совестью, с самим человеческим сознанием. Как шляпу на него не надевай - все выходит как-то наперекос. Особенно на нашей почве, на датской.

Остается или выбросить шляпу вообще, покончив со всеми этими фокусами, экспериментами, превращениями, материализациями духов, и жить, не претендуя на роль волшебника или пророка. Или, нахлобучив шляпу (кепку, фуражку, берет, шапокляк) поглубже на свое собственное сознание, инсценировать "Шинель", представление без зрителя и режиссера, драму одинокого сознания. Может быть, в зеркальной комнате удастся что-то разглядеть в самом себе...

А.МЕЛКИН

СОЗНАНИЕ В ШЛЯПЕ

(Из дневника преподавателя философии)

Привычка свыше нам дана своей техникой, по сути, она - наш выбор, что оправдывает существующее как выраженное в языке. Слова нет - я себя не понимаю и томлюсь, ускоряя пленку времени. Но назвав предмет, привязываю себя, застряв на духовном пути. Нет нужды в этикетках! Бессознательное структурировано как язык еще и потому, что сознание приносимого другим блага - изнурение этикеточной любовью. Любовь на деле рождается исповедью и молитвой: то, что случается, прежде случается в нас самих... Книга захлопнута, и что мне до Иоанновой любви без страха, чье совершенство изгоняет страх, ибо страх - это мучение, а боящийся несовершенно в любви? Можно бесконечно грезить о правде вымысла, а жить вымыслом правды... И чем умнее и талантливее я в среде, по четвергам - дурак: лишь умный попадает в глупое положение, обставленное страхом выживания, обвинениями-оправданиями (1). Оправдание всегда обвинение, одно живет за счет другого, подобно объявлению рыночных свобод за счет стрижки свобод политических... Книга захлопнута, оглушенная собой - кубичностью дымящейся совести и тем, что не говорит, а объемлет. Куда же ссыпается пропасть пошлости? Наверное, в сундуки оправдания: так уважаемые потомки при общем и цивилизованном смехе простят и оправдают глупости. Оправдают! Как оправдать (или легче - обвинить) в глазах этих девочек-мальчиков (2) грядущие перемены и ностальгию по настоящему. Устал говорить! Устал доказывать, что желаемая сильная власть невозможна без сознания свободы, опоры на индивидуальное сознание свободных предпринимателей. Реверанс по поводу суровости российских законов, рождающих - так норма порождает сознание, а не наоборот - хитрость в их игнорировании. Не проходит. Обычность сценария. Не цепляет... Реабилитация мышления... Все заговорено и заболтано, сублимировано "единицей и нулем", блудом труда: книга захлопнута, и день тянется в нелюбви. Последняя пара - аккорд для особо одаренных (3). Выдвигаю тезис: каждый здесь - гений единственный в своем роде, но кто догадается? Да и как, если нет таких догадливых, все мы - на одно растерянное лицо и судим особенности друг друга на основе родства и соседства, не умея выделить небывалое. Привычнее - кто на кого похож и чем; но что это за гений, если похож?

Бедные дети! До Хайдеггера ли им сегодня (4), кинутом в онтологическую драму собственного сознания, его условий (бытия-у-слова) и очевидностей? Лечение

языка - лечение сознания. Русский язык репрессивен (5), объемля властностью теоретика-обществоведа, отчего его "предмет" и сознателен властью, и обмирщен, а свою помещенность внутрь дурдома бытия - переоцененного и заболтанного мира языка - хитро не вижу... Книга захлопнута, и облегченные дети устремляются в трудную жизнь с пустыми полками и спорами о различии порнографии и эротики...

Неужто каждый живет только тем, что сам умеет делать? Шел домой и нечванливо мыслил (я не философ, у меня более скромная профессия - мыслитель), естественно, о судьбе, промысле и вымысле.

Итак, умысел-замысел как в истории, так и по жизни себя исчерпал: высокие цели первохристиан и большевиков исчезли, а студентки предпочли то, что существует, тому, что будет. Даже в возможности... Все мы отдались власти настоящего времени, задвинув периферию вымысла, возможность быть "чем-то еще" по адресу милосердствующего Запада. А ведь тем самым легитимируется логика опредмечивания-распредмечивания, оправдывающая любые "не" - немогучики и неспособности - недостатком или переизбытком предметности! При условии, что вот эти дома, эту улицу, эти облезлые автобусы брать как опредмеченное знание - "технику". И наоборот...

Но раз идеальное знание, носимое под шляпой, есть распрепредмеченность человеком природных свойств, включая функции предметов культбытзначения, то все зависит от их - предметов - наличия. Или неналичия. Я никогда не стану художником, ежели в своей деревне не имею кистей-красок, включая альбомы с Дали и Глазуновым. Железная ясность оправдания и обвинения любых "не"!

Философская классика толкует: сознание либо предметно, "для этого" - для гносеологии, либо сводя его природу к двухтактной технике опредмечивания-распредмечивания по непрерывной переработке и накоплению извне поступающей информации. Ведь действия-то человека сознательны, а потому они указывают на нечто, маркируемое "сознанием". Еще хуже обратное: сознательные действия - следствие работы сознания. В чем критерий сознательности? Сознание есть как понимание Другого Сознания, о-сознание себя по- и над собственным кругозором знаний и норм. Сознание - возможность объемлющего меня более обширного сознания - сознания чего-то еще. Самоплагиат - смерть сознания; впрочем, нелюбовь - тоже... Нелюбовь - "тождественность" одинакового и одинокого себе сознания.

Истинная любовь - расслабленность, приключения ду-

ха в мирах-моделях другого сознания, а не другого общества. Гуманитар ныне жив отказом от отражения и распредмечивания (опредмечивания) реальности в пользу ее моделирования. Жизнь - сознание Другого Сознания.

22 декабря. Крыша едет, но куда?

Дети, дети... Мило игнорируют, имитируя учебное поведение: зачет и экзамен - личный ритуал "для"... Какая-то оргия схем, ставшая организацией учебного процесса (6), где "расписание занятий" - знак структуры, "сущностной" взаимосвязи элементов - преподавателей, студентов, этажей и аудиторий...

Жизненно то, что неразрешимо... Девочка элегантно заметила: долгая жизнь лошадей обусловлена тем, что они не выясняют отношения; власти не понятна непрозрачная коллективность, для маркировки которой нет слов. Неясность влечений - энергетика неартикулированных симпатий, антипатий - противостоит "рацухе" Власти. Собственно, философия здесь и живет, будучи ностальгией по дому, тягой повсюду быть дома... Так и дневник для меня - это домашний жест, узорчатый раскрыв скрытых оболочек, буквенная конспирация, упокой заморочек и болячек за оградой слов...

Сегодня пятикурсники приехали с педагогической вузовской практики. Приехали поголовными нигилистами. Ни-ког-да не будут - учить, преподавать, философствовать!.. Чему учили и научили, что с нами со всеми происходит?

Вот ведь парадокс: крыша едет, а подвал пуст. Правда, есть там трупик "общественного сознания", разъятый на радикалов, консерваторов, либералов, на формы, виды и уровни, типы и нормы; знание коих ну совершенно необходимо людям как основа общности общества. Обществовед - причина общества!..

Давайте, дети, "возьмем" общество "в качестве"... Рассмотрим, например... Взяли? Пальчики дрожат?.. Ничего, ничего, философы, вы же скромно именуетесь мыслителями, да и цеховая солидарность тащит... Что, Вася, почему я такой злой и подчиняющий твою мысль своей?.. Дак я ж "профессионал" - огонь, чай, воду и медные трубы мысли прошел! И наследил... Как "Другой"самому себе!

Жду усвоения очередной банальности: Господи, простишь ли за сии проблематизации и снятия одеяний с невинных душ?.. Продолжаю нудить: сознание является - или есть? - общественным, ежели свободно реализуется

в пространстве интимно-публичного, естественно, благоговей перед жизнью и таинством предстояния самому себе. Как это там у Гегеля? Впрочем, сознание общественно, когда свободно (многозначительно педалирую слово "свободно") допускает лишь одно насилие над собой - усилие по снятию собственных границ. Но именно поэтому возможность моего сознания устанавливать справедливость неизбежно упирается в общее знание справедливого мира, текстуально узурпированное классиками и политически - центром: да и сама идея ре- и конструирования общественного со-знания как общего для всех - по уровням, типам и формам - молчаливо предполагает центр, доброго царя, равенство и аналогичную технику делегирования ответственности за себя усатой власти!

... И вот, когда студенчество вполне осознало корни всеобщей глупости, ввожу идею обратных логик на примере: "существует лишь то, что выражено в слове". Пространно упоминаю Фрейда, Хайдеггера, Лакана, Деррида, Кристеву, Бахтина, Барта, Фуко (7), затоптанность троп-тропок-тропинок языка и рельефно оборачиваю все это против лозунга и замысла (Платон мне друг, но истина ...). Затем концентрирую внимание девочек-мальчиков на отечественном стереотипе, по которому изображенное, схваченное в понятии, идее, концепте, объявляется сущим-существующим...

Ну вот вам и политика - технология власти, магия киноснов и книгомифов, оруэлловских правд, лакировок, очернительств, героизмов масс, происков врагов и т.п. маркеров неоплатонического вытеснения жизни в гулаги подсознания и несознания, политика сублимации зощенковско-бытовой лексики до мудрости века и дьяволиады вражды, космополитов, масонов, сплетен и доносов...

И далее - до перерыва - эксплуатирую сочувствие благодарных слушателей. Уф!

Но чем я-то лучше, ведь я - критик, технолог власти?!

Публичность многотиражного избытка имен "классиков" и текстов, обструганных и у меня до иллюстрации финальной истины, задает столь тесное пространство "общественного сознания", что возможности бытия других индивидуальных сознаний сводятся на нет, обрекая дух на жизнь между строк, в умолчании, в анекдотоподобных структурах. И разве не про себя я вещаю о том, что локальная публичность семьи, пирушки, дружеской встречи и исповеди взрывается разнузданностью слова, тела и дела?.. Погружение сознания в подпочву зоологического беспредела, дионисийства веселых похорон и раздвоенности на "мои проблемы" и "ты меня не пони-

маешь" сопровождается агрессивностью маленького человечка наших дней, завязшего в невразумительной словесной каше "поступательного движения прогресса вперед"...

Кстати, на лекциях отчетливо видно: вот вы сидите, слушаете меня и корчитесь от невозможности выразиться, передать тревогу за будущее, страх или радость, раздуваясь от давления нерелективных и необжитых сознанием переживаний. Страдая от невысказанного и нереализованного - слов нет, или слова не те, одни маркеры, понятия, категории... Не здесь ли причина всеобщего насилия?

Однако факт тесноты сознания - симптом возможности его монтирования и демонтажа - "кадры решают все"! Чтобы стать "кадром", следует отречься от случайности переживаний и непредсказуемой жизни своего сознания, намеренно встать в тип, представительство, прослойку и поэтому сменять и сменяться в зигзагах кинохроники - монтироваться по замыслу общего Автора. Сам же закон монтажа "общественного сознания" - тайна, отчего зрители цепенеют перед ужасом холодных ножиц, беспощадно выстригивающих одних персон и вклеивающих других, цепенеют от невозможности быть автором собственной жизни... Не потому ли сегодня мы позволяем власти творить насилие, наделяя ее правом делать с нами что угодно, хотя на самом деле власть обязана охранять наши права?.. Не потому ли мы как бы обязаны бороться и боремся со своим во имя права восшиться чужим?

Вижу циферблат. Замолкаю. Звенит звонок... Почему так стыдно, а?

25 декабря. Коллаж насилия

Факультет разваливается, демонстрируя духовную немощь: демонстрация и есть деконструкция, не так ли? Физически тяжело ходить этими коридорами, насыщенными энергетикой ненависти, наблюдениями над наблюдателями - авторствами, авторитетами, демиургичностью,- всем тем, что задает пространство, позу моего тела, что меня о-внешняет. Русский язык визуализирован, потому и репрессивен!

По мысли Пастернака, школа ненависти началась с 1914 г., когда стрелка ненависти к немцам (не-мы-м) повернулась позже к "буржуям", а затем ... Воистину, видение конфликта определяет его содержание. Я не вижу, потому и ненавижу: монолог-апофеоз незнакомства и не-

заметности (знака и меты), несуществования живого Другого, апофеоз абстрактного бытия - культ теории. Зверство началось с Французской революции, заменившей Христа культом теории-разума. Террор там, где культ.

Власть зрима, она - возвышенность среди развалин, цепляющая глаз, привязка к местности, культ рассудка. Власть там, где различают и определяют, поэтому стиль философствования важнее ее предметности, ценностные позиции важнее историко-философских знаний.

И коли нет ничего на свете, заслуживающего слепой ненависти и любви (лишь безразличие зряче эгоизмом самовывживания), то сам свет зрения - дар Другого. Бездарность слепа в любви-ненависти; слеп самоплагиат и страх, ведь легче закрыть глаза, вопрос, проблему нежели riskовать раскованно и открыто на путях постижения лжи-истины, из-ложения себя - в - игре. Талантливая игра Слова - сердцевина жизни, ее самотворения.

Случай - мгновенное орудие небывалого Слова, порог дурдома бытия, обнаружение вымысла. И если я забываю о правде вымысла во имя вымысла правды, то становлюсь самозванцем, представителем, героем. Ницше построил свою биографию как судьбический поступок-вымысел, поэтому Бог у него помер: да и зачем человеку-богу дополнительный свидетель-наблюдатель? Безбожие - бегство от наблюдения и пристрастия, доносительства и свидетельства; тут небывалое Слово стоит на пороге - убогое или у-Бога.

А как быть с "если Бога нет, то все позволено"? Смотри какой бог - наблюдатель за исполнением кармы-замысла или Бог-Слово, становление Духа любящего, обо мне мыслящего... Такого свидетеля, т.е. видящего меня Слова, я готов выдержать (8), такой Бог - путь к Со-вести и пониманию (тогда и безбожие - бегство от совести, но это "безбожие" - дитя цивилизации, далекой от ГУЛАГОВ).

Метафоры вечности... Религия ставит сознанию зеркало вечности, отрезвляя и снижая страсти. Но то же самое и Слово; иронизируя и ломая мегамашину ненависти, оно реконструирует чувство вечности, позволяя сознанию жить выше мелочовки обид и тщений славы... Но чистое слово - не тщеславие, а честолобие - слово чести. Такое слово всегда вслух и зримо, вечно и как бы ничье (чистый внесловесный взгляд личностен и не вечен, обнаруживая нечто, невидимое другому).

Самое слабое на свете - это слово. Но его ценность - именно в слабости: так Христос слаб, будучи силен Словом. Так и белое, брошенное в темноту (свет - в черн), затухает красным. "Белое - красное - черное" - это архе-

типы внесловесного наблюдательства: белое объемлетя красным, красное - черным. Соответственно свет белый объемлетя мятежом (рыжий, красный), а красный - ересью (черным). Но все вытаскивает "конь блед" - бледный свет безверия. Не потому ли черный свет - свет анархии - пародия христианства?

Самое страшное - оправдание! (1) Оправдание (обвинение) убивает совесть и сомнение чернью бессознательности. Однако справедливость - бытие-с-правдой... Поэтому с ненависти к себе (не хочу, не могу, не должен видеть-ведать-вестничать себя таким) начинается любовь к Другому. В этой любви Слово - зрение, т.к. любовь бывает безразлична и слепа, взыскаю союзов с чернью, а правда разделяет, будучи зримой, чейной и личной. Красота спасет мир потому, что она - синтез любви (игры и радости) с правдой (стыда и совести). Именно Слово - плоть Красоты, заложник ее вечной силы у правды и любви быстро-текущего времени.

Необходимые комментарии

1) Оправдание - лейтмотив всего дневника. Страх перед оправданием скрывает ужас исповеди, испытываемый исповедующимся. Даже здесь, в стенах этого текста, в атмосфере, допускающей искренность перед самим собой, пробивается недоверие к тому двойственному адресату, которому, собственно, и предназначалось все это. Первый адресат - сам автор, что очевидно, когда речь идет о жанре дневниковых записок. Обращаясь к нему, т.е. к самому себе, он тщится надеждой упокоиться в уютной корочке, застывшей на извергнутой мыслительной лаве. Он не доверяет сам себе, пытаясь завернуться в шинель затверженных фраз. Впрочем, он не готов и к встрече, столь чаемой им, со вторым адресатом - вечным Словом, политическим заговором интимной жизни собственного сознания, скрывая неспособность занять то место в пространстве биографии, которое не допускало бы вопроса об оправдании/обвинении - места совершения ответственного поступка. Он не одинок в своей безместности и неуместности, ибо неуместна сама ситуация скрывающегося под исповедальными формулами самоуничужения, в котором оказался автор вместе со всем обществом.

2) Неуместность становится более очевидной на фоне постоянных взываний к "бедным и несчастным девочкам и мальчикам", которым надлежит нечто говорить, доказывать, доносить, а их самих - просвещать, проблематизировать, срывать с них все и всяческие маски. И все это совершается, будучи облаченным в потертый халат работника на раздаче комплексных подходов и многоаспектных аналитик. Откуда доносится ваш голос, Учитель?

3) К кому вы взываете? Кто они - особо одаренные? Одаренные кем и чем? В чем критерий "особливости"? Может быть, в несопливости и несонливости? Вопросы падают в пустоту непроговоренного. Мы отбираем по своей мерке, образуя тем самым тесную корпорацию тесных сознаний, где только и может проснуться мания поиска дальнего Другого.

4) Бедным детям нет дела до Хайдеггера, но исключительно до проблем, по меньшей мере, государственного порядка: доверять или не доверять премьер-министру или первому заместителю генерал-губернатора? Только одно смущает - преисполненный жалостью к своим подопечным, а заодно и ко всему тому, что "узурпировано центром", автор не замечает того, что сам сконструировал "бедных детишек". Во всех смыслах.

5) Акт конструирования мельниц, с которыми можно побороться, или угнетенных, ждущих освобождения, или несчастных, нуждающихся в жалости, осуществляется все тем же репрессивным русским языком, который гнет сознание автора. Он репродуцирует репрессию и как носитель языка, и как элемент педагогической системы.

6) И за исправное функционирование учебного процесса, в котором встречаются два различных ритуала - самонормирование студента (его не может не приметить профессиональное око учителя) и приведение к норме преподавателя (что не может не ускользнуть от прямого взгляда экзаменатора)?

7) Есть и еще один ритуал: поминовение великих мудрецов. Помянуть их не вредно. Вредно другое: мысль не цепляется в хаосе традиций, собственная безместность учителя не умещает в себя плотных и живых фигур, превращая их в точки, метки для себя и других, слушающих его, в дорожные знаки. На пути куда? По наезженному тракту затверженных имен может заскользить все

быстрее и быстрее, постепенно превращаясь в шизоидный дискурс, разорванный и бессвязный, приближаясь к своему пределу, за которым - лишь бездна...

8) Последний акт драмы оправдания естествен и закономерен - это апелляция к последнему, всепрощающему основанию, сконструированному таким образом, что в нем успокоивается стыд, проходит страх, воцаряется мир, наступает время любви и правды. И уже никто не спросит Учителя: кто ты?..

**Выходит в свет второй выпуск независимого
философского журнала "СТУПЕНИ"**

Основные его разделы: "Философия культуры"; "Философия творчества"; "Духовная ситуация сегодня" и др.
В трех разделах - "Россия", "Восток" и "Запад" - печатные материалы из наследия философов "Русского зарубежья"; памятники религиозно-философской мысли Востока, классические и современные мыслители Запада.

Тираж - 30 тыс.
Цена 3 руб. 50 коп.

Адрес редакции:
191119, Ленинград ул. Марата, 64.

Журнал "Ступени"

Независимое издательское предприятие
"Девяносто один"

начинает выпуск серии приложений
БИБЛИОТЕКА ЧЕЛОВЕКА ' "91"

В нее войдут художественные и докумен-
тальные, научно-популярные и прикладные
издания, которые, на наш взгляд, займут до-
стойное место на книжной полке читателя
90-х годов.

**"О ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНЫХ СВЯТЫХ,
ИКОНАХ И ПРАЗДНИКАХ
(согласно церковному преданию)"** -
первая книга в этой серии.

Она содержит жития более, чем ста пятидеся-
ти святых, канонизированных православной
церковью, многие из которых давно извест-
ны и любимы народом - Сергей Радонеж-
ский, Ксения Петербургская, Александр Не-
вский и другие. Написанная живым эмоцио-
нальным языком, книга насыщена
разнообразной полезной информацией и
имеет цветные иллюстрации.

Объем издания - 300 страниц.
Ориентировочная цена - 5 рублей.

Сделать предварительные заказы на книгу
можно по адресу:

620086, Свердловск, ул.Посадская,44,
корпус 1, кв.48.

Тел. (8-3432) 234497.

Провинция - школа пе-
чали.

Самая лучшая и неза-
бываемая.

Славомир Мрожек.
Короткие письма

"Гении рождаются в провинции, а живут и умирают в Париже", - мысль, придуманная в страхе перед "идиотизмом сельской жизни". Страх повсеместен, идиотизм регионален: что же мы так рвемся в Центр? Разве там не страшней, чем в провинции, разве жизнь там сильнее власти авторства?

Это тайна покинутого. Чопорность Центра, Большого Мира - деланная уловка взрослой скуки перед заколдованной ересью простоты. Провинция - детство души человеческой.

X X X

Оптика детского взгляда как оптика взгляда провинциала, вдруг обнаруживающего себя в Столице. Взгляд ребенка - чистый взгляд оптимиста, но это "глазующий" оптимизм обыкновенного как незнакомого, обычного в его необычай-

ности, тихого в его радостной звучности и простоте. То, что удивляет в нас Ребенка,- провинция, не знающая менторства и скуки.

X X X

Провинциал Н.Н., услышав, что гении рождаются в провинции, а умирают в другом месте, заметил: "Значит, кому-то выгодна такая социальная несправедливость!" И пошел читать Бердяева.

X X X

Н.Бердяев писал, что утопии имеют свойство сбываться. Сбываются они в Центре, где авторство, суэта властных претензий, обилие поз, иностранцы: утопии всегда возникают из утопий.

Редко цепляют утопии провинцию, где царит грусть краевой позиции: метрополия, Центр - это место, где нас нет (вдруг там "небывалая жизнь"?). Центр, "большая культура" живут утопиями, идеализациями действительного. Провинция - реализм возможно-

А.ЛУЧАНКИН
А.СНЯЦКИЙ
ПОЭТИКА ПРОВИНЦИИ
Этюды

стей. Уместность Центра видна из периферии. Как во взгляде на предмет, который "собирается" глазом в точке зрения, упора в предмет, когда остается неясным, что же значит эта "точка упора" - упрямое игнорирование фона, из которого произрастает граница предметного, или опустошение его нутра в застывшей поверхности? Уместность Центра находится внутри провинции, в ее охраняющей близи, когда точка сгущения в Центре избирается в этом охранении как всегда приблизительное. Близость - это "точка опоры" для приближения к тому, во что можно упереться. Каждому из нас нужна опора, прежде чем мы станем упрямыми в своих замыслах-утопиях, устремляясь от того места, где мы всегда уже есть.

Утопия (туда, где нас нет!) часто оказывается атопией (то, где нас не надо бы!), а "за что"?: ведь единственное место, где мы всегда есть, - это провинция.

X X X

...А у Вас есть своя провинция?..

X X X

Чеховская тоска провинции по Большому Миру - это модель тоски по возможностному миру чужого, предчувствие отказа от ясности

"своего" и "чуждого". Заклятие повтора, самоплагиат, заданность освоения-отчуждения, статика жеста вдруг наваливаются тяжело - и ты видишь круг существования.

Думается, что великие мыслители и художники, пророчествующие о судьбах человечества, сохранили в себе провинциальность. Вот и Христос говорил притчами, подробностями окраины освещая круг трансцендентных истин бытия.

X X X

Однажды в бане Н.Н. спросили, что он думает о времени и вечности. "В условиях централизованного снабжения и мыло - вечная ценность", - ответил провинциал. И вошел в парилку.

X X X

Провинция пронизательна, ибо проникновенна. Она доступна всегда и всем, ее щедрость не знает милостыни и подаяния. Доступно то, что даримо: дар проникает туда, где гнездится благодарность. Отсюда происходит разница щедрости и изобилия - изобилие питает старость в ее серьезности и почтенности, - потому умирают в Париже, граде стариков и меценатов. Провинция - средоточие человеческой общительности, окраинности и границ. Бахтинское "культура живет на грани-

цах" - это провинциальное смирение перед соблазнительным телом Большой культуры, уважение к окраинности смысла, его внутренней центральности.

Внутренняя сосредоточенность провинции есть центрация души в бесконечности духа, безответная тоска о Центре как последнем смысле безграничной Вселенной культуры.

Провинция везде, а Центр или Большой мир - где-то.

X X X

Русская идея - внутренняя централь европейской окраины или точка полагания "внутренней Европы" для безграничного диалога с этой сильной провинцией? "Русская": для Европы это звучит как прилагательное к ее собственной цивилизованности, для Азии - как прилагательное к ее мирозерцательной культуре? Может быть, "русская идея" - окраина Евразии, ее внутренняя провинция, метафора-переход из одного в другое?

X X X

Провинциальный патриотизм "малой родины" - это позиция наблюдателя, придирчиво наблюдающего за своим наблюдением.

Столичный патриотизм Отечества - наблюдение за

позициями "малых патриотизмов", охраняющих позицию Центра/Периферии. Провинциальное авторство потенциально и не спешит с центральными публикациями. Вопрос не в боязни тиражирования потаенно-интимного, а в отказе от кражи - возможности иных авторств, предполагаемо лучших и человеческих; мир все-таки устал от централизованного авторства.

X X X

Прислушаемся к тихой полемике "Севера" и "Нового мира". Гордая попытка сохранить "окраинную истинность" большой литературы у первого и полнейшее заселение столичной жилплощади провинциальными авторами у второго. "Север" - столица русской литературы, "Новый мир" - провинция литературы мировой.

X X X

Пространство индивидуального сознания провинциально. Биография, место жизни, тесное общение "своих", ценимый ближайшим окружением личный ритуал - все это, осмысленное наблюдением-кругозором, озирированием и о-зор-ством глаза, есть интенсивность "внутреннего тела", душевной жизни.

Центр живет внешним и внешностью, оглушающим

количеством, спешкой - врагами мысли и искусства. Но художника и философа нет вне освобождения от провинции (естественно, как сугубо "своей", боящейся инородцев) во имя понимания других, чужого.

шибаемый одеколонами и дезодорантами. "Эдипов комплекс" - "комплекс провинциальности", которая не знает о своих дальнейших метаморфозах и потому не ведаёт своей трагичной судьбы.

X X X

X X X

Синдром Столицы - синдром Татьяны или Онегина?

Грусть краевой позиции происходит от заговоренности и литературности: "внутренняя речь - эрзац бессознательного в нашей культуре" (М.Бахтин).

X X X

Думать и писать о провинции можно, лишь покинув ее.

Потому и притягивает Центр, что он подобен кабаковской "Мухе с крыльями" - меняет свой стертый образ в зависимости от речевых оценок.

Феллини никогда бы не снял "Амаркорд", если бы остался в провинции. И по техническим причинам тоже. Так свидетельствует Мржеж.

Караваны слов оживляют пустыню.

X X X

X X X

Синдроматика провинции: свалки и пригороды, геометрические дворы городов, где нет тени укромного, в уюте которого можно спрятаться, лозунги в деревнях, где господствует серое. Гонимая провинциальность "вскакивает" централизованной упорядоченностью.

Столица внимает периферии, как роман прислушивается к притче.

Симптоматика провинции: "ручная работа" внутри городской квартиры, семейный альбом с пачками перевязанных писем, особый, естественный запах тела, не пере-

Притча повествовательна в глубину, в множественность интерпретаций, порождаемых единственностью состояния - недосказанности.

Роман разворачивает ширь смысловой поверхности, пробегая множество состояний, у которых один герой, самоизлагающийся в читателе.

Смерть автора и читателя предуготовлена провинцией, где роман и

притча соединяются в сновидении и труде.

просто места, в которых живет человек, место, на котором построен его дом.

Х Х Х

Деконструкция семиотических систем, осуществляемая постмодернизмом посредством целенаправленной техники эклектики-цитирования, ныне факт жизненный, онтологический. Реальность исчезает, демонтируется, а потому философия и искусство не успевают даже дублировать жизнь, делаясь излишними.

Гибнет реальность Центра, открывая возможность провинции.

Х Х Х

Топология Центра/Провинции - топика пребывания, нахождения. Это способ ориентации во внешнем пространстве с помощью дорожных указателей. Но это не просто ориентация, такое нахождение всегда ориентация-на.

Ориентация сама по себе изначально есть просто присутствие. Последнее имеет свои собственные знаки присутствия, внутри которого и возможна ориентация - по этим знакам.

Центр/Провинция имеют свои собственные, внутренние означения: Знаки Центра и Знаки Провинции. И здесь, на уровне означающих, между ними нет границ - это Знаки Культуры, -

Х Х Х

...Провинция - ум, честь и совесть эпохи перестройки...

Х Х Х

Постплюральность и постэксцентризм сегодняшней жизни - это ее провинциализация. Вот где корни стратегий самоидентификации, основанные на четкой неуверенности в успехе, отказе от претензии на универсализм. Артистическое поведение, авторство и замыслы аннигилируют, уступая место пустоте, которую никто не спешит заполнить.

Постсовременность - стирание централизованно тиражируемых различий и оппозиций, когда Столице выгодно культивировать периферию, а ночному телу провинциальности угодно не вторить дневным траекториям продвижения. Центры должны быть спрятаны, едва обозначены, как если бы их не было вовсе. Но тогда и не провинция во власти.

Во власти жизнь, не скрывающая своей власти, - как бескрайний покров лесной, в щедрых просторах чьих мы лишь прокладываем малые тропки и временами устраиваем свои очаги.

X X X

... Провинция?...!!!

X X X

Провинциальность как жизненная позиция - это искусство невидимости и озорства.

X X X

Провинциальный Соловьев: ностальгия по целостному Человеку и цельному знанию - ностальгия по детскому озорству греков, весело припомнивших свое недавнее рождение - ностальгия по озорству...

Может ли существовать опыт, объединяющий их - озорство и ностальгию?

Озорство провинции, становящейся Центром, Ностальгия Центра по озорству его бывшей провинциальности...

X X X

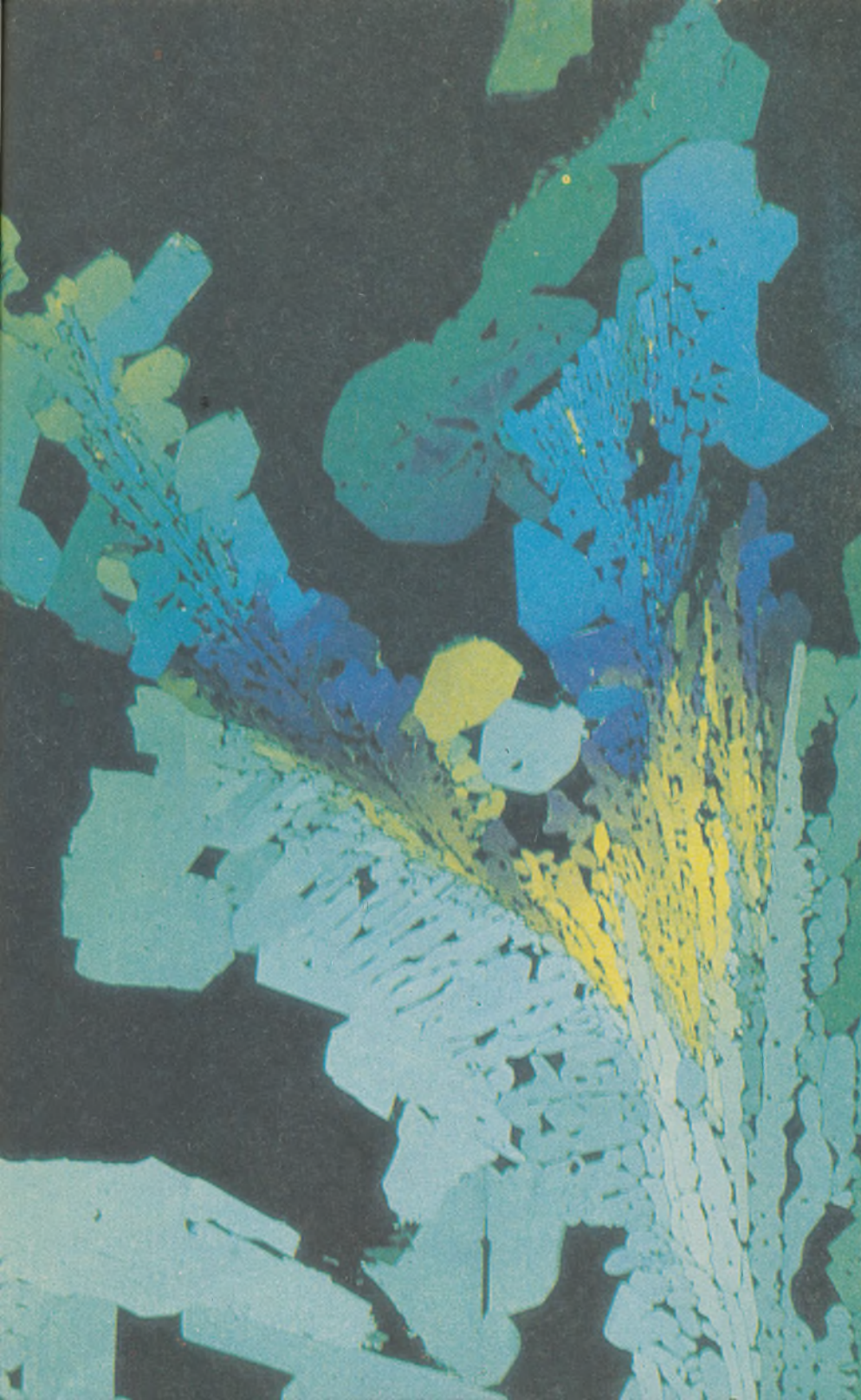
У сюрреалистов любая вещь как бы говорит один и тот же текст: "меня нельзя использовать по прямому назначению". Это ход от значения и словаря к смысловому контексту и вариации. Следующий шаг - в будущее, к нереализованной возможности культуры (жизни?).

К провинции.

X X X

...К провинции...

А. ЛЕВИН В. СТРОЧКОВ В РЕАЛЬНОСТИ ИНОГО МИРА

Лингвосемантический текст
(Попытка анализа и систематизации)

В начале отметим, что для обоих авторов безусловной первичностью обладает поэтическая практика, а уж теоретическая поэтика из нее вычленяется, так сказать, задним числом, в процессе опознания текстов, нами порожденных и тем самым (для себя) уже как бы и умерщвленных. Так что эти заметки имеют некоторые черты протокола вскрытия. Такие, знаете, заострившиеся...

Хотя, конечно, констатируется и некий встречный процесс. Единожды осмыслив некоторые закономерности, обнаруживаемые в текстах, уже не удастся делать вид, что творческий процесс протекает по-прежнему. Нет, разумеется, он остался в основе интуитивным, но сама интуиция утратила былую невинность. Степеней свободы стало больше, а собственно свободы поубавилось. К сожалению.

Теперь следует сказать, что, как и у всякой добропорядочной теории, у нашей имеются свои три источника и три составные части.

Источники: детская речь как свободный и

чистый способ отражения действительности; каламбур как сомнительной чистоты игра интеллекта словом; эзопов язык как не самый нечистый способ затемнения публичного высказывания в периоды жесткой регламентации общественного сознания. Первые два источника в большей степени присущи поэтике А.Левина, а вторые два (хотя их всего три) - В.Строчкова.

Теперь - о трех составных частях. Это - лингвопластика, полисемантика и политекстоника, определяемые как совокупность способов работы с текстом на уровне - соответственно - слова, высказывания и групп высказываний.

В целом описываемый подход к тексту условимся называть лингвосемантическим или лингвосемантикой.

Описываемый нами подход описывает круги (в самом благопристойном смысле слова!) вокруг наших текстов, каковые сами есть круги от падения в нашу речь трех увесистых побудительных мотивов.

Мотив первый, весьма популярный (почти шлягер) для пи-

сателей нашей генерации,- реакция на процессы, происходящие в русском советском языке последние десятилетия. Это и образование мертвых зон на территории языка под воздействием бюрократического официоза, в том числе и литературного; и экспансия лагерных зон прибалтийской маскультуры; и возникновение оккупационных зон англоязычного (точнее, американизированного) слэнга молодежной поп-рок-культуры; и огораживание запретных зон милитаризмами из лексической практики борьбы за мир до победного конца света; и зоны сплошной принудительной диспансеризации населения, ботающие на аргю алкашей и наркоманов, ИТЛ и т.д., ЛТП и т.п.

Мотив второй - поиск адекватных выразительных средств для отражения окружающей реальности (включая и внутреннюю - окруженную). Поскольку она имеет характер очевидно сложный, изменчивый и неоднозначный, то и соответствующие выразительные средства должны обладать, по крайней мере, не меньшей способностью отражать эту сложность, изменчивость и неоднозначность.

И третий мотив - осознание языка как особой, отдельной реальности, обладающей огромными и

мало используемыми возможностями: подвижностью, изменчивостью и избыточностью; и как сложной системы с ее каноническими атрибутами: целостностью, неаддитивностью и способностью к саморазвитию.

В отличие от мира, где мы имеем некоторые виды на жительство и где "электрон так же неисчерпаем, как и атом", в "том" мире фонема отнюдь не столь же неисчерпаема, как слово. Фонема есть частица последняя и далее не делимая, но, вдобавок, и слово тоже частица последняя - последняя значащая (фонема не значит, а только звучит, мычит). В этом смысле язык уступает нашему миру в уровне детализации, в разрешающей способности, нижнем пределе конструирования и анализа. Зато он обладает большей потенциальной синтезом, в нем можно строить не только лингвистические подобию - рефлексии нашего мира, но и фантомы, означающие то, чего нет, не бывает и даже, может быть, и быть не может в наших местах. И в этом смысле язык - вселенная безграничных возможностей, мир, в котором действительно возможен Всемогущий Творец.

Путь, выбранный в странстве языка А.Левиным, пролегает через области активного воздейст-

вия на слово с использованием его как бы физических свойств: расчленяемости, способности к слиянию и сплетению с другими словами, растяжимости, сжимаемости и других видов пластической деформации. Отсюда пошел термин "лингвопластика".

Для пути В.Строчкова более свойственно использование слова как внешне неизменяемой, знаковой (звуковой при устном исполнении) конструкции, поставленной в такую языковую ситуацию, что в результате ее разрешения возникает эффект изменения и размножения смысла высказывания. От этого-то размножения и образовался чужой ребенок, то ли усыновленный, то ли уворованный термин "полисемантика".

Оба пути сходятся в поле политектоники, где соавторы, задумчиво качая деревянными носами, зарыли по таланту.

Нет нужды особо оговаривать, что лингвосемантика есть не цель, а средство. Целью и искомым результатом является расширение образных возможностей, усиление экспрессивного воздействия и повышение эстетической ценности текста путем обогащения его семантической составляющей.

Традиционно словарь - это данность, вручаемая музой поэту вместе с грамматикой родного ему языка и обсуждению, а также волюнтаристскому изменению не подлежащая. Но оказывается, что проникать в процессе создания текста на уровень компонентов слова не запрещено, а следовательно, разрешено, и порой это может дать новые интересные возможности.

Не претендуя на полноту классификации, можно выделить три основных типа лингвопластических словообразований:

- 1) бескорневые слова;
- 2) однокоренные слова;
- 3) "пластилиновые", или поликорневые, слова.

У первого типа возможности ограничены, но и такое безголовое существо может дать свой шерсти клок. Например, используя в качестве подлежащих только суффиксы и окончания прилагательных и причастий, можно получить некие неидентифицируемые объекты, обладающие тем не менее двойной (как минимум!) семантикой. А именно: непосредственным звучанием (и связанными с ним ассоциациями) и семантикой подразумеваемых слов, в которых они преимущественно используются:

Все аеые и яеые
всем аючим и яючим:
"Что вы щиплетесь! Что вы колетесь!
Как вам не ай и яй!"
Все ающие и яющие
всем аеым и яеым:
"А вы двигайтесь, двигайтесь!
Ишь, лентяи-яй!"
Все ущиея и ющиея
всем ащимся и ящимся
"Что вы акаете? Что вы якаете?
как москвичи?"
Все ащиея и ящиея
всем ущимся и ющимся:
"А вы не мычите, не брюзжите
и отстаньте-янте!"
Все ательные-ятельные
всем ованным-еванным:
"Почто ругаетесь матерно
в общественных местах?"
А каждый ованный-еванный
каждого ательного-ятельного
к маме евонной
лично и недвусмысленно!
Блаженны инные и янные, ибо их есть
царствие небесное.
Блаженные авливаемые-ываемые, ибо
их есть
не пора еще.
Блаженные ующие-ающие, ибо их есть
нихт вас нах послать уд вас нах поитьть.
Дважды блаженны айшие и ейшие,
ибо их есть
у нас, а нас есть у них!

(А. Левин)

Используя аббревиатуры в ненормативном значении или ставя их в ненормативные отношения, можно получить интересные плавающие значения этих аббревиатур, иногда совпадающие или близкие к нормативным, иногда, будучи навязаны контекстом, резко отличные от них:

Инфин приехал к Цска
занять деньжонок,
а тот уехал в ЦПК
ловить воронок.
Тогда Минфин пошел к Рк,
а тот на службе!
Минфин подался к Кгб,
а тот вдруг помер.
Нарочно выкинул такой
позорный номер.

Вот так порой с приятелями пьешь,
а нужен миллиард, так хрен у них
займешь!

(А. Левин. Авансы и долги.
Из цикла "Острые басни")

Могут использоваться также междометия, звукоподражания, служебные знаки и символы и прочие субпродукты речи в ненормативных значениях.

Второй тип - однокорневые слова. Возможны следующие способы их образования:

Первый - омонимическая подмена слова, когда вместо него злонамеренно подсовывается слово-близнец, вызывая ветвление семантики: "...и каждый прапор с треском знаменит..." (В. Строчков), где с виду - знаменитый аж с треском прапорщик, а приглядишь - знаменит (развевается) прапор (флаг); или

... И долго говорили о Высоком,
о нашем дорогом погонном мэтре,
как форменный жилет ему к усам...

(А. Л.)

- здесь высокий разговор оборачивается кликухой мэтра.

Второй способ - подмена ожидаемого в контексте слова другим, созвучным ему, своеобразная метонимия по признаку созвучности. Здесь могут замещаться существительное на существительное, прилагательное на прила-

гательное, существительное на глагол и т.д.

Крупнейший дипломат В.В.Петров пошел по особым поручениям в Буркино-Фасованно и, в частности, сказал...

...И если проследить, - сказал Петров, - то тянутся следы за океан, где готовят иностранные ракеты, на коих только звезды полосаты все время попадаются одне...

(А.Л.)

...И кто приедет на ее Кузьминки...

(В.С.)

Третий способ - использование неологизмов. Образуются новые отглагольные существительные, отсуществительные глаголы или прилагательные и т.п.:

... утюгатыми ногами прожигает пол, рычагатыми руками барабанит в стол!...

(А.Л.)

Это область традиционного словотворчества, начиная с Хлебникова и Северянина. Здесь особо важны осторожность и такт ввиду подозрительной легкости, общедоступности и даже общестности таких штук и неестественности получаемых результатов, если они контекстуально не оправданы.

Четвертый способ - неканоническое преобразование слов или неканоническое использование грамматических категорий:

падежей ("падежов не знаешь"); рода ("вас здесь не стояло!"); числа: Спасибо, товарищ ученый, за то, что ты мне объяснил, как стали Вы крупный советский ученый и как академик ВАСХНИЛ!..

(А.Л.)

переходности глаголов:

... Кругом торчит районный лес, под снегом лысину исчез...

(А.Л.)

переносов ударения и тому подобное - детская, нетрезвая, аграмматическая, спонтанная, запинаясь речь:

...вспусти, хотею павзанить!..
...Мужик я или где!..

(В.С.)

...Он увидел ее на базаре и сказал ей: "Вы будьте моя!"
А она ему дала по харе, улыбаясь сама как змея...

(А.Л.)

По-видимому, могут существовать и другие способы образования однокорневых слов.

Отметим здесь, что омонимическая подмена и замена по созвучности дают возможность ветвления смысла, что не свойственно неологизму и неканоническому преобразованию в чистом виде.

Третий тип словообразований - поликорневые, "пластилиновые" слова, имеющие не менее двух родителей. Речь идет не о том, что такие образования имеют одновременно

два или более корней (может быть и так), а именно о двух или более источниках их образования, дающих расщепление смысла.

Существенными критериями качества здесь являются, с одной стороны, прозрачность, легкость понимания (даже на слух) исходных слов, с другой - неразъемность, прочность образовавшегося соединения, его естественность в данном контексте, а также дополнительный, привнесенный смысл, образовавшийся в результате синтеза. Форма одного из родителей может и преобладать, но должен легко угадываться и другой (или, как ни странно, другие, если родителей вдруг оказывается много). В противном случае утрачивается полисемантическая специфика текста.

Соединяются существительное с существительным, прилагательное с прилагательным, существительное с глаголом, полное или краткое прилагательное с глаголом и т.п., почти не соединяются глаголы (если не нарушать качественных критериев): "...смеящик здоровенный..." (А.Л.); "...вскоробкалась на ящик..." (А.Л.); "...там танцузу дышать нечем..." (В.С.); "...мухаил охрангел..." (А.Л.) и т.д. Есть и переходные случаи, в которых слова могут рассматриваться происходящими от нескольких родительских пар. Так, в одном тексте из цикла "Конструк-

тор N 2 (для продолжающих)" А.Левина - "Он откусил горячий пирожук, / и он упал, жужжа сердитым басом..." - родители слова "пирожук" пирожок и жук, а в другом тексте из того же "Конструктора..." - "...в окно вжужжался пирожук, горячий и хрустящий, как сухарь..." - добавляется новый родитель: "пиро" - горячий. Возможны такие комбинированные типы словообразований, например возникающие на стыке слов, с ненормативным членением слов на части, с ненормативным синтаксисом:

... шумелка-мышь...

(А.Л.)

... А сконсул и военный отошше
двух западных, держав в руках все
ни-ти
поставок снаряжения из Вне...

(А.Л.)

(перенос запятой превращает существительное "держава" в наречие-омоним).

- Деньг не во нас тупил наст ал!
- И в сад ник, ка-ко!..Не?..

(В.С.)

(сочетаются ненормативное членение слов и ненормативный синтаксис с подменой по созвучию).

"Пластилиновым" словам свойственна яркая стилистическая окрашенность, поэтому они плохо приживаются в текстах, стилистически нейтральных. Гротеск, абсурд, пародия, имитация

детской и наивной речи, игровые тексты - вот примерный круг практических приложений, не такой, впрочем, и узкий.

Характерно, что все евристические поползновения оказываются, как правило, тщетными: красивого, годного хоть куда и способного к воспроизводству детеныша вывести так и не удастся; получившийся ограниченно годный мутант - это в лучшем случае мул, физически крепкий, но не способный к продолжению рода, обычно же - короткоживущий, мгновенно появляющийся и так же мгновенно исчезающий, немислимый вне контекста эндемический казус. В конечном счете все определяет эстетический критерий, без положительной оценки которого слова отторгаются даже собственной стиховой тканью, выглядят убудочными плодами игры ума, не чувствующего естественных законов речи.

Полисемантика

Рассмотрев уровень отдельного слова как семантической единицы, перейдем к анализу поведения более крупных семантических единиц, а вернее, семантических групп, состоящих из двух и более слов, то есть высказываний.

Возможны, по-видимо-

му, три основных типа реакций высказывания на вторжение лингвопластических элементов.

Первый тип: высказывание замечает лишь одно из имеющихся значений слова. При этом остальные образуют неявные семантические добавки, прививки, создавая эффект скрытого встроенного эпитета, метафоры или иного экспрессивного элемента.

В уже упомянутом "Конструкторе" А.Левина, например, - трудящиеся... "...каковые, /прудящиеся прудом сям и там./ стояли и внимательно глядели /по сторонам..." - тем самым демонстрируя "вминающие" свойства взгляда, а в другом тексте того же "Конструктора": "...В окно вжужжался пирожок. - Упал. А я вминательно сiju, - и не упал. Я мирозданью царь..." - "вминательное" сидение у окна.

Второй тип реакции: высказывание замечает все имеющиеся значения слова, порождая ветвящиеся смысловые ряды. Этот тип распадается на три подтипа.

1) Если высказывание замечает сначала одно, а затем другое (или другие) значения, происходит слом, стык, ответвление, изменение вектора движения смысла:

...А вечером, когда уже в халат запахнут по-домашнему подмышки...

(В.С.)

...Басовая его виолончелюсть
размерно ходит - раз, и два, и три,
пока не перетрется, прожует
нектар, овес...

(А.Л.)

2) Если все высказывание соотносится сразу со всеми значениями слова, образуется многослойная семантическая структура:

...Вчера мы пили кофе с бутербардом...

(А.Л.)

... О лобной доле поет ланцет,
вослед затягивает кетгут...

(В.С.)

- с одной стороны, на лобном месте поет палач-ланцет, а кетгут-подручный затягивает следом, а с другой - более очевидные процедуры операции лоботомии. А лобная доля - это еще и участь жертвы палача.

3) И наконец, возможен случай, когда высказывание сперва замечает отдельные значения слова, а затем объединяет их:

Ражей сволночью безлунной
лезет в дверь ко мне...

(А.Л.)

- сначала появляется ражая сволочь, потом безлунная полночь, а уж затем лезущая в дверь со всей компанией сволночь.

Третий тип реакции: высказывание вовсе не замечает значений слова, так как для него существенно не имя объекта, которое

становится парафразой, подобием говорящего имени в комедиях классицизма, а сам объект:

И сел он в долгое колбасилище,
и полетел над выпуклым и впуклым,
и грохотал, как нижняя половина
человека...

(А.Л.)

... пришел Прождемте Гражданин,
и был составлен произвол...

(В.С.)

Все три типа реакции высказывания на значения слова хорошо выявляются в текстах типа упомянутого "Конструктора", где одни и те же слова или словосочетания, как кубики, последовательно помещаются в разные контексты и соответственно вступают с текстом в разные типы взаимодействий.

Взаимодействуя с лингвопластическими элементами описанными способами, высказывание может приобретать изламывающиеся, расходящиеся, сходящиеся, расслаивающиеся и другие виды структур семантического ветвления.

В заключение анализа закономерностей лингвопластики и полисемантики уместно сделать общее замечание о том, что все классифицированные типы слов, высказываний и их взаимодействий в поэтической практике обычно образуют различные комбинации и сочетания и сравнительно редко встречаются в чистом виде.

Покончив с описанием характера взаимодействия слова и высказывания, перейдем к анализу текста как совокупности высказываний. Так как этот анализ относится к области семантики текста, он затрагивает в основном характер взаимодействия контекстов или смысловых рядов.

Взаимодействуя внутри текста, высказывания могут образовывать структуры различной семантической сложности и с различными свойствами.

Первый - и простейший - случай : текст содержит два или более устойчивых контекста или смысловых ряда, не взаимодействующих (или почти не взаимодействующих) между собой. Структуру такого текста можно образно представить себе в виде жгута совместно скрученных, но не соединяющихся друг с другом нитей. Нити скручены, потому что высказывания, принадлежащие к разным смысловым рядам, чередуются на протяжении текста; нити не соединяются, потому что сами смысловые ряды остаются независимыми. Структуру жгута имеет, например, текст "Кровь и любовь в интерьере городской квартиры" А.Левина:

В лапах подлого Амура
плачет бедная Венера.
Выдвигается мортира

и стреляет под кровать.
В молоке чихает сушка.
Изнывает раскладушка.
У ней чешется подушка,
ее нечем почесать.

На полу, раскинув руки,
спят потасканные брюки.
Под кроватью бьют базуки,
ходит кошка вверх востом.
Таракан усох от скуки.
Нимфа тянется к науке.
Стул мычит четверорукий,
неподоенный притом.

Вот подтянуты резервы,
загреваются маневры,
съев последние консервы,
прет пехота на "фу-фу",
а Сильфида на Амуре,
как комсомолец на заборе,
и несчастная Венера
спит, счастливая, в шкафу.

На буфете спит дриада,
в туалете спит наяда,
рвутся страшные снаряды
под кроватью и столом.
Нимфа тискает Амура:
поднимается культура
у нее и у Амура
и уже стоит колом...

- одновременно не пересекаясь, но появляясь и исчезая по очереди, в этом тексте параллельно существуют три сюжетных линии: на верхнем уровне - эротические, вплоть до эдипических, происхождения Амура; война мышей и лягушек на нижнем уровне; и объемлющая все это жизнь неодушевленных предметов интерьера квартиры.

К этому же случаю относится и схема параллельных текстов, встречающаяся в литературе и представляющая собой мало перспективную попытку раскрутить, распрямить жгут. Читатель вынужден проделывать обратную работу, скручивать жгут, реорганизуя в процессе чтения текст, перестраивая его па-

раллельные части в чередующуюся временную последовательность целиком или кусками в своем сознании. Читать одним глазом один, а другим другой текст - задача почти безнадёжная даже при сильном косоглазии.

Более интересными представляются случаи, когда имеет место взаимодействие контекстов в пространстве читаемого (или времени, или устного) текста. Здесь можно выделить ряд основных типов образующихся структур.

Типичный случай единичного раздвоения смысла - двусмысленность, в частности каламбур. Такое разделение не может быть сколь угодно длящимся, оно вы рождается чаще всего в параллельный текст. Однако можно образовать текст с многократно повторяемой процедурой двоения-слияния, как бы пульсирующую структуру. В частном случае, если один смысловой ряд является основным, но укрывается за другим, выдавая за основной его, - это эзопов язык. Контекстов может быть и более двух. В общем случае образуется семейство структур, напоминающих провод в оплетке, где вокруг основного контекста переплетаются остальные:

Гудит трудолюбивый пчеловек,
с цветочка на цветок перелетая,
попахивая поле под овсы,
попысывая всякие стихи...

(А.Л.)

- основной контекст - "трудолюбивый человек", дополнительные - лошадь ("трудолюбивый") и пчела ("пчеловек").

Если контексты равноправны, образуются структуры, подобные косичке:

...Будда
разводящий руками в тепле
редко
соблюдает ногами посты...

(В.С.)

- разводящий руками и не блюдуший поста Будда и важный, как Будда, разводящий караула, не проверяющий ночью постов.

Смысловые ряды могут вступать между собой в сложные иерархические отношения, изменять их на протяжении текста.

Множественные, плотно и сложно переплетенные смысловые ряды образуют структуры, подобные кружеву или клубку, в зависимости от степени упорядоченности чередований. Примерно на границе двух этих типов обитает, например, такой текст:

Худой пострел из главного калибра
азартно выпал с холостым запалом.
Азартно выполз. У него взыграло.
Попел. Попел, Поел, Попил. Побрился.
Рвануло громом. Запахло дымом.
Бежал ужом. Свернулся теплым шлангом.
И чиркнул спиц. И, заискрившись складно,
бабахнул залпом, улыбаясь дамам,
мизинец с долгим ногтем оттопыря.
Из носового дал по перепонкам.
Острил. Тупел. Потел. Свои коронки
высказывал - всего числом четыре
негодта про чапаева и чукчу.
Частил стаканом броневой влаги.
Дымился дымом. Усыпал в овраге...

(А.Л.)

Заметим, что степень упорядоченности структуры не является мерой ее эстетической ценности; здесь более всего существенно такое свойство текста, как семантическое мерцание текста (термин интуитивно понятный и поэтому неопределяемый). Оно может возникать по различным механизмам. Например, благодаря многократному проломлению, излому смысла, смене контекстов:

Лечу стрелой насквозь большую жизнь,
чей незабвенный образ я веду
за ручку, до которой я дошел
своим умом, когда с него сходил
на землю, где сегодня прохожу
по делу о хищениях по складу
души своей, где был я проведен
кладовщиком, как ясельный младенец...

(В.С.)

В другом случае мерцание возникает за счет образования ветвящейся структуры. Она вызывает семантический дрейф или, напротив, образует устойчивый избыточный смысл, перенасыщающий текст.

.....он весь замок,
но дул из скважины скважняк,
и где-то гдесь плутал звонок,
и в голове возник возняк,
потом замолк, возникнул вэновь,
тампон залямяк, взвонюк возник...
- Туда был члюк, замах, позвонь!
Впусти! Хотю павзанить!..
Тудето было - члик! Сюда
упахло!...

Безусловно, приведенные примеры отнюдь не исчерпывают возможностей возникновения эффекта "мерцания" текста.

Чем плотнее, насыщеннее семантическая струк-

тура текста, тем менее выделены в ней отдельные контексты. В пределе все может начать взаимодействовать со всем. Смысловые ряды утрачивают свою отдельность, образуется сплошное семантическое поле текста. Возникает некий идеальный, предельный по семантической насыщенности текст, мерцающий, переливающийся, клубящийся смысл. По аналогии с электронным облаком, которое в некотором смысле ведет себя подобным же образом, мы назвали такой тип текста "семантическим облаком".

Очевидно, "семантическое облако" представляет собой теоретический предел лингвосемантического метода, как и всякий предел, практически недостижимый.

Заметим, что еще задолго до теоретического предела должны вступить в силу ограничения, обусловленные наличием психофизиологического порога восприятия, выход за который абсурдирует саму постановку задачи. Но, даже сумев (зачем?) создать текст за этим порогом, мы, видимо, натолкнемся на иные, фундаментальные ограничения, на сопротивление материала, нарастающего по мере продвижения к пределу. Однако в некоторых разумных пределах приближение к "семантическому облаку" возможно, и такие попытки были пред-

приняты, в частности, в поэме "Великий Моук", в стихотворении "Медленно, тяжело, гулко прошедшее время..." и некоторых других текстов В.Строчковым.

Однако направление на "семантическое облако" ни в коем случае не является для нас императивом категорическим, напротив, дальнейшая поэтическая практика продолжается и, видимо, будет продолжаться во всех направлениях.

Заключение

В конце хотелось бы высказать несколько соображений общего характера.

Все сказанное о структуре и особенностях лингвосемантического текста относится к текстам с временной, глагольной организацией. Тексты с невременной, чисто пространственной организацией (медитативные, назывные, перечислительные и т.п.), а также тексты смешанного типа являются предметом отдельного исследования.

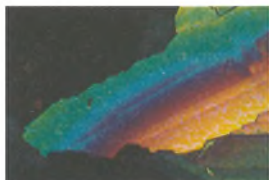
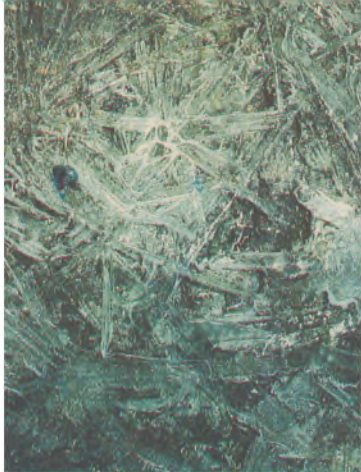
В чистом виде перечис-

ленные в сообщении типы семантических элементов, структур и взаимодействий встречаются редко. В основном практика синтетична, склонна комбинировать их в пределах одного текста (и даже высказывания), реализуя его одновременно на разных семантических уровнях сложности. Заметим, что еще одним важным критерием качества является степень взаимодействия разных семантических уровней как между собой, так и с элементами иных структур, как явных (стиль, звукопись, ритм, рифма), так и сокрытых (сакральные, эзотерические и иные закодированные структуры).

И наконец, при достаточном уровне семантической сложности и насыщенности текст, по ощущению авторов, перестает бытовать как зависимое, вторичное отражение какой-либо части реального мира. Он обращается внутрь себя, превращается в самостоятельную и даже самодостаточную реальность иного мира.

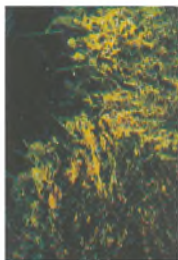
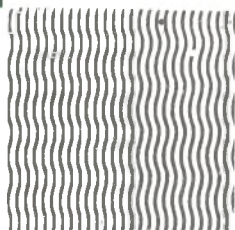
Андрей МАТВЕЕВ
ИСТОРИЯ ЛОРИМУРА,
или Обретение веры
(конспект романа)

88

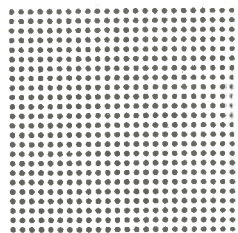
С.Зубарев
Притчи

162

Вячеслав КУРИЦЫН
Факультет
ПРОЛОНГИРОВАННОГО
кота

174

Виталий КАЛЬПИДИ
Из книги стихов "АЛЛЕРГИЯ"

186

Леонид ПОРОХНЯ
ПАМЯТНИК для Тразеи Пета
(Пьеса в 2-х действиях)

201

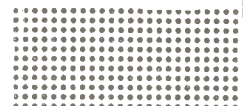
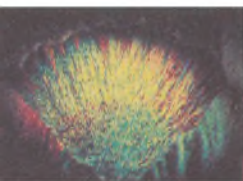
Александр Горнон

197

Джон БАРТ
ВАЖНОЕ ПАРИ
между Эбинизером и Беню Оливером
и ЕГО НЕОБЫЧНЫЙ ИСХОД
(Из романа "Торговец дурманом")

239

Андрей МАТВЕЕВ

ИСТОРИЯ ЛОРИМУРА

или Обретение веры
(конспект романа)

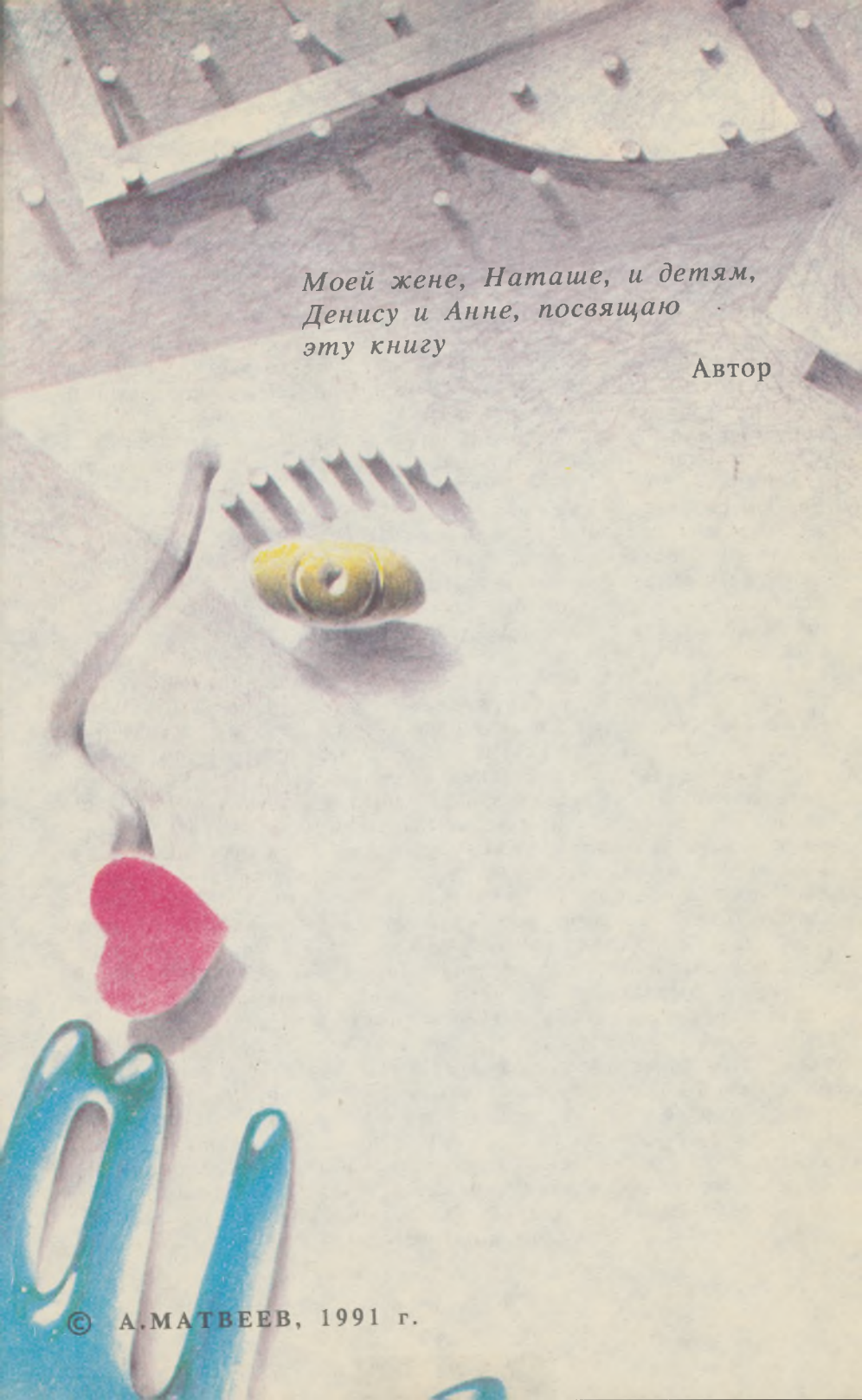
Ничто не производит столько мрака, сколько ум человеческий, рассуждающий обо всем по-земному и не принимающий озарений свыше.

Иоанн Златоуст

Рис. А.Коротича

*Моей жене, Наташе, и детям,
Денису и Анне, посвящаю
эту книгу*

Автор

Давно мне хотелось рассказать историю Лоримура. Но то ли время не располагало к этому, то ли слишком много внешних событий воздействовало на мою суетную душу - кто знает, но что-то мешало мне сделать это, хотя (сознаюсь!) и дня не проходило, чтобы не вспомнил я лучшего друга своей молодости. Можно сказать, что Лоримур стал для меня символом нашего времени - дурного, смятенного, эйфоричного, полного тоски и спячки и непреходящего ожидания собственного конца. Говорят, что сейчас именно то время кончилось, что та эпоха - эпоха, когда мы оба входили в жизнь, делали в ней первые, а потом и последующие шаги, - ушла в прошлое. Может быть, это и так, хотя время - штука непростая и пройти так, будто ничего не было, не может: что-то всегда остается, хотя что-то и уходит... Лоримур ушел, но мы, его современники, остались... Мысли мои сбивчивы, я знаю это, но поделаться с собой ничего не могу - логичность изложения никогда не была моей сильной стороной. А может, все дело в том, что трудно говорить о чем-то необычайно близком, о чем-то таком, что в полном смысле есть важная, если не основная часть тебя самого, - да, мы росли вместе, порою... Но нет, все это лишь слова, какие-то эмблемы, знаки и заставки того, что было на самом деле, комментарий к когда-то (может быть, не так давно) происходящему, а суть, основа в ином, так что мне опять приходится повторить первое предложение этого абзаца.

Давно мне хотелось рассказать историю Лоримура. Несколько лет назад, когда боязнь чернобыльской радиации не пустила нас на крымское побережье и мы оказались в засушливом Приазовье (море желто-зеленого цвета, высокий, глинистый берег без единого деревца, поля со скошенной пшеницей - интенсивно-желтые, жирные, как личинки майских жуков), мне впервые пришла в голову эта история, но тогда она так и осталась в мелком, грязном песке небольшого пляжа, на котором мы с женой проводили часы томительно-жаркого отдыха (термометр в тени достигал +30, а на солнце к полудню становилось просто невмоготу), но почему я вспомнил о нем именно тогда? Причина проста: все окружающее было настолько непохоже на то, к чему привык взгляд, что вызывало ощущения дискомфорта и ностальгии, внутренней настроенности, постоянного ожидания того, чему еще нет названия. Да, именно такая неопределенность и двигала мною в те дни: неопределенность мыслей, чувств и - соответственно - слов, хотя конец всему этому был положен в один вечер, когда все сошлось как бы в одной точке. Это была как раз середина нашего отдыха, ритм которого уже стал привычен и однообразен. После ужина мы с женой пошли на пляж. Солнце заходило, но закат не был экзотически красив, в нем присутствовало что-то беспокойное, море из желто-зеленого становилось зелено-свинцовым, постепенно переходя в один цвет - цвет защитного окраса военных кораблей. Мы сидели близ кромки воды, как вдруг жена заме-

тила что-то в метрах десяти от берега. Я зашел в теплое мелкое море защитного цвета и пошел к чернеющему на воде предмету, а когда подошел, то увидел труп маленького - не больше метра - дельфиненка, серебристо-черного, с рваной, уже переставшей кровоточить раной на голове, длинной и глубокой, видимо, от удара винтом. Мы вынесли его на берег, положили на песок и стали думать, что с ним делать, как похоронить его в этой твердой земле, не имея ни лопаты, ни ножа. Там нам и пришлось его оставить, а утром на берегу не было ничего, кроме кучек гниющих водорослей да хрустящих раковин мидий, так что вопрос "а был ли мальчик?" стал вопросом "а был ли дельфиненок?", маленький, не больше метра с небольшим, серебристо-черный в отсветах заходящего солнца, с рваной, уже переставшей кровоточить раной на голове, длинной и глубокой, видимо, от удара винтом. Именно в это утро я и рассказал жене впервые о Лоримуре, хотя тогда у меня не было никакого желания придавать этот рассказ огласке, как нет, честно говоря, и сейчас, впрочем, истинные желания и то, что двигает тобой, то, что вкладывается в тебя откуда-то свыше, - вещи неоднозначные, как неоднозначен каждый день нашей же жизни, а потому я опять должен вернуться к первому предложению изрядно затянувшегося абзаца.

Давно мне хотелось рассказать историю Лоримура. Минувшей зимой (но ведь так можно практически бесконечно, нанизывая фразу за фразой и абзац за абзацем, каждый из которых начинается с одного и того же предложения. Ведь что было минувшей зимой? Можно долго описывать, как и какими путями я оказался в декабре в Белоруссии, еще бесснежной, как ходил по мерзлой, бурой траве, как потом повалил снег и скрипели под ветром сосны, как... Да, можно было бы описывать все это очень долго, хотя суть описания в одном предложении: перед самым возвращением в Минск, а оттуда домой, я зашел на католическое кладбище в небольшом городке Ракове, когда-то польском, и там, на кладбище, стоит небольшая часовенка, в которой служит приезжающий по субботам ксендз, а на дверях этой часовенки висит чистенькая табличка с каллиграфической надписью заглавными буквами: "ГОВОРИТЕ ТИШЕ, ГОСПОДЬ БОГ БЛИЗКО ЕСТЬ!" Так вот, все описание и делается лишь ради одной этой фразы, я просто опустил всю срединную, событийную связь, оставив только начало - минувшей зимой, когда я оказался в Белоруссии, и саму суть: надпись заглавными буквами на чистенькой табличке, что висит на дверях небольшой часовенки. Но именно в той опущенной, срединной части и возникает вновь пока еще тень, отдаленный силуэт Лоримура и - как что-то неотделимо сопутствующее - основной сюжет часовенки, хотя почему? Я не знаю, но это вновь был знак, данный мне кем-то, знак, разрушивший, перечеркнувший мои истинные желания)...

Остается добавить немного. Тем, кому хочется связного, подробного рассказа, не стоит читать эту книгу. Я не рассказ-

чик, я хранитель памяти, а потому и повествование мое ведется по иным законам. Да и не столь сведущ я во многих подробностях таинственной судьбы моего друга, чтобы брать на себя миссию глашатая за кого-то, ведь о многом сам Лоримур мог рассказать подробнее и точнее, моя же задача просто воспроизвести то, что осталось в памяти.

Да, давно мне хотелось рассказать историю Лоримура, и вот он пришел, этот день!

Происхождение имени

Но начну я не с обычных для апокрифов вещей, то есть не с событий и фактов. Имя Лоримура - вот что волнует меня сейчас больше всего, ведь имя - это тот знак, который шествует перед нами на протяжении всей жизни. Будучи человеком верующим, я глубоко убежден в том, что уже в появлении на свет заложена наша будущая судьба, а когда родившийся маленький человечек получает имя, то судьба эта становится явной и в чем-то предсказуемой. Ведь если ты Августин - то обязательно Блаженный, а если Фома - то Неверующий, если ты Георгий - то Победоносец, а если Андрей - то Первозванный. Если родители назвали тебя Сергеем, то, значит, есть в тебе что-то сближающее с Сергием Радонежским, но как, но почему человек становится Лоримуром?

Естественно, что имя это было не тем, первым, данным при рождении. Как звали его на самом деле, сейчас, наверное, не вспомнит никто, разве что в служебных бумагах зафиксировано это мертвое соединение букв. Но ведь и дома в те времена, когда мы только познакомились, к нему никто не обращался иначе, чем Лоримур, иногда, правда, в ласкательно-укороченном виде: Лорик, Лорчик. Ни мать, ни отец, ни сестра ни разу не назвали его иначе, и в этом уже тогда виделась мне какая-то тайна. Но интересно и то, что имя его не вызывало у нас, друживших с ним, какого-то особого удивления (тайна и удивление - вещи, далеко не всегда имеющие причинно-следственную связь, ведь бывает так, что тайна существует изначально, от нее некуда деться, некуда уйти, она есть, и все, и ты живешь с ней, не стараясь разгадать, да и не задумываешься, впрочем, о том, почему это именно так: неизвестно, и все!), ты - Блаженный Августин, ты - Неверующий Фома, а ты - Лоримур, у каждого свое имя, а от родителей оно или от Бога - в этом ли суть? Но помню, отчетливо помню, что уже при первой нашей встрече (он пришел к нам в самом начале девятого класса, где-то через месяц после первого сентября, совершенно точно, что сентябрь уже кончился и шли затяжные октябрьские дожди, хотя подкрепить это свое воспоминание я ничем не могу), когда мы подошли к нему знакомиться, он, припертый к желтоватой двери класса, негромко, но в то же время как-то очень твердо произнес: "Лоримур!"

Koehn 91

Лоримур. Экзотические лемуры и большеглазые лори. Но это лишь то, что лежит на самой поверхности, начало генезиса, первая ступенька, ведущая в глубь подземелья. Маленькие зверушки с длинными, пушистыми, красивыми хвостами, ловко лазающие по деревьям, воплощенные мягкость и нежность, если, конечно, забыть о торжестве их видового названия с мрачными порождениями адовой тьмы, этими эманациями дьявола, злобными лемурами преисподни; нет, как далеко все это от того, что было на самом деле! Впрочем, надо сказать, что кое-что в его внешности соответствовало имени: невысокий, худощавый, с мягкими русыми волосами, с глазами того неопределенного цвета, что где-то между голубым и зеленым, с красивой линией подбородка - да, внешне Лоримур был недурен собой. Но в то же время было в нем что-то такое, что частенько лишало внешность дешевого обаяния: то ли взгляд, то ли жестко сжатые губы, то ли вообще какая-то неясная аура, исходящая от всего облика. Нет, не лемур, не большеглазый лори (но и не то мистическое существо, что дало название чудным мадагаскарским зверенышам), он отличался от нас, его сокашников, но опять же - чем? Мало сказать, что в нем уже тогда была целеустремленность, было знание чего-то нам еще недоступного, а для него ясного и понятного, как а+б...

Но тут, чтобы повествование стало яснее, надо поставить мету времени: было все это довольно давно, а если же взять за точку отсчета тот самый момент, когда я начал рассказ, то почти двадцать лет назад, то есть на самом рубеже шестидесятых и семидесятых годов. Перед тем как прийти в наш класс, Лоримур с родителями и сестрой жил за границей, в Чехословакии, и девятый должен был кончать там же, в Праге, где отец его занимался какими-то мудренными делами, конец которых положило вторжение наших танков, как писали тогда в газетах, для помощи братскому народу в защите строящегося им социализма. Но именно тогда, именно в то курсивное лето все происходящее в маленькой стране по соседству не интересовало ни меня, ни моих одноклассников. Да если бы и интересовало, то как нам следовало к этому отнестись? И что надо было делать? Переворачивать в знак протеста телефонные будки и жечь машины? Интересно, как бы я повел себя в той же ситуации, в то же время и в том же возрасте, но наделенный сегодня шними знаниями и умениями? Впрочем, пригодись ли эти знания и умения, когда наши танки вошли в другую соседнюю страну, но уже с южной стороны границы? Мы - поколение между вторжениями, с одной стороны - Чехословакия, с другой - Афганистан, только в Чехословакии это продолжалось совсем недолго, а в Афганистане почти десять лет, то есть практически столько же, сколько прошло между этими датами, тире на надгробном памятнике, в котором - рождение, жизнь и смерть, но обо всем этом было невозможно догадаться в тот октябрьский день, когда я впервые увидел Лоримура.

Помнится, что вторжение началось в августе, а Лоримур пришел к нам в класс, как я уже сказал, в октябре. Так что же все-таки произошло с ним за этот месяц, что он увидел и узнал такого, что стал иным по сравнению с нами, хотя, может, все это лишь мои сегодняшние фантазии, попытка найти корни в том месте и времени, где их никогда не было? Сам он ничего не рассказывал нам, не слышал я никаких рассказов об этом моменте его жизни и в их семье, так что надо оставить домыслы, мета времени поставлена, а следовательно:

Да, мы подошли к нему сразу после первого урока, прижали к дверям, ведущим из класса в коридор, и на вопрос, как зовут, он негромко, но твердо ответил: "Лоримур!"

Хотя кто знает сейчас, как все это было на самом деле.

Семья

В первые я оказался у него дома уже в самом конце учебного года. К этому времени мы еще не были так близки, как впоследствии, когда частенько и дневали, и ночевали вместе, но уже возникла между нами столь необходимая в том возрасте дружеская приязнь. И надо прямо сказать: именно я искал дружбы с ним, чему есть, есть определенные причины, главная же из них та, что я был весьма несчастен в тот год.

(Тут идет отступление в скобках. Да, не о себе веду я этот рассказ, но - хочу того, или нет - к истории Лоримура все время приходится - приплетать? добавлять? примешивать? присоединять? слово не может быть абсолютно точным, оно всего лишь тень того, что определяет, и как часто само определяемое намного шире всех мыслимых и существующих синонимов с их чуть отличающимися оттенками, - так что историю Лоримура мне все время приходится сопрягать с историей собственной жизни, но как обойтись без этого? И если продолжить:

Да, я действительно был довольно несчастен в тот год, и тому было множество причин, впрочем, как у каждого из нас, когда ему только минуло пятнадцать лет. Нет особого смысла излагать все те переживания, разжевывать их до мельчайших подробностей, гораздо проще назвать, наметить основной контур. Что же: это мои отношения с собственными родителями и - естественно - первая, давно уже погребенная во мраке прошлого любовь.

Подробнее говорить о родителях я не буду; каждый знает, что это прежде всего непонимание старшими младших, более того - нежелание принять этот юный, еще не сложившийся мир, то есть вещи, довольно обыкновенные и существующие столько же, сколько и сроку всему человечеству. А вот любовь... Да, первая любовь - вещь не менее обыкновенная, но

что же в ней есть такого, что каждый из нас помнит ее всю жизнь? Я ушел от темы, я не веду рассказ, я сам себе задаю вопросы, зная, что они бессмысленны, впрочем, надо отметить, что было все это столь же нелепо, как и у всех моих сверстников, и мук приносило не меньше, чем им. Но - Боже! - сколько лет потом я втайне делая мысль, что мы еще встретимся и я отомщу за все свои унижения, надругаюсь над ней, заставляю ее плакать! Что же, надо сказать, что мы встретились, я пропускаю следующее предложение, каждый может представить себе, как это случилось, но вот мое состояние в тот год - да, я был довольно несчастен, и порою мне было даже не с кем перемолвиться словом, так что признаюсь - именно я искал дружбы с Лоримуром, и наступил день, когда он пригласил меня к себе.)

Отчетливо помнится одно: это был май. Если считать, что жизнь каждого человека полна разнообразнейших, непонятных посторонним, но ему самому ясных мет и эмблем, то май для меня - эмблема возрождения, поэтому сейчас мне так нравится, когда Пасха приходится именно на начало мая, а не на апрель, ибо апрель - это еще холодные ветра, еще не до конца растаявший снег, еще тоскливая дурь в душе, а май... Впрочем, чувства эти, по всей видимости, достаточно хрестоматийны, да и не претендую я на какую-то особую новизну, но для меня подобная майская эмблематичность жива и важна до сих пор, хотя сколько всего я уже перестал чувствовать и сколько умудрился забыть? Но надо продолжать повествование, а значит -

Отчетливо помнится одно: это был май. Сирень еще не цвела, да и черемуха с яблонями тоже, но листья на деревьях уже распустились, и показалась из земли трава, и зашмыгали жучки, муравьи, бабочки и прочая первая нечисть (так и хочется взять кисточку и краски и нарисовать все это размашистыми детскими линиями на этой самой странице), и, встретившись в тот день с Лоримуром у дверей школы, мы пошли в обратную сторону, а потом он вдруг предложил:

-Давай зайдем ко мне!

-А родители?

-Их нет, дома одна сестра...

И мы пошли к нему. Он жил в новом девятиэтажном доме, то ли на седьмом, то ли на восьмом этаже. Лифт был тесным и поднимался медленно, мы дурили, что-то орали, толкаясь в тесной и медленно поднимающейся кабине, а потом - да, если расчленять все наши поступки и движения, то вначале мы вышли из лифта, подошли к квартире, потом он поднял руку и нажал на маленькую кнопку звонка, хотя мысль проходит все это расстояние гораздо быстрее и получается просто: а потом он позвонил в дверь.

Нам открыла его сестра. В отличие от Лоримура она была черненькой, но с такими же непонятными, между голубым и зеленым, глазами, невысокой, стройной, ну что можно сказать

еще о почти сверстнице? Разве то, какой она станет через несколько лет, но об этом еще предстоит вести речь, а пока мы входим в квартиру и проходим на кухню, где сестра кормит нас бутербродами, потом поит чаем, а я смотрю на нее и на брата, и что-то тоскливо сжимает мне сердце: да, видимо, я был действительно очень несчастным в тот год, хотя сколько можно повторять эту фразу?

Сестра его училась в специальной музыкальной школе. Но она была не романтической скрипачкой, виолончелисткой, альтисткой или, на худой конец, пианисткой. Профессию себе по музыкальным меркам она выбрала довольно обыкновенную - она готовилась стать дирижером-хоровиком, что, надо сказать, и сделала, закончив со временем консерваторию. Но все это не мешало ей в тот день разделить наши мальчишеские забавы, мы втроем маялись дурью и делали это с огромным наслаждением. Обычные развлечения самых обыкновенных школьников, трудно даже понять, что так влекло меня к Лоримуру, трудно объяснить, что так тянуло меня потом в этот дом. Может, действительно внутреннее ощущение того, что именно этот человек и именно это место столь многое объяснят мне в жизни - и в моей, и в той, что вокруг? Непостижимость происхождения его имени, непостижимая обыкновенность того давнего, первого совместно проведенного вне школы дня, а вместе с тем какая-то странная таинственность, наполненная особым, не разъясненным смыслом? Впрочем, может, все дело в том, что и от него самого, и от его дома исходили токи определенной уверенности и знаний, хотя тогда мы с ним не вели серьезных разговоров, а родители его относились ко мне просто как к очередному приятелю. (До сих пор я пытаюсь ответить себе на эти вопросы, до сих пор спрашиваю Господа, случайным ли было наше знакомство, хотя знаю ведь, что случайность и человеческая жизнь - вещи несовместимые, все предопределено, каждый предыдущий шаг диктует последующий, а ведь есть еще невидимая, вековая цепь генных связей, и чем дольше живет род человеческий, тем запутанней и сложнее становится паутина. Что же касается его родителей...)

Они пришли под вечер, почти одновременно. Мы опять пошли на кухню, и я сел с ними ужинать. Что сказать о них? Милые интеллигентные люди, мать - ученый-филолог, а отец - да, отец занимался какими-то неясными делами, порою выезжал работать за границу, хотя после Чехословакии семью с собою не брал, очень часто бывал в командировках в Москве: в общем, сказать мне о них практически нечего, сейчас, когда их обоих уже нет в живых, я порою не могу вспомнить, как они выглядели, ведь главным в них для меня всегда было то, что они - родители Лоримура и его сестры, именно в такой последовательности: 1) Лоримура, 2) его сестры. Но надо добавить еще одно - именно в тот вечер, когда мы впятером сидели у них на кухне и ужинали, а потом долго пили чай, отец его и предложил мне провести часть нашего последнего с Лоримуром школьного лета вместе с ними. Конечно, я согласился, конечно, у меня дома были не против.

Есть множество способов вести повествование в этой главке, точнее же говоря - ключей, регистров. Можно выбрать жестко повествовательный, а можно - элегический, можно романтический, а можно - экспрессивный, можно фантасмагорический, а можно и натуралистический, но в любом случае это будет лишь подобием того, что я пытаюсь вспомнить!

Да, вспомнить, хотя это и не требует от меня особых усилий. Местечко, где у родителей Лоримура была небольшая дачка, находилось километрах в сорока от города. Мы выехали туда в самом начале июля, довольно жаркого в тот год, впрочем, как и все то лето, как оказалось, действительно последнее именно по тому ощущению терпкого соснового зноя, которое и определяет настоящее уральское лето, вот только уже следующее было дождливым, через год - еще хуже, и лишь недавно те ощущения вернулись, повторились они и в этом году, когда мне все еще не требуется особых усилий, чтобы вспомнить, как душным июльским утром (еще совсем рано, что-то около восьми часов, но воздух неподвижен и тяжел, и уже трудно дышать) мы выехали с автовокзала (старое двухэтажное здание, тесный перрон, множество размягченного, летнего народа) на старом, разболтанном "ЛАЗе" (пахнет пылью, бензином и еще чем-то резким и неприятным), как долго ехали по одному из старых трактов (отчего именно это название - "тракт" - до сих пор носит у нас большинство дорог? не шоссе, не собственно дорога, а именно "тракт", как память того давнего, Сибирского, который был истинным трактом и по которому гнали народ в Сибирь, в каторгу, ведь еще не было железных дорог и "столыпинских" вагонов, интересно, что стало бы с этим трактом, если бы Иосиф Кровавый гнал людей в свои лагеря только пехом?), а потом шли пешком - правда, не долго, минут пятнадцать, тихим сосновым перелеском, за которым и была деревенька, в которой отец Лоримура еще в конце шестидесятых годов завел себе дом, хотя тогда это было совсем не просто.

Как мы проводили время в этом старом деревенском доме? Думается, особой необходимости описывать в подробностях все прелести нашего дачного житья нет, ведь почти каждый хоть раз в жизни да жил на даче, так что утренние рыбалки и вечерние купания, гулянья по лугам и сбор ягод и грибов в лесу, восторги от бурных июльских гроз - кому не знакомо все это? Мы маялись дурью, мы были почти детьми, и все, что ожидало нас в будущем, казалось нам столь же безоблачным (как точны бывают самые стертые и распространенные определения), как это лето. Физически Лоримур был намного выносливее меня, да и вообще получилось так, что именно он был начинателем во всех наших играх и забавах, а его сестра (да,

ведь я до сих пор не сказал, как ее звали, - что же, у нее имя было самым обыкновенным, никакой таинственности, так что не будет ничего странного, если я приведу здесь целый ряд женских имен, например Лена, Наташа, Вера, Татьяна, но остановлюсь я на имени Вера, да, да, Верой звали ее) мило и покорно содействовала нам, оставаясь тихой и незаметной, как и положено будущему дирижеру-хоровику без претензий.

Один раз мы ушли в поход на три дня, ушли на какое-то дальнее озеро, в котором, по слухам, клевала особенно большая рыба. Со сбитыми ногами и искусанные комарами до мяса, мы приползли на берег уже к вечеру, поставили палатку и пошли купаться. Надо ли говорить, что именно в тот вечер, когда Лоримур куда-то исчез на полчаса, мы с Верой впервые поцеловались - два романтических подростка, в которых уже проснулось то, что выпренно именуют "зовом тела". Конечно, это было неумело, конечно, я просто обязан сказать, что ощутил ее упругое девичье тело и полные, тяжелые груди под майкой, которую она надела в тот вечер: что же, мы вели себя точно так же, как любая разнополая пара подростков, оставшаяся вдвоем поздним июльским вечером на берегу пустынно-го озера возле дымящего и искрящего костра...

(Настоящий роман начался между нами позже, через два года, иным, менее безмятежным летом. Но не буду опережать события, хронологическая последовательность - вот что главное в моем рассказе, событие за событием, факт за фактом, пусть даже множество из них я попросту опускаю, как не очень важные, оставляя лишь основные вехи, главные эмблемы, непосредственные меты и знаки времени!)

В ту ночь мы легли спать поздно, уже под утро, а до этого долго сидели у костра и говорили невесть о чем. Вообще, вспоминая того Лоримура, надо сказать, что красноречием он не блистал. Скорее всего, как раз постоянное самоуглубление было тогда основным его качеством, но от этого нам, его близким, не становилось хуже. Как я уже говорил, от него исходила определенная внутренняя сила, что-то такое, что заставляло людей, бывших около него, попадать в орбиту его притяжения. Так и в этот вечер: Лоримур, возникший после своего получасового отсутствия, во время которого мы с Верой впервые поцеловались, сел возле костра, мы устроились рядом и так просидели почти до утра. Говорили в основном мы с Верой, говорили почти обо всем, но ночь, но костер, но все еще остававшееся возбуждение в теле и душе переводили разговор наш на какие-то ирреальные, мистические круги, тем более что звезды в ту ночь были, пожалуй, видны особенно ярко. В такие ночи в зрелые годы тебя занимают мысли довольно мрачные, слишком понимаешь уже всю ничтожность и суетность человеческой жизни, то что называют ее бренностью, антитеза жизни и смерти, суровые прокламации Екклесиаста, желание полнее и точнее постичь слова Учителя - вот что сейчас владеет мною в такие ночи. Но тогда...О, при чем

тут смерть! Все мы бессмертны, и эти звезды - пусть мы знаем, что они так далеки, что ни один человек никогда не поймет, что же они есть на самом деле, но ведь все это лишь умозрительно, понимание, и не больше, а на самом деле мы равны в протяженности и значимости наших жизней, мы, трое, сидящие на этом ночном берегу возле дымящего и искрящего костра, и они - множество, великое множество, заполонившее собою все небо!

А утром, когда мы с Верой проснулись, то Лоримура уже не было в палатке, он давно был на берегу и ловил ту самую, особенно крупную рыбу.

Целый день мы провели там, день и еще одну ночь (поцелуев в тот вечер уже не было), утром отправились обратно, к вечеру добрались до деревушки, и вновь потянулись милые, мягкие, спокойные июльские дни и ночи, ленивые и безмятежные, как и должно быть последним школьным летом.

Нет, все это не означает, что я впадаю в ностальгию при одном упоминании того времени. Спроси меня сейчас, хотел бы я со своим сегодняшним жизненным опытом и своими сегодняшними воззрениями вновь пережить тот период жизни, включая даже то самое лето, я отвечу предельно кратко: нет! Слишком тяжело достается любому человеку юность, слишком сильно бурлит у него кровь, и слишком слабы и незрелы его мысли в сравнении с натиском окружающего мира. Нет, пережить все то заново - значит, обречь себя на те же самые странствия в поисках двери, за которой свобода, которые однажды уже проделаны мною, а второго такого маршрута просто не вынести. Знак был дан, а свет - увиден, хотя все это, может, лишь иллюзия, но недаром ведь говорят, что иллюзии сладки.

Но вот то, что мы были счастливы, - да, это несомненно! Ведь большой мир еще не запустил в нас свои шупальца, все эти политика, экономика, идеология и прочая, прочая, прочая, то есть та скучная, но большая и значимая часть реальности, что заполняет жизнь взрослого человека, была от нас далека. Даже искусство не особо волновало нас тогда, хотя растительной и сонной нашу жизнь назвать я не могу. Мы просто жили, воспринимая все естественно, как и положено первородным людям, еще не вкусившим греховного плода от древа познания. Но, говоря метафорически, уже собирались где-то тучи, и падало, падало атмосферное давление. Возвращался же в город я один, оставив Лоримура, Веру и их родителей, полный энергии и света и еще не знающий, что как раз через год, в то самое время, когда я буду сдавать экзамены в университет (греховный плод к тому времени будет надкушен, но окончательного падения еще не произойдет), Лоримур исчезнет из дома и из города, и увидимся мы с ним только почти через девять лет.

Название главки означает именно то, что оно означает. Просто пауза в хронологическом течении моего апокрифа. Ведь есть ли смысл столь же подробно, как и все предыдущее, излагать события нашего последнего школьного года? Можно, конечно, бегло, скороговоркой, но стоит ли? Хотя об одном все же надо рассказать, пусть даже касается это скорее меня, чем Лоримура.

Очередной сентябрь начался с того, что родители мои развелись и оба покинули город. В то время они были людьми еще достаточно молодыми и новый период жизни, судя по всему, решили начать с повышения собственной профессиональной квалификации, как отец, так и мать. С тех пор оба они живут в Ленинграде, неплохо устроившись, кончив аспирантуру, найдя неплохую работу и - естественно - создав новые семьи. Мать несколько раз предлагала мне переехать к ней, но я так и остался в Свердловске, впрочем, скороговорку пора убыстрить, ибо мои семейные дела отнюдь не суть данного повествования, а лишь стартовый заступ, толчок к пониманию того, что происходило со мной в тот год.

В городе я остался, естественно, не один, в нем жили мои дедушка и бабушка (опять требуется убыстрение скороговорки, а то получается чуть ли не анкета: был, не был, был, не был, состоял, не состоял, имею, не имею), я переехал к ним, в небольшую старую квартиру в самом центре, но школу сменить отказался и так ездил каждый день минут двадцать на трамвае, сквозь листопад и осеннюю хмарь, минуя морозную, снежную зиму, черз мартовские ненастья и апрельскую оттепель, но опять же - все это не что иное, как удаление от сути.

Отсутствие рядом родителей, появившееся от этого ощущение еще большей жизненной неприкаянности намного теснее свели меня с Лоримуром. Частенько я оставался ночевать у них дома, прямо на полу, в небольшой угловой комнате, принадлежащей моему другу. У его родителей была неплохая библиотека, и я, к собственному удивлению, начал много читать. Может, я действительно отношусь к людям с поздним развитием, но до десятого класса книги для меня не были тем, чем стали потом. По крайней мере, рок-музыку, второго моего главного воспитателя в те годы, я стал слушать намного раньше, но как раз в эту зиму я, что называется, дорвался до чтения и читал с пылкостью неопита, читал все, что попадало под руку - философские трактаты, беллетристику, эссе, мемуары. Тут следовало бы, как это принято во всех историях становления юношеского сознания, дать подробный список тех книг, что оказали на меня влияние, но именно этого я делать не буду, ибо что-что, а законы повествования надо нарушать. И скажу еще одно - прочитанное мною я ни с кем не обсуждал, ни с товарищами по классу, ни со своими стариками, ни с Верой и ее родителями, ни - тем более - с Лоримуром.

К тому времени отношения наши стали отличаться определенными странностями: мы редко разлучались, а если это происходило, то разлука воспринималась как что-то очень тягостное и неприятное, но совместное наше общение происходило довольно необычно - нам хватало того, что мы просто были рядом, каждый занимался своими делами, а возникавшие разговоры касались, как правило, бытовых тем. Больше я разговаривал с Верой, с ней я действительно мог говорить практически обо всем, и причиной этому был вовсе не тот летний мимолетный, неумелый поцелуй. Просто Лоримур уже тогда стал для меня кем-то вне привычного жизненного ряда (до сих пор не могу объяснить этого своего чувства, но ведь оно было тогда, есть и сейчас). Мне хватало того, что он рядом, так стоило ли обсуждать с ним те книги, что я читал?

Но пауза есть пауза, и в ней надо молчать, а не говорить. Точно я уверен в одном: кто знает, как бы сложилось все в дальнейшем, если бы не эти долгие зимние вечера, проведенные за той или иной книгой из библиотеки его родителей. Ведь я был полым, я впитывал все (воспользуемся расхожим, но точным штампом), как губка, и к концу года я стал набухать не только от естественно противоборствующих во мне жизненных сил, но и тех, что притекали извне. Прямо скажем, все это не улучшило мой и без того невыносимый тогда характер. Нормальная юношеская непоследовательность, резкость и взрывчатость проявлялись во мне яростными нервными срывами, я мог нагрубить хоть кому, наорать хоть на кого, будь то учителя, дедушка с бабушкой или Вера. Естественно, что Лоримур не входил в эти "хоть кто", как раз именно он был тем единственным человеком, который мог успокоить меня, заставить взять себя в руки. Но опять же - почему все это было, отчего, откуда шла эта взвинченность, то, что взрослые, как правило, называют распушенностью и расхлябанностью, отчего возникло это ощущение, что против меня весь мир, а сил, чтобы продержаться, просто нет - кто сейчас ответит на эти вопросы? Порою мне кажется, что, говоря о той поре, я рассказываю не про себя, а про кого-то, довольно далекого от меня сегодняшнего. И опять же почему лишь Лоримур мог успокоить меня, заставить взять себя в руки? (Иногда еще говорят: "Взять свои нервы в руки". Интересно представить эту метафору реализованной - так и хочется нарисовать твердым карандашом сюрреалистическую картинку под названием "Человек, взявший в руки свои нервы".) Впрочем, ближе к лету, незадолго до выпускных экзаменов, когда домашние просто не смогли больше выносить моих выходов, они уpekли меня на двухнедельное обследование в нервную клинику, говоря же попросту - "психиатричку" (сделал это дед, пользуясь своими давними медицинскими связями, на полный курс требовалось минимум полтора месяца, а разрешить мне не сдавать экзамены - кто мог это сделать?) Надо сказать, что в клинике мне пришлось рисовать и не такие картинки и отвечать на гораздо

более сложные вопросы ("гвоздь, молоток, вобла. Что лишнее?" - спрашивает врач, лениво почесывая левый ус...), чем я задаю себе на этих страницах, а все для того, чтобы эскулапы вынесли вердикт - нормален. Нормален, но с повышенной возбудимостью нервной системы, возможно развитие юношеской шизофрении, хотя в этом возрасте она встречается у каждого второго, побольше загружать физической работой, побольше бывать на свежем воздухе, побольше калорийного питания, а когда решит половые проблемы, то все вообще пройдет! Так сказал врач, и меня выпустили из здания с решетками на окнах; оставался месяц, ровно месяц до начала экзаменов...

Больше всего от меня доставалось Вере, порою я просто доводил ее до слез, она убегала в свою комнату, закрывалась там, отсиживалась час или два, а потом выходила с красными, опухшими, зареванными глазами, и мне становилось стыдно. Да, мне становилось бесконечно стыдно, но через несколько дней что-то опять находило на меня, и я вновь обрушивался в истерику на бедную девочку. Что тот озерный поцелуй - к весне, то есть к тому самому моменту, когда я лег на обследование, она уже ненавидела меня и - если случалось к ней прикоснуться - отпрыгивала, как от ядовитого гада...

Но худо ли, бедно, а год подошел к концу, и экзамены положили конец всему этому безумию. К тому времени я поставил себе четкую цель - поступить в университет, на философский факультет, хотя, чем именно диктовался мой выбор, сказать трудно. Марксистско-ленинская философия меня не интересовала, более того, даже вызывала какую-то брезгливость, а весь остальной философский мир... Да что я мог тогда о нем знать! Но цель была поставлена, и, довольно ровно сдав экзамены, отгуляв выпускной вечер (на протяжении которого у меня начался, развился и закончился целый роман, но даже вспомнить об этом сейчас смешно), я подал документы в приемную комиссию Уральского госуниверситета. Вере оставался еще один год школы, потом консерватория, а Лоримур...

Как бы посмеиваясь над всеми нами, он заявил, что именно он прекрасно обойдется и без высшего образования, по крайней мере, в ближайшие годы. Это просто не входит в его планы и интересы, в чем же они - об этом он, как всегда, умолчал. Надо сказать, что родители его отнеслись к случившемуся спокойно, они вообще довольно спокойно воспринимали стремление сына быть независимым и делать все так, как ему кажется необходимым. Я никогда не слышал, чтобы Лоримур ссорился с отцом или матерью, чтобы они учили его жить, читали ему нотации и ставили себя в пример. Нет, он был как бы на особом положении, что было дозволено Лоримуру, то не было дозволено никому больше, и шло это не от слепой любви, как можно было предположить. Как я понял немного позже, родители его так же чувствовали исходящую от него своеобычность и силу, они прекрасно знали, что он - другой, хотя и им, как и мне, как и Вере, было трудно сказать что-то более опреде-

ленное. Но только не надо думать, что эта его своеобразность проявилась еще в раннем детстве, нет, он не заговорил в год и не начал читать в два, и первым словом его было "баба", а не "Будда", как у того знаменитого то ли непальского, то ли тибетского гуру. Да и сила его, умение воздействовать на людей лишь ощущались, но не проявлялись им самим. Можно сказать, что Лоримур рос самым обычным мальчиком, или - по крайней мере - вел себя так, как должен себя вести самый нормальный мальчик. Я ничего не собираюсь приукрашивать, мой друг не нуждается в этом, ведь то, что приукрашивают, обычно является мифом, Лоримур же им не был, другое дело...

Другое дело в том, что, как бы посмеиваясь над всеми нами (повторение этой мысли просто необходимо), он заявил, что прекрасно обойдется без высшего образования, по крайней мере, в ближайшие годы. А через какое-то время после этого заявления исчез.

Вера (начало)

Я узнал об его исчезновении вечером того дня, когда сдал предпоследний экзамен, помнится, это была история. Бабушка с дедушкой (как обычно с наступлением лета) переехали в сад, правда навещая меня раз в неделю. Я вернулся домой с экзамена, принял душ, поел и решил уже идти к Лоримуру, как в квартиру позвонили. Меня редко кто навещал, так что я удивился, насколько же возросло удивление, когда, открыв дверь, я увидел Веру, можно представить, особенно вспомнив все то, что уже говорено о наших отношениях.

(Бывают вещи, рассказывать о которых необычайно сложно, сейчас и наступает как раз такой момент. Трудно отрешиться от эмоций, трудно спокойно и собранно повествовать о том, что до сих пор продолжает жить в каком-то параллельном измерении, и никакие изысканные приемы письма, никакой, даже самый изощренный синтаксис, не помогут мне в этом. Проще было бы сделать еще одну паузу, но на этот раз настоящую, то есть взять да вложить в рукопись несколько чистых страничек. Но нет, я дал слово рассказать все, что знаю, и должен сдержать его, не только ведь Лоримуру я обещал это, но и тому, кто принял когда-то на себя все грехи нашего мира!)

Вера вошла очень спокойно, уверенно прошла в большую комнату, хотя и была у нас впервые, и села на краешек дивана. Она молчала и даже не смотрела на меня, а прикрыв глаза, как бы смотрела то в пол, то ли вовнутрь себя, то ли вообще неизвестно куда, хотя это уже просто заносит мою мысль по инерции, фраза требует логической завершенности, но вот какой?

- Что случилось? - спросил я наконец.

- Он ушел, - спокойно, как бы говоря о чем-то привычном и известном, сказала она.

- Кто "он"?
- Лоримур.
- Не понял.

- А что тут не понять? Он просто взял да ушел, еще утром, просто тогда никто из нас не понял, что это совсем. Ну да, он взял и ушел насовсем, оставив записку, в которой попросил его не искать, все равно, мол, не найдете...

- Ничего не понимаю!

- А тут никто ничего не понимает, но с ним ведь всегда так - чтобы никто и ничего не понял. Так вот, он взял и ушел, а мы сейчас ломаем головы, что же случилось...

- А родители?

- Я же говорю - мы. Нет, ты, видимо, действительно ничего не понимаешь! - И она, встав с дивана и начав описывать по комнате круги, стала вновь объяснять мне, что Лоримур ушел из дому еще утром, но тогда никто ничего не понял, может, в гости пошел (хотя куда он мог пойти в гости? Ко мне? Ко мне в гости он никогда не ходил, всегда я к нему. К кому-то еще? Что-то я ничего не знал о том, чтобы у Лоримура с кем-то были столь близкие отношения, чтобы он мог с утра уйти в гости. Понимаю, что мысль моя достаточно затемнена, скажем так: ему было слишком интересно с самим собой, чтобы его потянуло куда-то еще, по крайней мере, тогда мне казалось именно так!), может, в конце концов, на работу устраиваться, в общем, мало ли куда способен человек уйти из дома с самого раннего утра, но к вечеру начали беспокоиться, а потом отец пошел за почтой, а в ящике письмо от Лоримура в ненадписанном конверте, прошу, мол, не волноваться, я ушел.

Тут я опять заявил, что ничего не понял, и прежде всего куда и зачем ему надо было уходить, а потом спросил, не было ли в письме приписки мне. Вера сказала, что Лоримур просил передать привет, и я вдруг начал смеяться и смеялся долго, очень долго, а потом, заявив в очередной раз, что абсолютно ничего не понял, пошел на кухню ставить чай. Вера же все продолжала ходить по комнате кругами, так что мне даже пришлось на нее прикрикнуть и позвать с собой на кухню. Мы выпили чаю, а потом я решил сходить к их родителям, но она сказала, что не стоит, и так ничего не ясно.

- Да в милицию-то хоть заявили? - спросил я в сердцах.

- А зачем, ведь с этим-то как раз все ясно, - сказала Вера.

- Как это зачем? Чтобы нашли.

- А зачем искать, если человек просит этого не делать. Зачем делать то, что ему может не понравиться?

- С вами с ума сойдешь, - сказал я и потащил Веру на улицу.

(Гораздо позже, когда мне довелось прочитать дневники Лоримура, я понял, что поведение его домашних было вполне оправданно. Они знали, чего хочет их сын, знали, что главное для него - абсолютная независимость воли, духа и поступков, реализовать же себя в том мире, в котором жил, было для него

нереально. Лоримур слишком хорошо ощущал время, не только то, линейное, которое знает или хотя бы имеет представление о котором каждый из нас, нет, Лоримур знал и понимал время вертикальное, то есть живя в настоящем, он помнил прошлое, даже то, в котором его как личности еще не существовало, и предвидел будущее. Сверхъестественного в этом ничего нет, натуры наиболее тонкие всегда отличались и отличаются этим, но назвать такое рядовым случаем тоже нельзя. А ведь было все это в самом начале семидесятых, и не мне объяснять тем, кто заинтересовался нашей историей, все то, что связано с этой порой и с временами, наступившими через пять-шесть лет. Будь моя воля, то я бы вообще постарался исключить из своего рассказа все, так или иначе связанное с конкретно происходящими событиями, то есть сама фигура повествования, ее событийная часть волнуют меня намного меньше того, что лишь ощущается, что происходило и происходит на, так сказать, подсознательном уровне. Ведь эти внешние слагаемые человеческой жизни, пусть даже во многом и сопутствуют жизни внутренней, а порою и определяют ее, есть не что иное, как мираж. Я глубоко убежден в том, что жизнь наша намного богаче и не сводится, говоря языком заштампованной метафоры, лишь к грязным полосам вчерашних и позавчерашних газет. Возвращаясь же к истории Лоримура, надо повторить, что к тому времени он, скорее всего, уже просто почувствовал нехватку кислорода, случившуюся в его стране, и выбрал для себя наиболее приемлемый вариант - он отказался. Да, да, он просто отказался дышать этим грязным, смрадным воздухом, пить эту плохо очищенную, ядовитую воду, иная вода, иной воздух потянули его к себе. Но могло быть и другое: он захотел понять. Понять то, что происходит с этой водой и этим воздухом, понять и - вполне возможно - попытаться найти средства для их очищения, хотя опять же - нельзя все, происходящее с ним, сводить только к этим довольно внешним причинам. Человеческое призвание вещь необычайно закодированная, мало кто из нас в полной мере может представить, для чего он рожден на этой земле, люди же, подобные Лоримуру, просто редкость, но многословие мое требует второй скобки, ибо что может быть хуже сбивчивого рассказа!)

Это был уже август, и город был в сумерках. Мы с Верой пошли в центр города, медленно и молчаливо. Лето было необыкновенно теплым, и еще не ощущалось приближение осени, хотя в августе у нас такое бывает частенько. Я шел, ошарашенный свалившимся на меня известием, может, именно тогда и началась первая стадия моего обращения? Но не об этом сейчас речь, да, был уже август, и город был в сумерках. Что-то пропало, исчезло, растворилось в них, что-то чрезвычайно важное, что ушло вместе с Лоримуром. Хотя я знал, что это не навсегда, что когда-нибудь... Да что говорить, что толку пытаться передать, вспомнить дословно всю ту немоту, что овладела мною в тот вечер, ведь даже Вере, которая, вдруг

успокоившись, все что-то говорила и говорила, идя рядом, мне было нечего сказать, нечего ответить, порою я смотрел на нее как на какую-то незнакомку (давно исчезнувшее из нашей жизни слово) и удивлялся: что она делает со мной на этой улице?

Я проводил ее до дома и отправился к себе. Мы не договорились о встрече, мы не договаривались вообще ни о чем, мне надо было готовиться к последнему экзамену, а ей - возвращаться домой и о чем-то говорить с родителями. Что же, будем считать, что все было именно так, хотя я прекрасно понимаю всю неточность, приблизительность своего рассказа даже о самых главных событиях этой истории. Но ведь это естественно! Человеческая память - вещь не настолько уникальная, как о ней принято говорить, можно воссоздать то, что было, но именно так, как было, - нет, этого никому и никогда не сделать, все равно хоть что-то, да изменится, какая-то красочка, дуновение ветерка, фаза луны, то есть что-то, неглавное на первый взгляд, но без чего правды уже не будет. И потом: уникальность, неповторимость реальных переживаний в жизни каждого не есть индульгенция на то, что рассказ о них будет столь же неповторим и уникален. Какой бы ни была в действительности та вечерняя прогулка с Верой (это был уже август, и город был в сумерках), мне не удастся передать ее такой же, какой она была в действительности, - все это будет преломляться, искривляться, извращаться в сознании читателя. Так стоит ли пытаться описывать или - более того - конструировать мир заново, ведь можно поступить гораздо проще: все слагаемые известны (город, улицы, время года и время суток, ситуация - юноша с девушкой одни на улице, фабула ситуации - Лоримур), результат же каждый может проставить сам, от себя остается добавить, что -

Да, я проводил ее до дома и отправился к себе, и мы не договаривались в тот вечер о том, чтобы еще встретиться.

Не договаривались, но это случилось само, через несколько дней, когда я сдал последний экзамен и понял, что меня все же зачислят в университет. Я сам позвонил Вере и, заинтересовавшись тем, не было ли чего от Лоримура, услышав в ответ ожидаемое "Нет", радостно изложил свои последние новости и банально предложил сходить в кино. Мы встретились, и на этом наши отношения прервались почти на год.

Вера (продолжение)

Почему так произошло? Да что тут странного, просто когда тебе восемнадцать, то шестнадцатилетняя школьница кажется порою слишком юной, тем более если ты студент, уже успевший (колхоз, уборка картофеля, третьекурсница, взявшая над тобой шефство) потерять невинность и затевшийся в первом году своей новой свободы!

Опустим этот год, пусть каждый домыслит, что хочет. Я должен сказать лишь одно - все происходящее было более чем обыкновенным, и не хватало, ой как не хватало мне Лоримура. Но он уехал из города, это было известно совершенно точно, впрочем, родители его уже успокоились (то ли что-то услышали, то ли получили весточку, в общем, было что-то такое), и наши редкие телефонные переговоры проходили в уравновешенном, достаточно бытовом тоне. Про Веру я знал одно: она уверенно заканчивала свою специальную среднюю школу, и все были спокойны насчет ожидавшей ее консерватории, чего, кстати, никто не мог сказать обо мне и моих занятиях философией. Да, студенческие посиделки с выпивкой и сокурсницей были, конечно, в радость, но вот толстенные тома, переполненные мировой мыслью, - от них хотелось сбежать. Но, будучи по натуре человеком, который не очень-то любит менять свою жизнь, я решил все же набраться терпения и усилий и получить диплом, так что к летней сессии и вечеринки, и сокурсницы как-то отошли на второй план, чего не скажешь о скучных философских текстах.

Но опустим этот год, он того не стоит, ведь на дворе опять август, год прошел со дня исчезновения Лоримура, я бодро отработал летний трудовой семестр (интересно, как объяснить это словосочетание при переводе книги на любой другой язык?) и окопался в стариковском саду, где проводил дни в полнейшем безделье, если не считать таковым сбор нищенского уральского урожая. Как-то, осатанев от жары, я сел на велосипед и поехал на пляж, на небольшое озерко километрах в четырех от нашего участка, где встретил Веру. Не буду говорить о том, что она изменилась, стала очаровательной, повзрослевшей, похорошевшей и тому подобные, достаточно стертые слова. Опущу и ту часть нашей встречи, когда она рассказывала мне о своих делах, о том, что... Да, она поступила в консерваторию, дома все прекрасно, от Лоримура ничего нет, но он жив, это они знают точно - Господи, насколько скучно проговаривать вот такие обычные, естественные, каждому знакомые вещи. Кончилось же все тем, что я позвал ее перекусить у себя на даче, пообещав проводить потом на автобус, она взгромоздилась на раму велосипеда, и мы с трудом покатали в горку...

Что сказать о том, что произошло дальше? Естественно, что Вера не поехала домой, а осталась со мной на даче, и мы стали любовниками - воспользуемся этим уже архаичным оборотом.

(Вера, Вера, я не видел тебя столько лет, а ведь ты столько значила в моей жизни! И не просто как сестра самого близкого мне человека, нет, я люблю тебя, твое тело давало мне столько наслаждения - но будем скромны, не будем говорить о плоти хотя бы в этом абзаце. Ты мой величайший грех, твоя судьба на моей совести, ведь ты не просто невинность доверила мне, ты отдала мне свою величайшую тайну, и я грешен в том, что заговорил сейчас о ней. Если бы тогда мы не встретились на

пляже, если бы ты не была сестрой Лоримура, если бы мои руки так не чувствовали тебя, когда ты ехала со мной на одном велосипеде - тяжело, очень тяжело было катить его в гору, - а потом: да, по какому наитию ты решилась остаться, зачем пошел этот поздний дождь, зачем загнал нас под крышу? И кто дал тебе смелости, Вера, не оттолкнуть меня, когда я обнял тебя и начал целовать? Все одно к одному - пляж, велосипед, двое в позднем августовском саду, начался дождь, погасло электричество, всегда ли причина рождает следствие, всегда ли мы свободны в своих поступках или свобода наша не что иное, как самообман? Давно уже продан тот сад, Вера, давно я не впадал в подобную интонацию, но ведь это простиительно, ведь все это действительно было: и пляж, и велосипед, и двое в позднем августовском саду... Совсем недавно я вернулся туда, сел в автобус, доехал до конечной, дошел пешком. Я стоял на взгорье, смотрел вниз, на множество дач и садов, ветер шумел в соснах, странным образом сохранившийся ястреб кружил прямо надо мной, плавно, в вышине... Встречи не произошло, прошлое уходит безвозвратно, кому из нас бывает хорошо в тех местах, где когда-то мы уже были счастливы? А ведь я был счастлив с тобой, Вера, счастлив так, как может только пацан, юнец, у которого впереди еще вся жизнь и которому если и доводится думать о смерти, то абстрактно, без физического приложения к самому себе. Но хватит, хватит, давно продан тот сад, кровь же стала намного светлей и разжиженней и безвольно струится по венам, артериям и крупным и мелким капиллярным сосудам и сосудикам.)

Конец одного периода, начало другого, конец одного и начало другого абзаца.

Утром, посмотрев на меня ласково испуганными глазами, Вера спросила, не брошу ли я ее, что я мог ответить? Как мог я сказать в тот момент что-то плохое этому очаровательному, еще не окончательно сложившемуся семнадцатилетнему ребенку? Как я уже говорил, в отличие от Лоримура она была темненькой, но глаза того же среднего между голубым и зеленым цвета, невысокая, с худыми, мальчишескими (и это в семнадцать-то лет) плечами, худые ягодицы, крепкие, сильные, чуть коротковатые ноги, большие, полные груди с заметно выделяющимися сосками, большой рот, пухлые, влажные губы, чуть курносый нос - да, пусть меня не обвиняют в том, что я забыл, как выглядела Вера в самом конце августа того давнего лета!

Она была (опять же в отличие от природного белокожия Лоримура, откуда это странное разделение кровей, так и приходит на ум некая семейная тайна, тот самый английский скелет в шкафу) смуглой, лицо не овальное, а как-то резко заостряющееся к подбородку, зубы белые, крупные, но нервные (ощущение будто описываю какой-то экземпляр из животного мира, только что пойманный и еще не занесенный ни в какие реестры), под левой грудью большая коричневая родинка, чего поначалу она очень смущалась (как сладостно

сейчас вспоминать все это, как чувствую я, вспоминая ту Веру, что оживает то, давно исчезнувшее и рассыпается в прах, становится пылью все накопленное за прошедшие годы. Но может, это просто раздвоение личности, и не я, а какой-то другой человек описывает, какого цвета была родинка под Вериной левой грудью и как она смущалась ее в первые недели наших отношений, как впрочем, смущалась и самих этих отношений, пока наконец не вошла во вкус), Вера, Вера, я совершаю преступление, я вызываю к жизни образы минувшего, чем, как не искушениями, назвать все это? Но я не Святой Антоний, и мне трудно бороться с этими ангельскими (для меня) видениями. Буду честным - как бы мне хотелось, чтобы все повторилось вновь, впрочем, за одним маленьким исключением - чтобы мне было не восемнадцать лет, а тридцать пять, как сейчас, а тебе - о, тебе все те же семнадцать. Ведь сколько глупостей тогда можно было не сделать, от скольких непоправимых поступков я бы смог тебя удержать!

На следующее утро, после того, как я лишил тебя невинности, ты спросила меня, не брошу ли я тебя, что ты хотела услышать в ответ? Конечно же нет, сто раз нет, могла ли ты сомневаться в этом?

Когда же ближе к полудню мы собрались в город, то тучи затянули весь горизонт, а с северо-востока, как из гнилого и затхлого угла, потянуло жестким, холодным ветром. Начиналась уральская осень.

Вера (окончание)

Мы поженились через полгода, как только Вере исполнилось восемнадцать лет. Жить переехали к ним, ведь пустовала комната Лоримура, так отчего ее было не занять? Распространяться о нашем браке, который продолжался три года, навряд ли стоит, скажу одно: ребенка Вера так и не родила, так что расстались мы (когда к этому подошло время) спокойно и без особых угрызений совести. К той поре я заканчивал уже последний, пятый, курс, а причиной же нашего развода послужило то, что Вера завела себе любовника (опять этот архаичный оборот), - им стал композитор, что учился вместе с ней в консерватории и был, если мне не изменяет память, чуть помладше. Не скажу, что я был безумно счастлив от всего происходящего, но ожидалось что-то подобное уже давно, ведь сразу после свадьбы мне стало ясно, что решила Вера на это лишь потому, что тогда (тут требуется прочерк, долгий, вот такой _____) она осталась ночевать у меня на даче и не было любви, а была девушка, решившая стать женщиной и выйти замуж. Но если говорить о причинах...

Вчера, вечером, заканчивая очередную страницу "История Лоримура", я пометил себе:рассказать о Вериной тайне. Сей-

час утро, а значит, пришло это время. Все дело в том, что Вера была влюблена в Лоримура. Да, именно в Лоримура, и не как в брата. Слишком извращенно и достаточно патологично? Ну, я бы так не сказал. Опять повторю: они были настолько не схожи и внешне, и по темпераменту, и по внутреннему миру, что у меня - повторю - даже появилось предположение о наличии некоего семейного "скелета в шкафу", хотя то маленькое расследование, что я предпринял (говоря же точнее - попросту допрос, учиненный молодой жене на вторую неделю после свадьбы), окончилось ничем: Вера никогда не слышала хотя бы намека на то, что у них с Лоримуром разные отцы, да и отношение их отца к ним всегда было достаточно ровным - без выделения кого-то из детей. Но даже если они и были кровными братом и сестрой (а сейчас у меня в этом нет сомнений), то что могло помешать Вере влюбиться в Лоримура? Лишь одно сознание того, что они брат и сестра? Для этого Вера была (как оказалось) слишком необыкновенной девушкой, в этом еще ребенку жили мощные страсти, натура интуитивная, во многом иррациональная, она казалась мне иногда человеком, наделенным мистическими, а то и магическими дарованиями. И надо сказать еще то, что Лоримур привлекал ее не столько как мужчина (в тот же вечер, как я узнал все это, я приложил максимум усилий, чтобы докопаться до всей правды, мне казалось, что если она так влюблена в него, то между ними могло что-то быть, хотя бы элементарные половые шалости и забавы, но Вера лишь высмеяла меня и сказала, что если она и была не против, то про Лоримура этого не скажешь, несмотря на то что она, в его бытность дома, постоянно провоцировала брата, показывалась ему на глаза раздетой, забывала закрыть дверь в ванную, приходила целоваться на ночь - в общем, на какие только девичьи ухищрения она не шла, так что полностью отбросить ту мысль, что Лоримур привлекал ее еще и сексуально, просто нельзя), сколько как уникальная в своем роде личность. Тут мне было нечего сказать, тут мы с ней оказались по одну сторону баррикад, ведь если бы я мог, то и я бы полюбил Лоримура не как друга.

Самым безумным для нее был первый год после его ухода. В тот вечер, когда она приехала ко мне с этим известием, ее просто шатало и лишь неизвестно откуда взявшаяся энергия заставила Веру взять себя в руки. Позже она мне призналась, что если бы я проявил хоть какой-то намек на желание в тот вечер, то она позволила бы овладеть собой, ведь Лоримур ушел, исчез, растворился в этом безумном окружающем мире, так стоит ли жить так, как привыкла, все в том же духовном, психологическом и физическом состоянии? Но мне тогда оказалось почему-то не до нее, и она, не совсем забыв обиду, оставила меня в покое на целый год. Почему она не вступила в связь с кем-нибудь еще до меня? На это тоже ответить не так уж сложно: скорее всего, одноклассники ее просто не привлекали, а больше подходящих кандидатур не было. (Я пони-

маю, что размышления мои могут показаться циничными. Но ведь все они не на пустом месте, все они вытекают из довольно неплохого знания Вериного характера и образа мыслей, а также из наших разговоров; я не циничен, я только стараюсь быть точным.)

Что касается того, как я узнал об этом, скажем прямо, немаловажном факте из жизни своей юной жены, то было это очень просто. Одной прекрасной ночью, во время любовных объятий, Вера назвала меня Лоримуром. Не скажу, что меня это как-то задело, но вот что заинтересовало - это да. Я начал расспрашивать свою юную прелестницу и довел до того, что она выложила абсолютно все, хотя, собственно говоря, особо выкладывать было нечего. Но тогда, в первый год нашей совместной жизни, это не оттолкнуло нас друг от друга, скорее наоборот: ведь кто еще так, как я, знал Лоримура, с кем еще она могла столь много и столь подолгу говорить о нем? (Правда, я не психоаналитик, и вполне возможно, что Верой тогда двигали иные мотивы.) Практически каждый вечер, закрывшись в своей (точнее - его, бывшей его) комнате, мы вспоминали нашего брата и друга, самым смешным во всем этом было то, что наши объятия проходили на его кровати, ведь обстановку мы не меняли, все оставили так, как это было при нем.

И еще одно. Все это ничуть не изменило моего отношения к самому Лоримуру. Разве он виноват в том, что его сестра влюбилась в него? Поначалу мне даже казалось, что само его исчезновение как-то связано со всем этим, но потом я понял (опять же как, почему, отчего пришла ко мне эта уверенность?), что Вера здесь ни при чем, пусть даже Лоримур и знал о ее любви, - она сама мне говорила о том, как несколько раз признавалась ему, а один раз даже стояла перед ним на коленях, обещая наложить на себя руки (хотя именно этот факт я подвергаю большому сомнению, мне трудно представить, чтобы шестнадцатилетняя, а - судя по всему - это было раньше, так что еще пятнадцатилетняя девочка стояла на коленях перед собственным братом, говорила ему пылкие слова признания и обещала повеситься - от всего этого слишком разит дешевым мелодраматическим чтивом, мне кажется, что Вера просто додумала это в разговоре со мной для какой-то пущей убедительности). Все равно он не мог относиться к этому серьезно, да - насколько я мог судить о его предназначении - уже тогда это было для него чем-то суетным, действительно не от мира сего (не от его мира, если чуть перестроить фразу). Он всегда (как мне доводилось видеть) относился к Вере именно как к сестре, поэтому и был с нею ласковее и нежнее, чем с окружающими, но - опять же именно поэтому! Повторяю: никакой патологии, все очень искренне и - более того - целомудренно.

Да, все это ничуть не изменило моего отношения к самому Лоримуру. Что же касается Веры - зачем жить с женщиной, которая любит не тебя, а своего брата, а тут еще появился этот

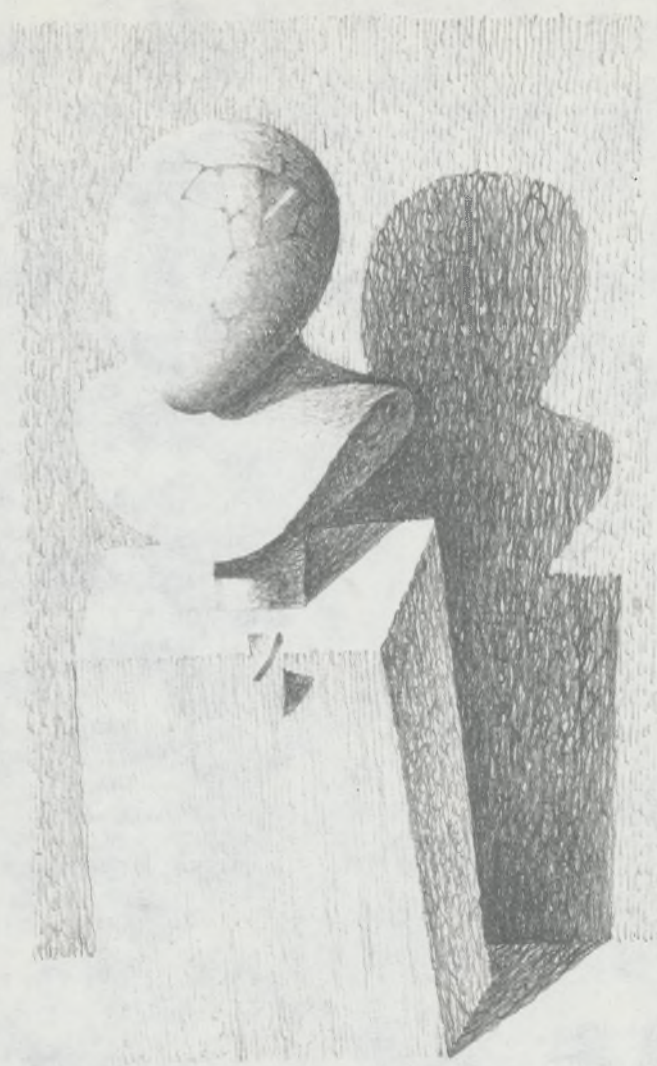
композитор, так что в один прекрасный день, вместо того чтобы вечером поехать домой, я очутился у одной своей хорошей знакомой, а через неделю предложил Вере развестись. Она не плакала и (судя по всему) не очень переживала, ведь она давно уже взяла от меня то, что ей было надо, а то, что мы останемся друзьями, - в этом мы оба не сомневались. Ведь в нашем браке (этого не надо забывать) состояло не двое, а трое, Лоримур, с момента исчезновения которого прошло почти пять лет, все время был рядом с нами, участвовал в наших ссорах и примирениях, в походах в кино и развлечениях молодости, в долгих разговорах и в любовных объятиях. Так что мы остались друзьями, но никогда не забыть мне того, как Лоримур привел меня домой и я увидел его сестру - скромную, милую девочку с короткой стрижкой и надменно прикушенной губой. Интересно, как бы я повел себя тогда, если бы знал все, что ожидает меня в ближайшие пять лет?

Пауза 2

Вновь пришло время выдержать паузу. Какую уж неделю, задавшись целью рассказать историю Лоримура, я ловлю себя на том, что порою повествую об этом не я, а кто-то другой: настолько все, что он говорит, отдалено от меня сегодняшнего - хотя бы все, касающееся Веры. Но что поделать, я задался целью быть точным в своем изложении событий, а значит, надо говорить обо всем просто и искренне, без утайки.

Перечитывая написанные страницы, я подумал, что написаны они несколько "плоско", слишком уж одномерен воспроизведенный на них мир. Что ответить на этот самоупрек? Конечно, фактор времени - вещь немаловажная, да именно он и придает всему нашему бытию ту самую объемность, которая и делает жизнь многомерной. И те годы, что мы с Верой провели вместе, мы жили не на необитаемом острове, а в том же времени и в той же стране, что и миллионы наших соотечественников. Но самое смешное в том, что времени-то этого для нас как бы не существовало, я не хочу быть конъюнктурщиком и давать всему прошедшему столь расхожие ныне газетные и журнальные эпитеты, да и зачем повторять то, что и так ясно всем? Ведь если бы не сама личность Лоримура, то я навряд ли сел бы за этот рассказ, а - как я уже говорил - отношения времени и Лоримура были особыми, не как у всех. Но истина и в том, что эпоха, в которую мы живем, накладывает на нас отпечаток, частенько я пытаюсь представить, что было бы со мной, окажись я не в этих, а в совершенно других условиях, и всегда прихожу к одному и тому же выводу: изначально я был бы просто продуктом этого места и этого времени. Куда, к примеру, уйти мне от тоски, неуверенности и сомнений, что породили во мне семидесятые годы, на которые и пришлась

моя молодость? Да, во многом я был счастлив, да, многое видя и многое понимая, я не воспринимал окружающий мир как средоточие одних лишь бед и несчастий. Я, как и многие другие, просто свыкся, смирился с этим, а смирившись, сделал свой выбор. В жизни любой страны и любого народа возникают такие ситуации, когда борьба просто невозможна, а жизнь в сложившихся условиях бессмысленна. Тогда остается одно - сменить место жительства. Но иногда и это бывает невозможным, и тогда ты совершаешь то, что называют "бегством в тонком теле" (если воспользоваться терминологией жителей Шамбалы) или же "внутренней эмиграцией" (как это называют журналисты, работники правоохранительных органов и идеологи). Все эти проблемы встали передо мною как раз к моменту нашего с Верой развода, хотя говорить об этом не так уж и интересно. Но что поделывать, пять лет занятий философией научили меня хоть как-то разбираться в естественном течении законов человеческого общества, я не буду превращать свои записки в ученый трактат, скажу лишь, что к концу пятого курса я полностью ощущал свою ненужность *собственной* стране, а если быть точнее, то ненужность эта была определена тем, что я не собирался лишаться *собственной* независимости. История из самых обычных: индивидуум и государство приходят в противодействие, а ведь индивидууму защищать себя гораздо труднее. Что же, остается мимикрия, а душа - кто знает, где, в каких странствиях пребывает моя душа? Конечно, сейчас говорить обо всем этом легко, но тогда - тогда мы не говорили, тогда мы просто жили, и порою слишком много сил требовалось для этого. Став "внутренним эмигрантом" (понимая всю заданность этого словосочетания, я беру его в кавычки), я начал искать сферу приложения своих сил. Заниматься профессионально философией - нет, это отпадало сразу, да и какой из меня философ, единственное, на что я способен в этой области, так это на в общем-то квалифицированное изложение чьих-то мыслей, а в то время и те мысли мне излагать не хотелось. Я попытался заняться эстетикой, потом - так называемым научным атеизмом. К тому времени я уже был знаком с Библией (и с Ветхим, и с Новым заветом), но жизни наши не соприкасались. А вот в конце семидесятых, когда наш с Верой развод давно остался позади, впрочем, как и мое обучение на дипломированного философа, книги эти все больше и больше стали входить в мою жизнь. Нет, тогда я еще не был верующим, путь к Богу чрезвычайно сложен и запутан, по крайней мере для тех, кто только вступает на него. Да и нет, на мой взгляд, смысла очень уж подробно останавливаться именно на этой стороне моей жизни, хотя воистину прав был Екклесиаст, когда сказал: "Всему свое время и место каждой вещи под небом..." "Это значит лишь то, что мне все равно не уйти от упомянутой темы, но пока я оставляю ее в стороне и вновь задержу в легком воздухе: да, пауза, долгий пропуск, состоящий из бесконечных тире, вот так - - - - -".

Коротил

По крайней мере, всю ложность самого понятия "научный атеизм" я понял сразу, и мои взаимоотношения с наукой на этом закончились (я не собираюсь утверждать, что то, что я отрицаю, не имеет права на существование. Это было бы просто глупо. Но для меня - другое дело. Человек свободный имеет право на несогласие, на протест, на неприятие, на следование своей точке зрения. Человек же несвободный - да что о нем говорить, знание этого у нас, русских, в крови!), и я переквалифицировался в социологи и начал служить в одной ведомственной лаборатории (на бумаге все это занимает одну фразу, в жизни же - несколько лет. Мы поженились с Верой в самом начале 1972 года, развелись в 1976, Лоримур исчез в 1970, университет я закончил в 1975, поступил на работу социологом в начале - а может, ближе к середине? к концу? сейчас даже трудно припомнить - 1978 года. Какое все же бессилие охватывает меня при одном этом перечислении дат. Ведь сейчас, столько времени спустя, понимаешь, что уже тогда жизнь твоя могла сложиться иначе, но для этого надо было приложить - что, усилие? А может, во множественном числе, вот так: усилия? Скажем по-другому - это некорректная постановка вопроса, одними усилиями здесь ничего не добиться, надо было изменить себя, стать другим...). Мои установки и убеждения не тяготили меня, нет, единственное, чего я опасался, - так это влипнуть в какую-нибудь историю (нелояльность по отношению к собственной стране, хороша формулировочка?!), и боялся не того, что меня выгонят с работы, будут неприятности и т.п., а простой и откровенной несвободы, мне казалось, что этого (ареста, изоляции) я не переживу. Трудно ли сейчас признаваться в этом? Нет, трусость не значит нечто резко отрицательное, по крайней мере, в таком контексте. Мне хотелось жить, и хотелось жить свободным, насколько я мог себе это позволить в тех условиях, и я старался достичь этого любыми путями. Скажу откровенно - мне это удалось. Урок независимости, еще в школе преподанный Лоримуром, оказался слишком запоминающимся, мои же взаимоотношения с Верой сделали из меня в чем-то стойка, а о новом браке я и не помышлял, хотя это не значит, что жил анахоретом, - будучи от природы человеком чувственным, я не мог обойтись без женского общества, и в подругах у меня недостатка не было, кончилось же все затаившейся на два года связью с заведующей (точнее же будет - научной руководительницей) нашей лаборатории, умной и хищной женщиной лет тридцати пяти - сорока, лишенной всех комплексов и наделенной прямо-таки избыточной сексуальностью. Самым трудным в этой ситуации было положить ей конец, к счастью, случилось это само по себе - к моей покровительнице вернулся давно уже бросивший ее муж, но мы - да, это смешно, но мы с ней остались друзьями, по крайней мере на работе. К этому времени поиски свободы завели меня в такие дебри, как алкоголь и наркотики, путь обычный для людей того времени, хотя

говорить сейчас об этом мне не хочется и я ограничиваюсь лишь констатацией факта: мол, было и такое, чего, мол, не бывает в нашей жизни во время наших странствий?!

Можно сказать, что вся вторая половина семидесятых слилась для меня в одно большое расплывчатое пятно. Я был еще достаточно молод, можно сказать, почти юн, но этих качеств давно уже не ощущал. Жизненная пауза, точно такая же, как и эта, под номером два, что затерялась где-то в тексте рукописи, вот так: - - - - -.

Но время, время - что с ним поделаться? Предать анафеме? А какое право мы, слишком беспомощные и ничтожные, имеем на это? Что мы можем судить о расстановке небесных светил, силе лунных приливов и отливов и о помыслах Всевышнего? Когда посылается испытание, то его надо выдержать, ведь главное в жизни каждого из нас - это до конца остаться человеком, хотя, прежде чем остаться, им еще надо стать. Мне до сих пор нравятся слова одного средневекового гуманиста, который говорил приблизительно так: "Человек рождается не ангелом и не дьяволом, и лишь от него, человека, зависит, кем он станет". Как совместить это с тем, что уже от рождения в нас заложено так много из нашего же будущего? Но ведь возможны вариации, прочерки, кривые и синусоиды, возможен поиск, хотя для этого требуется лишь одно - убеждения и свобода!

(Высокопарность плоха, да и слишком в ней много гордыни. Оставим в покое то время. Пора заканчивать паузу: в самом начале 1980 года, в морозный, снежный, спокойный январский день, где-то под вечер, ко мне пришла Вера...)

Лоримур. Обретение темы

Итак, в самом начале 1980 года, в морозный, снежный, спокойный январский день, где-то под вечер, ко мне пришла Вера. Отношения наши к тому времени стали окончательно ровными: мы встречались раз в две недели, вместе ужинали, о чем-то говорили, а потом расходились. Замуж она больше так и не вышла, композитора своего давно бросила, но - естественно - какая-то личная жизнь у нее была.

Надо сказать, что консерваторию Вера давно уже кончила, но дирижером-хоровиком стала только по диплому. Чем она занималась конкретно? Судить об этом мне трудно, знаю только, что где-то она читала какие-то лекции, писала в какие-то издания какие-то специальные статьи, в общем, была человеком, что называется, свободной профессии, и это, надо признать, вполне подходило к ее независимому нраву.

Предыдущая наша встреча была совсем недавно, сразу после Нового года, двух недель еще не прошло, и этот поздний визит меня удивил.

- Что случилось? - спросил я. - Ничего не стряслось?

- Нет, - ответила она и улыбнулась, хотя ничего таинственного и загадочного в ее улыбке не было, а вот то, что она просто соскучилась и решила навестить своего бывшего мужа... Да, да, просто так, вот взять да навестить, неужели это кем-то запрещено?

- Ну а все-таки? - продолжал настаивать я.

- Дай сначала пройти в комнату!

Она прошла в большую комнату, села на диван и стала играть с кошкой.

- Вера, - сказал я, - не томи душу, скажи, что все-таки стряслось?

- Звонил Лоримур, - сказала она спокойно и обыденно, будто действительно ничего не произошло.

Не могу сказать, чтобы это известие потрясло меня. Такое могло произойти лишь в том случае, если бы я действительно ожидал подобного звонка. Но ведь столько лет прошло с момента исчезновения Лоримура, столько лет назад были оставлены мною даже мысли о его возвращении (скажу больше, как раз где-то в это время я не то чтобы начал забывать своего друга, нет, такое было попросту невозможно, а как бы стал считать все бывшее когда-то уже нереальным, не имеющим отношения к сегодняшней жизни, то произошло когда-то давно и с кем-то другим, может, это было на иной планете, может, в какой-то параллельной или альтернативной жизни, а то и в предыдущем рождении), что известие Веры привело меня в растерянность.

- Более того, - продолжила она, - он собирается навестить нас в конце этой недели.

- Откуда он звонил?

- Я не поняла, было очень плохо слышно, да и голос у него стал каким-то не таким! - и тут она отпустила кошку и расплакалась.

Я сел с ней рядом, обнял ее и попытался успокоить. За окном началась метель, спокойствие вечера было порушено, мы сидели вместе при выключенном свете и молчали. Не знаю, как она, но я вдруг почувствовал себя опустошенным, мне стало страшно и зябко, что-то надвигалось на мою жизнь, что-то подкрадывалось со всех четырех углов уютной комнаты, и это что-то несло с собою все, что угодно, но только не спокойствие и уют.

- Хочешь чаю? - спросил я.

- Да, - кивком ответила Вера, и я пошел на кухню.

(Этот вечер будет вспоминаться мне еще очень долго, настолько реально продолжает он существовать для меня во времени. Вот эта кухня, вот газовая плита с одной зажженной конфоркой, на столе клубничное варенье, нарезанный батон, масло, заварочный чайник, чашки - помнится даже, что это был какой-то дешевый китайский сервиз с драконами, - розетки под варенье, пепельница, пачка Вериних сигарет, пачка моих сигарет, - мы курим разные марки, спички, что еще? Да, еще есть мы, и мы сидим рядышком за небольшим кухонным столиком, покрытым клеенкой, за окном началась метель, впер-

ди ждет неизведанное, ведь как иначе еще назовешь возвращение человека, отсутствовавшего столько лет и ни разу за эти годы не подавшего о себе весточки? Мне трудно сказать, что думала в тот вечер о Лоримуре его сестра, я давно не разговаривал с ней о своем друге и не мог судить, что случилось с Вериней любовью к нему. Я смотрел на ее опухшее от слез лицо, и вдруг мне стало жаль ее, да, впервые в жизни мне стало жаль эту непутевую девчонку, выбравшую себе самый, пожалуй, тяжкий крест - любовь к собственному брату.)

- Интересно, - подумал я вслух, - где он мог быть все эти годы.

- Подожди неделю, - как-то очень желчно ответила Вера, - он тебе сам все расскажет.

(Как мне помнится, именно после этих ее слов я и пошел в комнату, вот только зачем? А когда вернулся, то увидел, что Вера опять плачет, только на этот раз как-то уж очень картинно, прижавшись лицом к замерзшему окну. Я обнял ее и стал шептать на ухо всякие успокаивающие глупости, а потом мы пошли в спальню и легли в постель. Ночью, проснувшись от того, что Верина рука очень уж неудобно надавила мне на живот, я чуть не засмеялся, да еще вслух, во весь голос, в один миг осознав всю нелепость происходящей ситуации. И как раз в эту ночь что-то окончательно сложилось, оформилось во мне, что-то такое, что привело меня к тому, что я решился все же рассказать историю Лоримура ... Ведь это просто бесчестно, когда один человек начинает обладать особым, исключительным знанием, тем более если знание это способно повлиять на многих и на многое. Лоримур как раз и был таким человеком, он знал то, о чем почти все мы лишь догадываемся, так почему я, один из немногих по-настоящему близких ему людей, должен умолчать обо всем, что произошло? Я слушал сонное дыхание Веры и понимал, что передо мною открывается совсем иной путь, который, возможно, полностью изменит мою жизнь. Я понимал, что дни мои в социологической лаборатории сочтены, что и квартира эта скоро перестанет быть моей, а та женщина, что рядом, может окончательно уйти из моей жизни. Я понимал все, и мне становилось веселее и веселее - рухнули какие-то преграды и завесы, снизошло радостное безумие. Мне казалось, что в мире наконец-то наступает гармония, а значит, и я - ведь это еще вполне возможно - найду в нем свое место.)

- Лоримур решил вернуться, - шептал я сам себе, стараясь не разбудить Веру, - Лоримур решил вернуться, а значит, жизнь изменится!

Мы все безумны, и безумие это поселяется в нас с самого детства. Но то, что я пережил в ту ночь, как, какими словами описать это? Разум и чувства стали мне неподвластны, кто-то другой руководил всеми потаенными мыслями, желаниями и эмоциями. Да, именно в ту ночь я обрел свою тему, и, вновь засыпая на голой, горячей руке своей бывшей жены, я понимал это особенно отчетливо и остро.

Через неделю, в такой же январский, морозный вечер, мы

сидели на той же кухне и пили чай с Лоримуром.

Лоримур. Обретение (начало)

Было бы лучше всего, если бы всю эту главу я мог попросту опустить. Ведь каждый вполне отчетливо может себе представить себе, как проходят подобные встречи добрых и старых друзей спустя столько лет после разлуки. Да, все было бы очень просто, если бы я сделал это, но как раз этого-то я и не могу. Итак:)

Мы сидим напротив друг друга. Говорить, что Лоримур мало изменился, бессмысленно, он просто стал другим. Жесткое, волевое лицо, короткая стрижка, глаза стали ближе к голубым, но с каким-то металлическим отливом. Так же упрямо прикусывает нижнюю губу, как и его сестра. Он не стал выше, но выглядел шире, мощнее, хотя, с другой стороны, казался худым и жилистым (нет ничего сложнее, чем описывать внешность своих близких, ведь сам-то ты настолько хорошо знаешь ее, что занятие это кажется тебе ничемным - все равно ведь что-нибудь забудешь! Впрочем, если раньше между ним и Верой не было никакого сходства, что и заставило меня когда-то предположить наличие "скелета в шкафу", то сейчас нечто неуловимое стало чувствоваться, какая-то общая аура, что ли...) Не стал он и разговорчивее, просто сидит напротив, пьет чай, слегка улыбается. Чему? "Лоримур, - хочется спросить мне его, - Лоримур, ну давай же рассказывай обо всем!", но что-то сдерживает меня, то ли робость, то ли неверие в то, что все это действительно происходит, да еще боязнь показаться возвышенным и сентиментальным, так что от прямой передачи действительности я перейду к косвенной, сделаю же это так:

Мы засиделись тем вечером глубоко за полночь. Поначалу Лоримур старался больше спрашивать меня - о том, что было, когда он исчез, как все же случилось, что мы с Верой вначале поженились, а потом развелись, навещал ли я его родителей, в общем, чисто функциональный разговор двух давно не видевшихся людей. Самое смешное, что я совершенно послушно отвечал на все его вопросы, будто заполнял какую-то чрезвычайно длинную анкету или же проходил проверку на детекторе лжи, по крайней мере так, как об этом пишут в шпионских романах. И кончился бы разговор на полуслове, а то и хуже - на междометии, но что-то вдруг заставило меня задать Лоримуру вопрос, и звучал он так:

- Лоримур, но зачем ты это все-таки сделал?

Он рассмеялся, а потом посмотрел на меня как-то уж слишком печально.

- Налей еще чаю, пожалуйста, - попросил он.

- Ты знаешь, все эти годы я пытался понять, зачем тебе это было надо, но так и не понял.

- И сейчас не понимаешь?

- И сейчас.

- Что же, постараюсь объяснить, только не жди какого-то экзотического рассказа. Просто...

(Нет, мне очень сложно передать его повествование так, чтобы на бумаге это выглядело не столь обыденно. Ведь в действительности все проще простого: в то время как мы, вчерашние десятиклассники, задумывались о том, как пристроиться в мире, Лоримур был занят другим - он решил найти свое место в нем, определиться в своих взаимоотношениях со всем, что вокруг. И, будучи с детства человеком, лишенным того, что называют ложным стыдом, да еще честолюбием, да еще комплексами, он попросту ушел в этот мир, ушел не с целью как-то изменить, переделать его, - чтобы переделать, надо знать, не только как, но и что ты собираешься изменить. Лоримур хотел узнать, научиться (в разговоре со мной в тот вечер он употребил слово "послушник,"

что же, на мой вкус оно достаточно точно). Причем надо сразу сказать, что он не стал бродягой-бездельником, бичом, бомжем, как не стал и хиппи, хотя с прекрасной порослью детей-цветов проводил достаточно много времени. Нет, его вела выбранная им судьба, - понимаю, что это общие слова, но отчего-то именно такая фраза кажется мне самой точной. Так кем же был Лоримур все эти годы, чем занимался он? Ведь сказать, что он просто изучал мир, - значит ничего не сказать. Да, он был послушником - употребим это слово уже без кавычек, и - как то свойственно послушникам - много и тяжело работал. Работал физически, работал духовно. Любые поиски - это всегда тяжкий труд, тот же, который он взвалил на себя, - да что говорить об этом...)

Конечно, были в его рассказе и экзотические элементы, хотя он и предупреждал меня, чтобы как раз их-то я и не ждал. Но когда он стал говорить о своих странствиях по Памиру и Тянь-Шаню, о том, как он пытался найти дорогу в Шамбалу (обо всем этом он рассказывал необычайно иронично, как бы посмеиваясь над самим собой), то иначе чем экзотикой это не назовешь. Главное же, что поразило меня в его рассказе, так это то, что он старался обойтись без высоких слов и понятий. Жизнь представлялась Лоримуру как что-то очень простое, и простота эта была доступна понятию любого человека, лишь бы он сам захотел этого. Когда я напрямик спросил, считает ли он себя гуру, то он улыбнулся, сказав, что видел настоящих махатм и ему до них далеко. Нет, продолжал Лоримур, все намного проще, суть человеческая не в том, чтобы стать учителем или просто очень желать этого, своими размышлениями ты уже даешь остальным повод поступать так же, если, конечно, они видят, что в чем-то ты ушел дальше их. Но бойся гордыни, как только ты начинаешь думать, что познал все, наступает конец, простота жизни в самом понимании ее непознаваемости, как только ты постигаешь это, тебе становится намного легче, хотя опять же - если ты делаешь все это лишь ради облегчения того пути, по которому тебе доводится идти, то брось этот путь, ибо легкость его кажущаяся.

- Понимаешь, - говорил мне Лоримур, - тут все взаимосвязано, и если конкретно ты не был на Памире или Тянь-Шане

и не пытался сам отыскать дорогу в Шамбалу, то это не значит, что твой опыт меньше моего и ты не можешь понять того, что понял я. Главное - осознать естественность своего пути, а потом стараться просто следовать ему. Ведь именно так наступает гармония, когда человек абсолютно естественно включается во всю систему окружающей действительности, причем учитывая все - и горы, и моря, и реки, и пустыни, и небо, и космос, и змей, и тарантулов, и обезьян, и простейших, и минералы, то есть все, что только возможно. Устанавливается одна общая цепь, да что там устанавливается - она уже есть, она существовала всегда и будет существовать всегда, просто от каждого из нас зависит, найдем ли мы ту точку, в которой возможно подключение к этой цепи.

- Это ты и называешь послушанием?

- Да, именно это, именно поиски этой точки. У меня они заняли почти десять лет.

- Но эта точка...

- Нет, конечно же, это не какая-то конкретная клемма или датчик, точка эта в тебе, она спит до нужного момента, но когда ты начинаешь что-то понимать, то понимаешь и то, что эта точка есть в тебе и что вот она начинает подключаться. А потом все становится гораздо и гораздо сложнее, ведь надо идти дальше, прозреть самому - этого мало... Знаешь, - продолжал Лоримур, - мне кажется, что я объясняю все это очень косноязычно, да я и не умею говорить красиво, не люблю говорить, понимая, насколько неточна любая мысль, облекаемая в слово. Когда это чувствуешь, то знаешь все конкретно и точно, для меня сейчас главное - почувствовать, увидеть, понять, а вот сказать... Тебе я могу сказать только одно: время начинает меняться, земля просыпается от спячки, знаешь, в горах очень хорошо чувствуется, как колеблются земные пласты, как что-то гудит, клокочет там, внизу, на многокилометровой глубине. В такие минуты надо лечь на живот, обхватить голову руками и закрыть глаза. Спустя пять - десять минут ты начинаешь видеть. Ты видишь, как поверхностные породы переходят в базальт, как идут вкрапления редких и драгоценных металлов, видишь, как меняются эпохи, - вот кайнозой, вот палеозой, а вот и кембрий. Конечно, видения эти не отчетливы, какая-то дымка застилает мозг, одноцветная, как правило, розовая или светло-желтая...

- Неужели это возможно?

- Возможно все, - отвечает мне Лоримур.

Лоримур. Обретение (продолжение)

-И ты говоришь...

- Да, я говорю, что время начинает меняться, земля просыпается. Конечно, это не значит, что надо ждать какой-то вселенской или хотя бы планетарной катастрофы, все и проще, и

сложнее. Мне самому было бы намного легче, если бы я просто уверовал во что-то эсхатологическое, но дело в другом. Все чаще мне начинает казаться, что самое тяжелое в жизни человечества уже позади и теперь возможны два варианта. Или затянувшаяся агония после кризиса, или - выздоровление. Первое, честно говоря, легче. Но подумай сам: после всего того, что было в XX веке, надо что-то менять, менять резко и сразу, мы перешли ту точку, на которой могли спокойно балансировать, взять хотя бы природу... Как бы мы ни хотели, мы не вернем того, что утрачено, да и то, что осталось, нам не привести в прежний вид. Осетры не поплывут по рекам, в которых у них больше нет пристанищ, высохшие моря не появятся вновь, мертвая земля не станет живой. Что толку думать о том, что было и как было, мы живем в уникальный момент, в тот момент, когда можно одновременно понять и прошлое, и будущее, ведь будущее действительно запустило в настоящее свои щупальца, они подрагивают, от них идут волны и дают нам знать, что надо что то делать. А надо просто готовиться к той жизни, которая будет, мы должны войти в новый мир с новым сознанием, мы обязаны стать другими, и единственное средство для этого - путь взаимопонимания. Все-го со всем, малого с большим и великого с низким, наша оторванность от мира привела к тому, что мы стали больше ненавидеть, чем любить, войны, лагеря смерти, осквернение природы - все это лишь оттого, что мы больше ненавидим, чем любим, мы переоцениваем себя, нам кажется, что человек всесилен и сверхразумен, а ведь человек, как я уже говорил, лишь такая же веточка на большом дереве жизни, как и камень, как любая другая живая тварь. То, что Бог наделил нас разумом, - это просто испытание нам, кто знает, что было бы с миром, если бы не этот наш дар. Мы как бы призваны испытывать собою жизнь на прочность, мы - та помеха в естественном развитии жизни, которая стимулирует ее развитие, - в этом и есть самый большой парадокс Всевышнего! И сейчас перед нами встала задача понять все это, и не отдельным людям, тебе, мне, еще нескольким, нет, все человечество должно услышать этот скрежет земных пластов и шорох просыпающегося времени, земля начинает бунтовать, нужна новая революция, но не социальная: человек должен изменить самого себя. Он был больным, а должен проснуться здоровым, он был слепым, а должен стать зрячим.

- Я плохо понимаю тебя, Лоримур, - сказал я, - ты говоришь порою взаимоисключающие вещи, да и потом, как же быть с тем, что именно человек единственно разумен?

- Очень просто. Разумность человека не значит его иск-

лючительность и не дает ему права на вседозволенность . Человек - это просто более совершенный в чем-то инструмент, ну, если, к примеру, взять за точку отсчета счеты и приравнять к ним простейшую обезьяну, хотя бы макаку, то шимпанзе будет арифмометром, а может, что и калькулятором, человек же - компьютером. Прости за столь дурацкую аналогию, но ты сам так поставил вопрос. Разумность человека... Знаешь, - продолжал Лоримур, - иногда меня охватывает сомнение, настолько ли он, человек, разумен, как сам привык об этом думать. Возьми простейший пример - нашу страну. На дворе первые дни одна тысяча девятьсот восьмидесятого года, и все прекрасно понимают, что мы просто летим в тар-та-ра-ры. И вместо того, чтобы начать все по-новому, эти пиздюки, засевшие в правительстве, вводят войска в Афганистан. Это, конечно, самая малость, если не считать того, сколько прольется крови и что новое поколение, когда оно пройдет эту войну, окажется выкинутым из жизни. Но малость эта есть, как есть и многое другое, - так разумен ли человек? Иногда мне кажется, что именно над нами ставят вселенский эксперимент на выживание, ведь мы стали нацией без нравственности, нацией, лишенной совести, нацией "кушать подано", правда, само понятие нравственности толкуют по-разному, для меня же самое главное в этом - способность принять любые мысли, любые верования и высказывания, если, конечно, они не покушаются на человеческую жизнь. Для начала надо проснуться и осознать себя в этих жестких рамках просыпающегося времени, иначе конец.

- И как ты думаешь, - спрашиваю я, - будет ли он?

- Нет, я уже говорил, что нет. Ведь это, сегодняшнее время, идет к концу. Может, даже к лучшему, что все сложилось именно так, что мы сумели испоганить и испохабить абсолютно все, к чему бы ни прикоснулись. Но ведь за зимой идет весна, и столько веков назад написан Екклезиастом его труд, а как он точен... - И Лоримур, прикрыв глаза, по памяти процитировал:- " Всему свое место и время каждой вещи под небом. Время рождаться и время умирать, время войне и время миру, время для любви и время для ненависти..." Хотя завтрашний день для нас всего лишь продолжение сегодняшнего, но ведь это ложно уже в самой посылке, ведь нет ни сегодня, ни вчера, ни завтра, одновременно существует то, что было миллионы лет назад, и то, что произойдет через миллионы. Если очень постараться, то можно увидеть, как большие лоснящиеся туши динозавров купаются в асфальтовом болоте, и то, как солнце вспыхнет в последний раз и исчезнет, но этого надо захотеть, надо изменить свое отно-

шение к жизни - вот что, наверное, самое главное!

- А условия?

- Чего? Жизни? А без этого они не изменятся. Ни одна революция не принесла человеку полного счастья, да и что это такое? Состояние людей, еще не изгнанных из рая? А что такое рай? Место, где можно ни о чем не думать и где все дается само собой, этаким большой детский сад? И это то, чего так жаждет человек?

Лоримур говорил уже в пустоту, не глядя на меня. Мне казалось, что он сам задавал себе вопросы и сам же пытался на них отвечать. Речь его была сбивчива, что-то он упускал, что-то, наоборот, выделял, как бы делал особое смысловое ударение. Видимо, этот спор с самим собой он вел довольно давно, может, что и на протяжении всех последних лет. То же, что испытывал я... Мне стало вдруг очень неуютно на своей кухне, стены ее исчезли, и морозный январский ветер ворвался в помещение. Слишком много всего обрушилось на меня в этом затянувшемся монологе, о чем-то я размышлял и сам, что-то мне открылось впервые. Конечно, мне была интересна та цепь размышлений, которая привела Лоримура ко всему им сказанному, но для этого мне надо было бы (скорее всего) прожить все прошедшие годы рядом с ним, пройти вместе с ним по всем тем дорогам, на которых он побывал. Увы, этого не произошло, и вот мы сидим с ним за одним столом, пьем чай, и я мучительно пытаюсь свести концы с концами. "Что-то надо делать, - пульсирует у меня в мозгу, - что-то надо делать, чтобы преодолеть этот хаос..." Время давно ушло за полночь, сквозь окно видно, как холоден и ярк сегодня ночью Орион. Что-то действительно надо делать, Лоримур прав, время начинает меняться, а земля просыпается, но ведь это лишь формулы, неясное выражение довольно абстрактных мыслей, их еще надо перевести в привычные слова и фразы, код должен быть расшифрован. Но в чем же ключ?

- Ключ? - вдруг спрашивает Лоримур. - Я могу сказать тебе, в чем ключ. Он в нас самих. Когда ты стоишь на берегу реки и тебе надо перебраться на другой берег, а моста или брода нет, то надо просто войти в воду и плыть, иначе другого берега не достигнешь. Вот так и с нами самими. Надо просто задуматься о том, что мы собой представляем и какое место отведено нам во Вселенной. Надо перестать думать о себе как о царях природы, как о единственных венценосных существах. Если мы и исключения, то не из правил, а в правилах...- Речь его стала еще более затемненной, я начал побаиваться этой ночи и этих слов, привычное мое состояние сменилось чем-то другим. Нет, осознания или откровения не про-

изошло, но что-то, но как-то... Да, Лоримур не стал другим, просто я наконец-то получил возможность увидеть его таким, каким он был всегда. Мне стало понятно, что заставило Веру полюбить его, забыв обо всех табу: он действительно был человеком и уже одним этим воздействовал на окружающих, он будоражил их кровь, в них появлялась жажда - нет, не познания, это было бы слишком мелко, просто рядом с Лоримуром и в них начинала происпаться иная, какая-то более совершенная жизнь. Может, я слеп, может, я слишком подвластен воздействиям и влияниям, но именно это я чувствовал в тот вечер, находясь рядом с Лоримуром, и был уверен (о, как я был в этом уверен!), что все, о чем он говорил, - правда, а значит...

Лоримур. Обретение (окончание)

А значит, пришла пора задать главный вопрос и я спрашиваю Лоримура:

- Но что же делать, ты можешь это сказать?

- Кому?

- Тебе, мне, всем нам.

- У каждого свой путь, и спрашивать совета чаще всего бессмысленно. Видишь ли, одно дело - говорить вообще, а вот конкретно... Навряд ли мой способ приложения сил окажется пригодным для тебя, мы разные люди, да и пути разошлись слишком рано. То, что я понял, - это то, что понял именно я, кто знает, вдруг твоя правда будет чем-то отличаться? С другой стороны, хотя ты - человек более зависимый, тебе, скорее всего, в чем-то будет проще, не знаю, как сказать об этом конкретней, наверное, тебе просто проще, чем мне, будет с людьми... А вообще не спрашивай совета, положишься на то, что чувствуешь, и поступай согласно своим ощущениям... - А потом добавил: - Знаешь, я очень хочу спать!

Я уложил его на диван в большой комнате, на тот самый диван, на котором неделю назад его сестра играла с моей кошкой, а сам вновь пошел на кухню. Уснуть я не мог. Конечно, многое из того, о чем он говорил, было достаточно однозначно для меня, по крайней мере, сейчас, когда он уже спит, а я сижу на кухне и пытаюсь размышлять обо всем этом. Но опять же - многое, да не все. Получается так, что, найдя для себя точку сопряжения с жизнью, Лоримур как бы закрывает ее ото всех остальных, ведь то, что он нашел, что понял, - лишь для него самого. Весь склад моего характера не то что протестует против этого, нет, для протеста здесь просто нет повода,

но как бы вызывает несогласие. Может, дело действительно в том, что я, как сказал Лоримур, другой человек и мне мало спасти себя самого, если уж спасать, то все человечество? Понимаю, что это смешно и нереально, но вся моя сущность требует действия, а смысл его так и не раскрыт!

(Знал бы я в ту ночь, что Лоримур провоцировал меня, что он специально подвел меня к проблеме выбора, остановив наш разговор на полуслове. Сейчас-то я прекрасно понимаю, что двигало им в тот момент, действительно, есть ли что более тяжкое, чем направлять человека на тот путь, который сам он пока внутренне не осознает? Нет, он был прав, когда на мой вопрос ответил умолчанием, чем и заставил самостоятельно искать выход из тупика!)

Мне стало душно, я открыл форточку и стал вдыхать морозный январский воздух. "Надо что-то делать, надо что-то делать!" - мысль эта просто зудела во мне. Но вот это "что-то" так и осталось неясным, замутненным и все еще очень далеким. Мне вдруг показалось, что подобное состояние испытывал и сам Лоримур в тот день, почти десять лет назад, когда решил оставить дом, семью и город. Но идти его путем - нет, для этого я действительно не столь самостоятельная и яркая личность, путь без наставника для меня невозможен, а Лоримур... Он не наставник, ведь сам он отрицает то, что способен быть гуру; мудрец, человек, постигший жизнь и себя, - это возможно. А вот учитель - не знаю, я не знаю ничего из того, что именно сейчас занимает меня, с убежденностью могу сказать лишь одно: по каким-то причинам Лоримур многое не договаривает в разговоре со мной, такое ощущение, что он стремится смутить мой разум, может, дело в моих отношениях с Верой? Но ведь и брак наш, его распад произвели на него довольно слабое впечатление, когда я рассказывал ему об этом, он, казалось, уже все знал (и дело не в том, что рассказала ему Вера, в слово "знал" я вкладываю иной смысл - ощущение такое, что он предвидел все это еще тогда, почти десять лет назад, и то, что он узнал, лишь подкрепило его в мысли, что когда-то давно он был прав), и это никак не повлияло на наши отношения. Что-то еще? Нет, бессмысленно пытаться объяснить себе все за одну ночь, надо ложиться спать, а утром, на свежую голову...

Но сна так и не было. Я ворочался, ложился то так, то этак, но из головы все не шел наш разговор. Порою мне казалось, что это я лежу где-то на горных скло-

нах навзничь, обхватив голову руками и крепко закрыв глаза; лежу так и вижу, как шевелятся земные пласты, как меняется время, становится другим, как просыпается земля. Порою же я вновь видел Лоримура, он шел по узкой тропинке, его ноги были скрыты туманом, он шел и как бы махал мне рукой - звал за собой, показывал, куда лежит путь? Нет, назвать сном все это было нельзя, мозг продолжал работать так же интенсивно, как вечером, и все пытался дать ответ на единственный вопрос: что же мне делать? Может, действительно, то, что говорил Лоримур, - истина, и ее надо принять и просто следовать ей? А может ... Нет, он прав в одном: чужие рецепты нельзя принимать без оглядки, а главное - надо выбираться из того хлама, в который погрузила меня жизнь. Я слишком забурел и огрубел, стал толстокожим, и сердце мое с каждым днем становится все равнодушнее. Если и была истина в его словах, то она прежде всего в том, что надо привести себя в гармонию с миром, надо найти ту, свою, точку воссоединения с ним и тогда все остальное станет намного проще и понятнее, а для этого мне надо увидеть одного человека...

"Надо увидеть его, - думал я наконец, засыпая, - увидеть как можно быстрее, и тогда... Кто знает, но - именно тогда все действительно станет ясным?"

(Но это еще не конец главы, хотя то, что последует, имеет лишь повествовательное значение. Утром пришла Вера, и мы сидели втроем все на той же кухне и завтракали, о чем-то болтали, смеялись, то есть все было так, как в детстве, точнее же - в юности, когда мы были еще школьниками и умели смеяться весело и легко. А потом мы пошли гулять по заснеженному воскресному городу. Мы сели в полупустой автобус и поехали в дендрарий, совершенно безлюдный, только над домиком сторожа поднимался печной дымок. Вера расшалилась и стала бросать в нас снежками, а потом они с Лоримуром вдруг накинулись на меня и повалили в сугроб. Это были прекрасные часы, на нас как бы вновь сошла вся дурь и безмятежность юности, когда тело еще не ведает начавшегося разрушения, а душа не испытывает страха смерти. Как красива была этим утром Вера, как мил и спокоен Лоримур, как обычен я! А к обеду вновь пошел снег, и, когда таким же почти пустым автобусом мы ехали обратно, Лоримур нам сказал, что вечером уезжает.)

Копица

Что же, видимо, юность действительно прошла, - известие это не повергло нас в состояние шока, а было воспринято как то, чего и следовало ожидать. Три дня пробыл Лоримур дома, и кто мог сказать, через сколько лет мы увидим его опять? И что прояснили они для нас с Верой в этом человеке? Опять же - не знаю, да и трудно мне говорить о том, что испытывала в эти дни его сестра, пусть я и убежден в том, что ни одна любовь никогда не проходит окончательно. Вот только вечером, когда она позвонила мне и сказала, что он уехал, я испытывал облегчение. Несмотря на то что встречи с ним ждал все эти годы, несмотря на то что значил, да и значит, для меня этот человек, но отъезд его воспринял я на этот раз с чувством самого настоящего облегчения - мне как бы развязали руки, хотя кто знает, может, именно поэтому отъезд его и был столь внезапен и быстр? Но у меня были свои дела, новая полоса начиналась в моей жизни, и, прежде чем перейти к рассказу о том, я должен поведать о событиях нескольких последующих дней.

Прежде всего мне надо было уволиться с работы. Служба в социологической лаборатории давно тяготила меня, а роман с начальницей, как я уже говорил, успел к этому времени благополучно завершиться, так что ничего меня больше не удерживало в этом маленьком особнячке на одной из центральных улиц, особнячке, оставшемся еще с прошлого века и охраняемом ныне государством; двухэтажном, каменном, крашенном в странно-розовый цвет, с рельефно очерченными окнами и большими, резными дверями из толстого и очень крепкого дерева да металлической (можно предположить, что и бронзовой) ручкой, выполненной в виде головы льва. Ничего больше не удерживало меня в маленькой комнате на втором этаже этого здания, комнате с очень высоким потолком и окном во всю стену, из которого открывался райский (иногда это наиболее точное слово) вид на город - на речной берег, на здания новой постройки, на сферообразный бетонный купол цирка (которого тогда еще не было), на то место, где через десяток лет вознесется в небо новая телебашня (тогда ее в отличие от цирка не было и в проекте). Чудный, райский вид - и зимой, и летом, и осенью, а улочка, пусть и центральная, довольно тиха, хотя трезвонят по ней трамваи (сейчас они там давно не ходят), да и машин, машин - впрочем, что говорить!

С самого утра я пробивался на прием к начальнице и, попав наконец в ее кабинет, молча положил на стол заявление. Она начала его читать, а я смотрел на эту уже заметно стареющую женщину и думал о том, как в этом же самом кабинете я смотрел на нее совсем другими глазами, но ведь и она тогда казалась мне совсем иной, да и все было совсем по-другому. "Нет, думал я, - решение мое единственно правильное. Я должен был сделать это, именно это!"

- А как с отработкой? - спросила начальница.

- Мне хотелось бы сразу, - почему-то чуть ли не шепотом сказал я.

- Жалко с тобой расставаться, - хохотнула она и посмотрела на меня снизу вверх своими чувственными, жесткими глазами. - Что же, хоть вспоминай иногда! - И, написав резолюцию, поставила свою подпись и число. - Отдай секретарю.

Я взял заявление, пожал протянутую ей руку, а потом вдруг наклонился над столом, обнял и крепко поцеловал в губы. О нет, она не оттолкнула меня, наоборот, поцелуй был встречен как что-то должное, и вот я уже разжимаю объятия и выхожу, аккуратно прикрыв за собою дверь. Заявление отдано секретарю, и уже печатается приказ, бухгалтерия начисляет оставшиеся деньги - скорее, скорее, пора окончательно захлопнуть большую резную дверь из неизвестного мне толстого дерева, похлопать на прощание львиную морду и прочь, прочь, ведь решение принято и отныне я свободен! И я получаю деньги, прощаюсь с коллегами, и нет меня больше в этом уютном двухэтажном здании, прощай, социология, наш роман оказался не самым печальным из всех моих романов, но сейчас пора заняться другими вещами, для начала мне надо повидать Веру.

Я с трудом дозваниваюсь до нее и договариваюсь, что мы встретимся вечером, а потом опять сажусь за телефон и начинаю делать необходимые звонки. Конечно, я ушел с работы, но это не значит, что мне есть на что жить. Сбережений у меня практически никаких, а возраст не тот, чтобы существовать, как это говорят, на "аске". Разработанная мною программа действий требует некоторого постоянного наличия денежных знаков хотя бы для того, чтобы не умереть с голоду, а это значит, что мне следует сразу же обзавестись какой-нибудь простенькой работенкой, к примеру, сторожа. Ведь так я ничем не ограничу своей свободы, голова моя будет принадлежать только мне, и (повторяю) я сажусь за телефон и начинаю делать необходимые звонки. Каждый живущий в большом городе включен в какой-либо круг, и если ты чего-то очень хочешь, то всегда можешь этого добиться - круг тебя не оставит. Через полчаса я уже знаю, что есть чудесное место - работником по ночному уходу за животными (а проще говоря - сторожем) в нашем городском зоопарке, а через полтора сию в кабинете директора вместе с одним своим приятелем, отчего-то решившим покинуть это драгоценное место. Директора волнует единственный вопрос - каковы мои взаимоотношения с алкоголем, узнав же, что я не пью (как уже говорилось, к этому времени мой роман с выпивкой и наркотиками остался позади), он безмолвно, как и положено оставшему полковнику медицинской службы, подписывает мое заявление. Первое дежурство через неделю, а неделю я использую для того... Да, мне очень, очень надѣ увидеть одного человека!

Я приезжаю домой буквально за пятнадцать минут до Вериного прихода, принимаю горячий душ (день еще морознее, чем вче-

ра) и ставлю на плиту чайник. Я необыкновенно весел, легкость, освобождение от всего - каким словом назвать эти прекрасные ощущения? Даже знание того, что это все преходяще и что вскоре жизнь снова обрушится на меня и я опять почувствую давление и государства, и собственной души, не вгоняет меня этим вечером в тоску. Государство? В данный момент я воспринимаю его просто как неизбежное зло, долгие годы существования в скорлупе внутренней эмиграции научили меня придерживаться определенной дистанции в наших отношениях, да если и придет время контакта, то это случится позже, намного позже - когда изменится время и проснется земля, если воспользоваться выражением Лоримура. Что же касается собственной души - ведь если бы я боялся *этого*, то разве пустился бы в *этом* путь? Так что я весел сейчас, легкость и освобождение от всего - вот какие чувства владеют мною, и когда я открываю Вере дверь, то чуть ли не подхватываю ее на руки, так что она удивленно вздрагивает и говорит: - Совсем сдурел!

Когда же она узнает, что я сменил работу в социологической лаборатории на место сторожа в зоопарке, то и вовсе начинает смотреть на меня как на больного, но я ничего не могу поделать с собой, я все так же весел, кружу ее по кухне и комнатам, несу всякую ерунду, осыпаю ласками и поцелуями.

- Отстань! - взмолилась она наконец. - Отстань и скажи, чего тебе от меня надо!

А надо мне немного. Мне нужен московский адрес ее бывшего композитора, чтобы было где остановиться на несколько дней, надо, чтобы она позвонила ему и попросила об этом, а еще надо, чтобы она на неделю взяла кошку к себе или же - если брать кошку к себе ей почему-либо не захочется - пожила неделю у меня.

- Просить за бывшего мужа бывшего любовника? - Она смотрит на меня, как бы взвешивая, стою я того или нет, а потом вытягивается в кресле, кладет ноги на небольшой столик, что служит мне журнальным, и рабочим; и обеденным, и просит дать ей телефон. На время разговора я ухожу в кухню, понимая, что присутствие мое помешает ей говорить естественно, и начинаю жарить яичницу. Когда яичница уже давно готова, а хлеб нарезан, Вера входит в кухню и объявляет мне, что все в порядке и даже лучше: мне просто дадут ключи от квартиры, так как сами должны куда-то уехать (прекрасное совпадение, и самое смешное в том, что оно не придумано, так и было в действительности), если, конечно, я буду в Москве не позже чем послезавтра.

- У меня билет на завтра, - говорю ей и начинаю есть свою порцию.

- Скажи,- обращается она ко мне, - а что тебе надо в Москве, что вообще все это значит, что в конце концов ты решил?

- Мне нужно увидеть Злоцкого,- отвечаю я с набитым ртом.

И на этот раз не просто немота, не вот этаким _____, нуждающийся в расшифровке. Просто, прежде чем перейти к новому витку повествования, мне надо представить еще одного героя, а для этого нет ничего лучше такой вот паузы.

Юра Злоцкий появился в моей жизни не вчера и не позавчера. Еще в пору учебы в альма матер, когда я усердно грыз то, что называют гранитом науки, судьба свела меня с ним, и - прямо скажем - не без моей собственной инициативы. Юра был математиком, математиком блестящих способностей, интеллектуальный потенциал его считался одним из самых высоких среди университетской элиты. Был он известен и на философском факультете, по крайней мере, пару раз он удостаивал его своим присутствием во время очередных умственных шоу, - сейчас мне и не вспомнить уже, что это было конкретно. Отличало его и свободное владение французским, английским и немецким языками, что по нашим временам встречается достаточно редко. И еще - Юра был обладателем отличной библиотеки, по крайней мере, среди тех людей, из которых и состоял, собственно говоря, мой университетский круг общения, о библиотеке этой ходили легенды. Дело в том, что математическая часть ее была далеко не основной, а главным были как раз книги по философии, истории и религии, и книги, как правило, такие, что нам, студентам, почитать их в нормальных условиях просто не было возможностей - для этого был нужен допуск в спецхран. И вот эта-то Юрина библиотека и послужила поводом к тому, что я сам стал искать с ним знакомства, а если чего-то очень хочешь, то это, как правило, и случается.

Познакомились мы через одну мою однокурсницу, давно знавшую Юру и, по всей видимости, хотевшую знакомство это перевести в более серьезную плоскость (сразу надо сказать, что из этого у нее ничего не получилось), у сокурсницы этой был день рождения, и я получил приглашение на данное мероприятие, не помню сейчас уже, почему со мной не смогла пойти Вера (скорее всего, что у нее как раз в это время начался роман с тем самым композитором, что так любезно согласился приютить меня на несколько дней в своей московской квартире), да это и не помешало мне принять приглашение с радостью.

Было все это довольно давно, так что мне проще выдумать как, чем вспомнить, что все же было в действительности. Но одно помню точно: было нас очень мало, и сидели мы за большим, хорошо сервированным столом, и самым молчаливым и непьющим среди нас (чего обо мне тогда не скажешь) был Злоцкий. Внешне он немного походил на Лоримура, но если во всем облике моего друга было что-то утонченное, даже аристократическое, то в Злоцком это воспринималось излишней рафинированностью, переходящей в какую-то унылость. Тогда он показался мне чело-

веком чрезвычайно замкнутым и даже высокомерным, спустя время, когда я узнал его получше, я понял, что замкнутость была, а вот высокомерность - нет, просто Юра был очень стеснительным человеком, да, вдобавок, мозг его постоянно был занят решением какой-либо очередной математической проблемы.

Уже где-то в самом конце вечера, когда хозяйка оставила всяческие попытки (так, честно говоря, до сих пор не могу понять, что преследовала эта сексапильная двадцатилетняя краса-девица, непонятно зачем посвятившая себя философии, решив женить на себе Злоцкого) вовлечь Юру в интимные танцы под звуки какой-то модной тогда мелодии, я подошел к нему и попросил разрешения посмотреть его книги. Мне было неловко, крайне неловко делать это, но книги значили для меня тогда столь много, а Юрина библиотека была столь легендарна, что... Что и привело меня к тому, что через несколько дней я оказался у него дома и получил возможность не только посмотреть эту действительно уникальную библиотеку (в ней были Шопенгауэр и Ницше, Шпенглер и Ясперс, Фрейд и Юнг, Хайдеггер и Марсель, Хомяков и неурезанный Чаадаев, Соловьев и Розанов, Флоренский и Булгаков, Шпет и Бердяев, Барт и почти все структуралисты, включая Фуко и Леви-Стросса, много Востока - Бхагава-Гита, сборники сутр, "Тибетская книга мертвых", не говоря уже об отцах христианства - Иоанн Златоуст и Дионисий Ареопагит, Иоанн Лествичник и Блаженный Августин, Григорий Богослов и Фома Аквинский), да, это действительно была роскошная библиотека, но и пообщаться с ее хозяином. Дома, в окружении привычных книг, замкнутость его как бы исчезла, не скажу, что он был со мной очень разговорчив, но на вопросы отвечал охотно и даже с увлечением. В общем, между нами возникло то, что называют приятельскими отношениями, и продолжалось это довольно долго, до самого окончания университета. Сексапильная красавица к этому времени уже вышла замуж, я развелся с Верой, Юра получил "красный диплом" и уехал работать в столицу, в какую-то непонятную организацию с непонятным профилем и совершенно неясным названием. И вскоре до нас стали доходить слухи, будто Злоцкий в Москве изменился, что поведение его, и так довольно странное, стало еще страннее, а интересы стали все дальше и дальше уходить от математики.

Кто-то говорил, что он стал ярким последователем Гурджиева, кто-то - что кришнаитом, а кто-то якобы видел его на молебне в одном из главных столичных храмов и уверял всех, что Юра крестился и чуть ли не собирается уходить в монастырь.

Сам я не видел Злоцкого давно, с тех пор, как он уехал в Москву. Изредка мы обменивались приветами через знакомых, но вот именно сейчас, вспомнив определенную близость наших отношений, я решил, что именно Юра способен мне помочь. Ведь в отличие от Лоримура, который стал практиком и решил постигать пути духовного освобождения на самом себе, Злоцкий был человеком иного, книжного склада ума, а значит, и более доступным для моего понимания.

Хотя могло оказаться и так, что все слышанное о нем - лишь сплетни и он продолжает вести праведную жизнь одаренного математика, работает в своей засекреченной фирме и даже не помышляет о таких вещах, как, к примеру, "Четвертая истина" Гурджиева. Но что толку гадать, когда уже куплен билет на самолет и бывший Верин композитор согласен предоставить мне приют? У меня есть неделя, полностью свободная неделя, и мне надо использовать ее, ведь слова Лоримура так и не дают мне покоя, и пусть решение уже принято, но ведь это самое начало пути, так что приходится прервать паузу, вот этот _____, что призван мемного разрядить текстовое пространство; надо проводить Веру, надо вызвать такси на утро, надо собрать сумку, надо пораньше лечь спать...

Свободная неделя (начало)

Но первый день моего приезда в Москву я выпущу из повествования. Что толку рассказывать о том, как я долго добирался до центра из аэропорта Домодедово, как звонил из автомата, что возле станции метро "Парк культуры", Верин-му композитору, как он объяснил мне, откуда, слолько и на чем мне ехать к нему, а потом я нырнул в метро и начался мой путь? Что толку рассказывать о том, как я плутал возле автобусной остановки, разыскивая нужный мне дом, и снова пришлось искать телефон-автомат и снова звонить, и бывший Верин композитор, судя по всему, проклиная меня на чем свет стоит, должен был идти на улицу и встречать у этой самой автобусной остановки? А потом еще надо было дожидаться, когда композитор вручит мне ключи, сказав, что вернется через шесть дней, не больше и не меньше, не через пять и не через семь, а именно через шесть, и вот после всего этого я наконец-то остался один, закрыл дверь на все имеющиеся засовы, поставил на плиту чайник, включил телевизор и сел в кресло. Особой проблемы, чем заняться, у меня не было, главное - дозвониться до Злоцкого, а потом можно и спать ложиться, и я начинаю звонить.

Увы, в течение добрых двух часов звонки мои проваливались в пустоту. Лишь где-то около девяти вечера мне ответил женский голос, который на просьбу позвать Юру ответил:

- Сейчас.

А потом трубку взял сам Злоцкий (тут можно опустить добрых две трети нашего разговора, то есть долгое объяснение, кто я такой и чего мне надо, его радостное сопение в трубку, какие-то лихие междометия и восклицания), договорились мы с ним на завтра, на шесть вечера, а потом, выпив чаю и съев пару бутербродов, я действительно лег спать.

(Опустим еще две трети, только уже следующего дня. Единственное, что я должен отметить, так это напавшую на меня апатию. Решительно предприняв первые шаги, я вдруг как бы на-

ткнулся на невидимую преграду и на какое-то время - а было это как раз незадолго до того часа, когда мне надо было выезжать к Злоцкому, - перестал понимать смысл предстоящей встречи. Действительно, что может быть более идиотского, чем прилететь за две тысячи километров, найти своего знакомого по годам студенчества и спросить его, в чем смысл жизни? И еще о том, что же мне делать? Впрочем, тут надо сделать скидку на то, что дурные вибрации, нагоняемые в тот день на меня Москвой, были чрезвычайно сильны и стержень, бывший во мне, вдруг куда-то исчез. Конечно, все это вполне можно посчитать очередным этапом некоего искушения, но именно сейчас пускаться в метафизические тонкости нет никакого желания: вот уже виден Злоцкий, стоит возле выхода из метро, весь такой аккуратнейший, в ладной шапке и ладной дубленочке, с заиндевшей, тоже аккуратнейшей и - более того - ладнейшей бородкой. Стоит и уже поглядывает на часы.)

На улице было холодно, идти куда-то в присутственное место нам не хотелось, дома у Юры, судя по всему, было не очень удобно, и мы поехали к Вериному композитору. Разговор наш начинался очень долго, бесконечно плутая и виляя, переходя с темы на тему: я никак не решался говорить о том, что так волновало меня, а Юра не мог понять, что же мне от него надо. И вдруг - да, я как бы назвал пароль, произнес то единственное, магическое слово: я случайно упомянул в разговоре Лоримура.

Эффект был шоковый. Юра замолчал, и молчание это продолжалось несколько минут. А потом он спросил:

- Ты его хорошо знаешь?

Что я мог ответить? Только правду.

- Знаешь, - продолжил Злоцкий, - это уникальная личность, уникальная и очень странная. Мы с ним во многом не сходимся, но тот путь, которым он идет, - это путь святого!

(В принципе, мне больше ничего не было надо. Юра сказал главное, что я хотел услышать, в одном слове он разрешил все мои вопросы, хотя чисто по-человечески меня интересовало очень многое, и прежде всего - как Юра Злоцкий познакомился с Лоримуром, в чем основные их расхождения, а в чем - наоборот, в чем в конце концов путь самого Юры - да, на все эти вопросы мне очень хотелось получить ответ, но инициатива беседы перешла к Злоцкому.)

- Да, - повторил он, - это путь святого! Самое странное, что Лоримура многие боятся, он действительно слишком сильно воздействует на людей, да многое и умеет, хотя эти свои умения никогда не обращает в зло!

- Юра, - наконец спросил я его, - но ты сам... Чего ищешь ты?

- Я замаливаю грехи, - улыбнувшись, ответил он. - Видишь, мне надо делать в жизни еще что-то такое, что выходит за рамки моей профессиональной деятельности. С этого, наверное, все и началось: мне надо было как-то уравновесить свою душу и то,

что я делаю, ведь все это, мягко скажем, не на благо...

- Но что же в таком случае ты делаешь?

- Конкретно? Конкретно передо мною ставят задачи, а я их решаю, а то, что задачи эти работают на войну, ты, наверное, догадываешься...

- Значит...

- Значит, я пытаюсь спасти свою душу. Отказаться работать я не могу, и не в том дело, что меня не поймут, - при всех тех проверках, которым нас подвергают, меня давно бы отлучили, если что не так. Парадокс в том, что я люблю свою работу, мне нравится решать эти задачи, иные не доставляют мне удовольствия. И потом - кто-то все равно бы их решал!

- Но это ведь ложно уже в самой посылке.

- Да,- кротко отвечает он. - Ну а что делать? Я слишком слаб для того, чтобы жить по-иному, с другой стороны, я рассматриваю все это как постоянное испытание самого себя, нет, надо сказать так: меня постоянно испытывают, мне подбрасывают те или иные мысли, и я примеряю их к себе. Я ищу наиболее верный способ существования... Если ты хочешь что-то понять, то спрашивать тебе надо не у меня, а как раз у Лоримура, его словам можно верить, да он сам несет в себе эту веру...

- Ты хорошо его знаешь?

- А ты хорошо?

- Тогда ответь так: что тебя связывает с ним?

- Мне не ответить на этот вопрос. Лоримур слишком непостижим, мне просто хорошо знать, что он есть... я ведь встречался с ним уже здесь, в Москве, он какое-то время жил у одного моего приятеля, там мы и познакомились... Интересный человек...

- Кто? Лоримур?

- Это естественно, хотя сейчас я говорю про приятеля... Знаешь, я могу вас познакомить... Он хиппи, из бывших, один из немногих настоящих, хочешь?

Что я мог ответить?

(Да и чего можно было ждать от этого разговора? Злоцкий не изменился в главном, он остался столь же замкнутым и стеснительным, как и раньше. Хоть все равно хорошо, что я выбрался в Москву, когда приходит пора решений, то надо действовать, и в конце концов я хоть что-то узнал. К примеру, то, что Злоцкий считает Лоримура святым, вот только почему? Самое смешное во всем этот то, что и мои собственные размышления о Лоримуре подводят примерно к тому же самому, вот только слова этого я не произношу, а значит...)

А значит, меня передают как эстафетную палочку и моя свободная неделя в Москве проходит действительно с пользой.

Свободная неделя (продолжение)

С чего же начать эту главу? Сразу перейти к очередной московской встрече? Но не начинает ли все это напоминать какой-то репортаж или путевые записки? Там был, то-то видел, с тем-то встречался... Нет, по-другому все-таки я поведу свой рассказ.

История советских хиппи - вещь необычайно запутанная. Мне доводилось довольно много встречаться с представителями этого экзотического племени, так что и в практике, и в теории я человек осведомленный, и запутанность эту понимаю довольно неплохо. Если брать чисто хронологически, то первые зачатки Движения или Системы (если воспользоваться их терминологией) появились у нас в конце шестидесятых годов, то есть как раз в то самое время, когда выгнанный нашими же танками из Праги Лоримур приехал в Свердловск и началась вся эта история. Естественно, что толчок к возникновению Системы (остановимся все-таки на этом более современном термине) пришел, как и многое другое, с Запада. Но сразу же надо сказать, что толчок не есть чистое заимствование, нет! Можно, конечно же, много страниц посвятить тому, что шестидесятые годы - это годы молодежной революции, а значит... а следует... а... но я просто отсылаю всех желающих к анонимной рукописи, известной среди самих хиппи как "История Движения" (хорошо помнится мне ее странное начало: "С чего же начать? С этой вечной для меня листовки за окном?"), думаю, так будет продуктивнее. Самому мне кажется, что идея Великого Отказа оказалась как нельзя к месту для времен брежневского правления, я уже говорил о своем нежелании давать социальные меты времени, но без этого водчас никуда, так вот если для меня это были годы внутренней эмиграции, то для многих они стали периодом Великого Отказа, ибо зачем принимать то, что - как говорится - не в кайф! Если ты не можешь изменить свою собственную страну, если тебе стыдно за то, что вокруг, то ты можешь сделать единственное - жить по законам собственной души и стараться быть максимально честным. Впрочем, внутренняя эмиграция и Великий Отказ во многом соприкасаются, но тут начинается теория, история же требует другого... Никогда сам не принадлежал к настоящим хиппи, я всегда относился к ним с теплотой и нежностью: мне нравился вариант жизни в своем собственном времени, нравилась и сама идея возможного уничтожения времени, что так свойственно этим людям. Да, многим вокруг их существование казалось бессмысленным и просто вредным для нашей страны, на мой же взгляд, именно они сохранили в те годы лучшее, что было возможно, - хоть какую-то надежду на завтрашний день. Конечно, говорить об этом сегодня намного проще, чем в начале 1980 года, когда Злокий вел меня в гости к своим знакомым, но и тогда мои размышления об этом народе были столь же праведны, как сегодня, что касается наркотиков и сексуальной свободы, то среди настоящих

хиппи и то и другое встречается намного реже, чем среди сильных мира сего и прочих достойных членов общества!

(Я специально опускаю столь любимую читателем конкретику, не упоминаю и не описываю нравы этих людей, в чем-то действительно забавные и экзотические, не касаюсь и того, что называют "внутренним миром", ведь все это не является темой моих записок, так зачем?)

Квартира, в которую меня привел Злоцкий, находилась на одной из окраинных улиц столицы, добирались мы до нее что-то около полутора часов. Дверь открыл высокий, с большим животом, бородатый и длинноволосый человек лет тридцати, который представился коротко: "Лонг!" Кроме него в квартире была еще жена и очень много детей, честно говоря, сейчас мне даже трудно вспомнить, сколько у него их было на тот момент - трое или четверо. Меня пригласили пройти, а Злоцкий сразу же засобирался обратно, сказав, что ему рано утром на работу.

- Расскажи ему о Лоримуре, - попросил он на прощание Лонга, - обязательно расскажи!

Общаться с Лонгом (в отличие от Злоцкого) оказалось невозможно легко и очень приятно. Несмотря на свою внушительную комплекцию, был он человеком быстрым, говорил скороговоркой, в чем-то даже аффективно, судя по всему, обладал достаточным чувством юмора, - в общем, собеседник, как говорят, не из худших.

- Лоримур? - спрашивая как бы сам себя (это вообще отличало его манеру общения - стараясь не докучать собеседнику, а поэтому ведя разговор как бы с самим собой). - Да что сказать о нем? и чего это он кого-то интересует? Есть будешь? - Этот вопрос обращен уже ко мне. - Сейчас мы будем гречневую кашу есть, жена сварит нам вкусную гречневую кашу, и мы ее будем есть... Ангел мой, - это жена, - свари нам, пожалуйста, вкусной гречневой каши... Да, так что рассказать-то? я ведь, знаешь, коренной москвич, но Москву не всегда люблю и вот... Да, года, значит, три назад разлюбил я ее в очередной раз и решил сделать ноги, сел на поезд с приятелем и поехал на юга, в сторону Ростова... Не знаю почему, но потянуло именно туда, в степи. Едем мы, значит, едем, скоро уже Таганрог, а на душе такая тоска - в общем, обдолб крутой! И вышли мы с этим самым приятелем, давно он уже покойничек, а хороший был человек, спаси Господь его душу, под Таганрогом. Вокруг, значит, степь, ну и мы по этой степи пошли. Я вообще-то с конца шестидесятых по Системе болтаюсь, то есть лет двенадцать уже. Прибалтика, Питер, центральные области, но это все знакомо, а тут степь, да такая она большая, такая красивая! - Лонг на минутку замолк и начал колдовать над заварочным чайником. - Да, в общем, если в подробностях рассказывать, то долго, одним словом, - приблились мы к археологам и стали у них горбатить, кайф страшный, ты даже не представляешь! И так все лето горбатили, в оттяге крутом оба были... И в конце того самого лета... Да, под вечер

это, в общем, случилось, сидим у костра, вся наша гопа, человек восемь, а может, что и десять, сейчас и не вспомнить, а тут он, Лоримур то есть, из темноты к костру и подошел. Смешно очень было, как его стали спрашивать: "Зовут-то как тебя?" А он: "Лоримур!" И не поняли вначале... Чудной он, друг твой, - вдруг сказал Лонг, обратившись прямо ко мне, - такому бы надо с Христом по Палестине ходить, а не по нашему-то убожищу, где все гораздо собак спустить! Две недели он тогда с нами прожил, на второй день уже вся гопа его уважала, как никого! Свет от него какой исходил, что ли? И главное, непонятно, что в нем особенного. Он ведь молчит в основном, делает то, что надо делать, и молчит, ну, если уж в упор спросят, то ответит, а так... Люська тогда еще в него влюбилась... Ангел мой, - это к жене, - ты Люську помнишь? Нет, никто уж ее не помнит, а как она в него тогда влюбилась! Он же сидит у костра и смотрит на нее грустно и укоризненно... Да, чудный человек, светлый... Но и побаивались все его, говорю же, было в нем что-то такое... Да, давай лучше чай пить!

И пока мы ели гречневую кашу и пили чай, Лонг говорил о чем-то совершенно другом, а вот после ужина:

- Потом уже, знаешь, он у меня в Москве как-то раз останавливался, с месяц жил... Так вот спас он меня тогда, я ведь пил здорово пил, да еще ширялся, ад, одним словом. Так он как-то посмотрел на меня и говорит: "А ведь ты без этого можешь!" - "Что ты, Лори", - я ему отвечаю. А он: "Можешь, говорю тебе, можешь!" Посадил, значит, меня на стул, попросил глаза закрыть, к голове ладонями прикоснулся и сказал одну только фразу: "Брось все это!" Так вот с тех пор я ни-ни, честное слово! Как ему благодарен до сих пор, ты и представить не можешь, тогда я ему тетрадь Кирилла-Мефодия и подарил, да, была у меня такая тетрабочка...

Слышать про Кирилла-Мефодия мне доводилось и раньше, личность эта была, судя по всему, действительно незаурядная, а "системные люди" почитали его как наиболее авторитетного и умудренного среди них. Не было у него ни дома, ни работы, да и не надо было ему этого, а искал он то же, что и все: свободу. Но искал как-то очень уж бестолково, кидаясь из крайности в крайность, и попал на одном из витков своей жизни куда-то не туда. В общем, никто не знает, что произошло с ним в тот вечер, наутро после которого дворник нашел в одном из московских дворикув труп, обезображенный настолько, что личность Кирилла-Мефодия установили лишь с третьей экспертизы. А тетрадка его, в которую он записывал свои мысли, да стихи, приходившие к нему в голову чуть ли не каждый день, осталась у Лонга, и эту самую тетрадку и подарил он Лоримуру. Более чем странная история, и если бы я не знал Лоримура еще со школы, то попросту бы в нее не поверил, особенно в часть с излечением, но вот я вижу Лонга и понимаю, что человек этот не врет, слишком уж приятные токи исходят от него, слишком доброе и честное у него лицо.

- Да, - как бы подытоживает Лонг наш разговор, - вот возьми всех нас: мы все больные. Мы все апатичны, и в нас очень много страха. А Лоримур - нет, это единственный здоровый человек из всех, кого я знаю, святой!

Мне становится не по себе. Второй раз за сутки слышу я это определение личности Лоримура, вспоминаю свой разговор с ним тогда, у меня дома, на кухне, и становится мне не по себе. Ведь жизнь большинства из нас проста, она не выходит за рамки обычных, житейских вещей, а если и случаются в ней отвлеченные мысли и разговоры, то это все так, чтобы потешить лукавого. Но есть и иные люди, и жизнь их проходит в совершенно ином измерении, и как бы ты ни старался, тебе трудно, а большей частью и невозможно в него попасть, если, конечно, ты не изменишь себя самого. Но ведь об этом и говорил Лоримур в нашу последнюю встречу, а задолго до него эти же слова произносили Будда и Христос, а если взять более близкие нам времена, то и Толстой, и Достоевский, и Ганди, и Кришнамурти, и многие, многие другие, хотя интересно одно: что каждый из них имел в виду под этим изменением?

Свободная неделя (окончание)

Наш с Лонгом разговор продолжался до глубокой ночи. Ехать на квартиру к Веринуму композитору было уже поздно, и меня положили спать в кухне, на маленьком топчанчике, стоявшем в углу возле стола. Но уснуть я не мог, впечатления последних дней не давали мне сделать этого. То мне казалось, что я иду со Злоцким по какому-то заброшенному, пустынному, выгоревшему месту, на котором тут и там возвышаются странные ажурные мачты из проржавевшего железа. Место это, судя по всему, когда-то давно было испытательным полигоном, но сейчас оно в запустении, и я не могу понять, чего Злоцкий меня сюда привел, а когда хочу спросить, то на месте Злоцкого оказывается Лонг, протягивающий мне тетрадку Кирилла-Мефодия и шепчущий как-то странно: "Вот здесь, здесь есть все, что ты ищешь!" И когда я в свою очередь хочу спросить у Лонга, что же такого особенного в этой тетрадке, то уже сижу на своей собственной кухне с Лоримуром. Вера, одетая почему-то лишь в прозрачную ночную рубашку, стоит в дверях и курит, а Лоримур пристально смотрит на меня и вдруг говорит: "Мудрые объяснили, что культивирование знания приводит человека к другому результату, чем культивирование невежества". А потом, чуть улыбнувшись, добавляет: "Аньяд эвахур видьяйа, аньяд ахур авидьяйа, ити шушрума дхиранам, йе нас тад вичачакшире!" И тут к нему подходит Вера и говорит: "Все, Лоримур, пошли, нам пора, нам наконец-то пора!" И берет его за руку, он встает, и они направляются к дверям... Да, можно сказать, что я практически не спал в ту ночь, а утром, позавтракав вместе с хозяева-

ми, я так же рано, как и они, вышел из дому и отправился просто бродить по Москве.

Я шел по центру, по улице Горького, мне надо было хоть как-то убить время, и не только сегодня, но и завтра, и послезавтра, ибо смысловая часть моего визита в стольный град закончилась, искать больше было нечего, хотя, конечно, я мог воспользоваться предложением Лонга и посетить с ним несколько хиповых тусовок, но - по правде - все это меня давно уже не интересовало, и я продолжаю свое повествование: да, мне было надо (только вот непонятно зачем) дойти до проезда Художественного тетра (стоит ли говорить, что этот самый Камергерский проезд, в котором...), выйти по нему на Пушкинскую улицу, дойти до Столешникова переулка, потом снова выйти на Пушкинскую, дойти по ней до Москвина, потом, через площадь Юрия Долгорукова, вернуться на Горького и пойти по ней вверх, мимо тяжелых, нависающих фасадов, улепленных мемориальными досками, фасадов, столь блистательно передающих самую знаменитую эпоху в истории нашего государства, когда ночами окна в этих домах не гасли до самого утра, и ехали, ехали по Горького черные машины с птичьими кличками... Но и сейчас все это давит - на сердце, на легкие, можно, конечно, поддаться влечению, развернуться и пойти по Горького вниз, войти в подземный переход на углу все той же улицы Горького и проспекта Маркса, выйти из него у входа на Красную площадь и пойти к Кремлю, где, вполне возможно, пребывает сейчас старый, бровастый, грузный мужчина, уже впавший в маразм. Вот милиционер, стоящий в крайних левых воротах, поднимает свой полосатый жезл (как он, бедный, стоит в такой вот январский мороз, пусть на нем тулуп с поднятым воротником, большие валенки да шапка с опущенными ушами, ведь это все равно не спасает от холода) и говорит что-то в маленькую, заиндивевшую рацию, сигнал принимает другой, стоящий метров через пятьдесят, этот другой посылает сигнал кому-то еще, а ворота уже открылись, и спокойно, уверенно, как-то очень нагло выкатывают на площадь несколько длинных, лоснящихся, черных лимузинов с затемненными стеклами и маленькими красными флажками на радиаторах: будем считать, что это повезли самого со всей его сворой да гопой охранников. Говорят, было на него когда-то покушение, везли, мол, из аэропорта каких-то космонавтов, а он их встречал, и вот один любитель острых ощущений, а может, просто безумный поборник социальной справедливости переоделся в форму офицера милиции и встал в оцепление... Но что случится с бровеносцем? Перестал ездить в открытой машине да увеличил гопу охранников, а так все то же. И когда наконец хоть что-то изменится в моей стране? Конечно, мне могут сказать, что вот ты сам называешь себя внутренним эмигрантом, так зачем лезешь во все эти дела? А какая эмиграция и когда не лезла? Хотя именно сейчас, именно в этот промерзлый январский день, бровастый старик, скорее всего, потихоньку агонизирует в своей резиденции на Старой площади, в

неброском и прекрасно охраняемом здании ЦК, да что говорить - приятно побродить по Москве начала 1980 года! И самое смешное, что когда нынешний уже отойдет в мир иной, и оплачат его верные друзья и соратники, а также все члены королевской (а может, и императорской?) фамилии, и пройдет какое-то время, и начнут называть вещи опять своими именами, то удивимся мы: как все это могло быть? Да так вот и могло, так и было, и едут длинные, лоснящиеся, черные лимузины с затемненными стеклами и красными флажками на радиаторах, и все тяжелее и тяжелее становится дышать, и если на что и хватает, так это на рассказывание анекдотов ("Энциклопедия 2000 года: Брежнев - мелкий политический авантюрист времен Сахарова и Солженицына") да еще на выпивку, которой забиты в этот январский день все магазины, - каких бутылок, каких наклеек только не увидишь, особенно в Москве. Что наша провинция с ее водками и коньяками, на Калининском, в Новоарбатском гастрономе сегодня в продаже настоящее шотландское виски, знаменитый скотч "Джони Уокер"; у входа в гастроном, прямо на улице, из больших фирменных коробок торгуют английским джином "Бифитер"; полки ломаются от французских коньяков ("Мартель", "Бисквит", "Карвузе") и португальских портвейнов (проще говоря "Порт вайн"), туда даем нефть, а обратно качаем шотландское виски! Так что не стоит мне сейчас разворачиваться и идти не к Пушкинской площади, а вниз, к Кремлю, ничего хорошего это не сулит, и так на душе тяжело, лучше до площади, свернуть вниз, на Тверской, и так и идти, лоя снег плечами, лоя губами морозный московский воздух. Горят щеки от стыда, очень уж тяжело на сердце, город - западня, прекрасный город, столько уже лет превращенный в ловушку, анемичный, больной, задыхающийся! Но хватит, хватит, старцы приходят и уходят, и Леонид Ильич - не Иосиф Кровавый. Так что можно быть благодарными бывшему полковнику, присвоившему себе звание маршала: пусть потешится старик, немного осталось, а главного ведь он не знает - что и сейчас над ним все смеются! И недаром в конце почти каждого предложения я ставлю восклицательный знак, да, мною овладела эмоциональная приподнятость, ведь смех - это прекрасное чувство, особенно сквозь слезы. Пусть потешится, пусть сидит пока в своем роскошном кабинете, интерьер которого мало кому известен, в хорошо охраняемом здании на Старой площади, пройдут торжественные похороны, скорбный голос известного комментатора, ныне тоже покойного, расскажет о них всему миру. Да, все это свершится, и мы - как нас учили! - сохраним в своих сердцах навсегда память о верном ленинце, дети, внуки и ближайшие родственники которого до сих пор не могут рассчитаться с государством. Но что Бог с ним, этим бывшим землемером, ведь счет моего поколения к нему и его подручным все равно никто и никогда не оплатит, и остается мне одно: спокойно идти по Тверскому, по заснеженному скверу, до обрубка здания ТАСС, а потом сверну-ка я на Герцена и пойду до Огарева и буду и дальше

кружить и кружить в одном районе, вновь выйду в проезд Художественного театра, пройду мимо застекленных витрин мировых аэроагентств ("Финэйр", "Люфтганза", "Джэпэн Аэрлайнз"), вход в которые мне запрещен, а значит, что того, остального, мира в 1980 году просто не существует, если не считать этим миром, естественно, Афганистан (но добираются туда с билетами, оплаченными государством), пересеку на этот раз Пушкинскую, минуя ЦУМ, выйду на Кузнецкий мост (опять витрины несуществующего мира, красочная зеленая вывеска "Алителии"), пройду по нему вверх, до Лубянки, тут я опускаю всю цепь ассоциаций, что появляется в районе площади Дзержинского, обогну "Детский мир", спущусь в метро, и вот - да, и вот я еду наконец-то домой, если, конечно, маленькую квартирку Вериного композитора я могу называть своим домом... Да, веселая получилась прогулка!

Несколько дней спустя

Странно летит время. И отчего только, когда ты пытаешься на какое-то мгновение оглянуться назад, в нем, этом мгновении, образуются странные, а порою и непонятные лакуны, попросту же говоря, фрагменты и детали, полностью выброшенные из твоей памяти? Вот так, хорошо помня фабульную канву моей московской поездки, о которой рассказано на предыдущих страницах, я вынужден опустить все, что произошло после, и не потому, что не помню. Нет, дело в ином, - видимо, как раз это не представляет для меня никакого интереса, а значит, надо воспользоваться скальпелем и подвергнуть усечению! Скажу одно: оставшееся время я провел довольно бессмысленно, практически не выходя на улицу и лишь изредка переговариваясь по телефону со Злоцким и Лонгом. Мой звонок Юре (единственный после нашей странной встречи) был исключительно данью вежливости, хотя что-то зудело и зуммерило во мне, убеждая, что я не использовал эту встречу на все сто, ведь что-то еще могло проясниться, и причем важное. С Лонгом же общение мое стало почти дружеским, и, когда я позвонил ему, чтобы попрощаться, он даже пригласил меня летом в те самые степи, в которые сошел однажды под Таганрогом и где одним поздним вечером, сидя у костра, впервые встретился с Лоримуром. Он принял меня, посчитал за своего, а такое у подобных людей бывает редко, так что не скрою - мне это польстило. Но я ничего не мог загадывать на лето, я просто сказал ему "спасибо", дождался Вериного композитора, поблагодарил его за приют, вручил ключи и где-то под вечер отбыл во все тот же самый аэропорт Домодедово, что соединяет наш столичный город с бескрайними восточными (впрочем, как и северными, как и южными) районами страны. Рейс был поздним, а если приплюсовать еще два часа разницы, то прилетел я уже такой ночью, что скоро должно было начаться утро. Но тут я вновь прибегну к умолчанию и опять выпущу все то

(бытовую суету и прочее), что заполняло дни, оставшиеся до моего выхода на новую работу.

Сейчас, годы спустя, когда в том или ином разговоре приходится упоминать, что в энное время я работал ночным сторожем (говоря же в соответствии штатному расписанию, то работником по ночному уходу за животными) в зоопарке, то собеседники сразу оживляются и просят рассказать что-либо экзотическое: действительно, мало кто может похвастаться, что у него была подобная работа, по крайней мере, рассказывать об этом намного интереснее, чем хотя бы о том времени, когда был социологом... что же, именно "зоопарковый" период моей жизни стал во многом поворотным, так что стоит начать по порядку.

Зоопарк наш маленький и убогий и находится в самом центре города. С одной стороны его ограда выходит на одну из центральных улиц, шумную, переполненную машинами и пешеходами, с постоянно позванивающими на рельсах трамваями, другая же сторона замыкается улочкой тихой, с могучими тополями и с невысокими деревянными домишками, судьба которых давно уже предрешена. Что же касается обеих торцевых сторон, то одна граничит с маленьким заводиком, загрязняющим и без того отвратительный воздух центра, другая же выходит к каким-то сараям и гаражам, среди которых в теплое время года местная шпана до поздней ночи режется в карты и предаётся прочим увеселениям. Домик сторожа стоит у самых ворот, по левую руку, по правую находится касса, а следом за ней сразу же начинаются клетки со зверушками. Обойти всю территорию можно за полчаса, и не думаю, что кому-то, кроме разве что самых маленьких, это может доставить хоть какое-то удовольствие. Давно уже поговаривают о строительстве новой территории, но сколько лет пройдет до того времени - никому неизвестно.

Что же касается самой работы, то она предельно проста. Я прихожу к четырем часам дня и расписываюсь в толстой амбарной книге, с этого момента львы и тигры, слоны и бегемоты, обезьяны и попугаи, лисы и медведи находятся под моей ответственностью. Дальнейшие мои действия еще проще: я обхожу территорию и смотрю, на месте ли заборы, дожидаясь, пока зоопарк покинет последний работник (зимой это случается около шести часов вечера, а ведь сейчас как раз зима, если не изменяет память, то самое начало февраля, а значит, уже темно, хотя и не так, как в декабре, но темно), включаю прожектора и иду топить печку. Где-то около десяти я обхожу всю территорию еще раз, потом захожу в зимний павильон, гашу свет и желею теплолюбивым кискам и мартышкам спокойной ночи, следующий мой визит к ним - в шесть утра, а в семь я свободен и двое суток могу здесь не показываться. Государство за этот бесценный труд платит мне 84 рубля 00 копеек, и я чувствую себя таким же жителем местного зверинца, как и мои подопечные: кто-то взял да лишил меня исконных мест обитания, посадив за ограду в самом центре города.

Сама сторожка маленькая, в ней есть что-то типа прихожей, куда как раз выходит печка и где лежат дрова, и небольшая комнатка, в которой рабочие хранят свою спецодежду и инвентарь, а я сплю и трапезничаю, впрочем, рассказывать обо всем этом подробно довольно скучно. Скажу только, что ночами в домике я не одинок, есть у меня и мыши, и крысы, и тараканы, а за стенкой живут две рыси, спящие только днем, так что на отсутствие общения я не жалуясь. Есть у меня еще телефон и большая, двухлитровый китайский термос, который я дома заправляю чаем под горлышко, к утру же он становится пустым. Вот такие дела, как любил говорить лучший друг моего давнего детства, живший в те сладкопамятные времена со мной не только в одном подъезде, но и на одной лестничной площадке!

Кому-то подобная деятельность и в подобном месте может показаться издевательством над самим собой, что же, мне остается только одно: пожелать этому человеку где-то вне "зоопарковой" зоны найти такую же внутреннюю свободу. Год этот выдался очень снежным, да и сейчас снег все падает и падает, а я же сижу, топлю печку да пью горячий, крепкий чай. Ну где, скажите мне, еще можно так устроиться в полуторамиллионном городе, практически на природе, по крайней мере, такого скопления диких зверей не найти в радиусе несколько тысяч километров вокруг. Подобие скита или лесного схрона, отшельничьего закутка в заброшенном краю. Ощущение такое, что когда я запираю ворота, а ночь давно уже накрыла собой город, то последний просто перестает существовать, и я остаюсь один на один со Вселенной, и это не просто высокопарное выражение, нет: вот она, пульсирует, переливается, пытается передать мне хоть частичку своей, никем и никогда не измеренной энергии, я чувствую, как мозг набухает, растет, как мысли становятся более точными и острыми, я просто могу сейчас, не выходя из своей сторожки, все так же сидя у небольшой печурки, видеть то, что видел там, в горах, Лоримур - как меняется время, как просыпается земля. Но я вижу еще и звезды, я слышу их дыхание, я знаю, когда появится очередная сверхновая, а когда просто пойдет метеоритный дождь. Все это становится ясным и понятным вот такими ночами, хотя не ради этого забрался я в свой скит, в подобие лесного схрона, отшельничьего закутка в заброшенном краю в самом центре большого города. Мне не дают покоя слова Лоримура, постоянно вызываю и вызываю я из своей памяти картину, нарисованную тогда, в Москве, Лонгом, - Лоримур, появляющийся из ночи, садящийся у костра, несущий с собой... Что, свет, знания? Все это не больше чем набор определенных слов, определенных терминов, порою начинает казаться, что апокриф мой обречен на полное забвение из-за авторской косноязычности, хотя не жажда бессмертия двигает моим пером, нет - я просто хочу прикоснуться к истине и ради этого сижу сейчас, поздним вечером, у давно не беленной печки, весело трещат дрова, высокие язычки пламени стараются прорваться сквозь дверку, но не удается им это, и

огонь так и продолжает оставаться взаперти, наполняя теплом и комнатку, населенную мышами, крысами, тараканами и прочей нечистью, и мою душу. Да, я глубоко убежден, что тело мое всего лишь физическая оболочка, которая подвержена распаду и тлену, пусть в школе, да и в университете, учили меня совсем не этому (я уже не вспоминаю детский сад), звездные зимние ночи заставляют наконец-то понять, что душа - она есть, и когда оболочка рассыплется и станет прахом, то сущность ее объединится со звездами и кто-то так же, как и я сейчас, будет сидеть очередными звездными ночами и вспоминать то, что душа моя попытается ему рассказать! Конечно, нет ничего страшнее смерти, и даже уверенность в бессмертии души не освобождает тебя от этого сосущего страха, и зато появляется надежда: ведь там, в незнаемом, все равно что-то будет, да, до сих пор благодарен я часам, проведенным за накрепко запертыми мною самим воротами. И как сейчас мне не хватает иногда того чувства отъединенности и свободы, что были там, в этой маленькой, убогой сторожке, впрочем, что говорить о настоящем, скрипит под ногами снег, узкий луч прожектора выхватывает из темноты черную, печальную аллею с высокими, оголенными, будто нарисованными одним росчерком карандаша тополями, это и есть маршрут обхода, сначала по аллее, потом надо свернуть на протоптанную в снегу тропинку, прожектора достают и сюда, так что можно не бояться темноты, надо просто идти мимо клеток со спящими обитателями - это уголск хищных птиц, вот совы и филины, а вот и орлиные - беркуты, сипы, грифы, орланы и прочие, могучие и свободолюбивые, с подрезанными крыльями. Как все же скрипит под ногами снег, январь кончился, но теплее не стало, недаром старое название наступившего месяца "лютень", так что надо поднять воротник у тулупа, закутать лицо шарфом и продолжать маршрут. Сейчас дорожка пересекает еще одну аллею, если пойти по ней, то, минуя клетки с медведями, упруешься прямо в зимний павильон, дверь поддается тяжело, но вот наконец она открывается, и ты попадаешь в тепло. Ужасный запах, прямо-таки вонища, запах дикого, убойного стойбища, в котором все и вся перемешано: сначала идет обезьянник, бурные любовные игры макак, онанирующий бабуин, так любящий кидаться собственным калом в дневных посетительниц, рядом клетка с шимпанзе, а напротив - террариум. Затем начинается территория, занятая кенгуру, затем какие-то экзотические птицы и аквариумы с редкими рыбками. А вот пошли хищники - пантера, леопард, тигры, снежный барс, львица и, наконец, лев, высунувший из клетки свои тяжелые передние лапы. Можно закрыть двери, можно выключить большой неуклюжий рубильник и выйти на улицу, отдышавшись от этого смрада, этой вонищи, этого запаха дикого, буйного стойбища, и вновь медленно пойти по скрипящему снегу в направленном луче слепящего глаза прожектора, так яростно бликующего по сугробам, миновать россомах, пройти клетки с мелкими хищниками, а вот и волки - два мощных тундровых

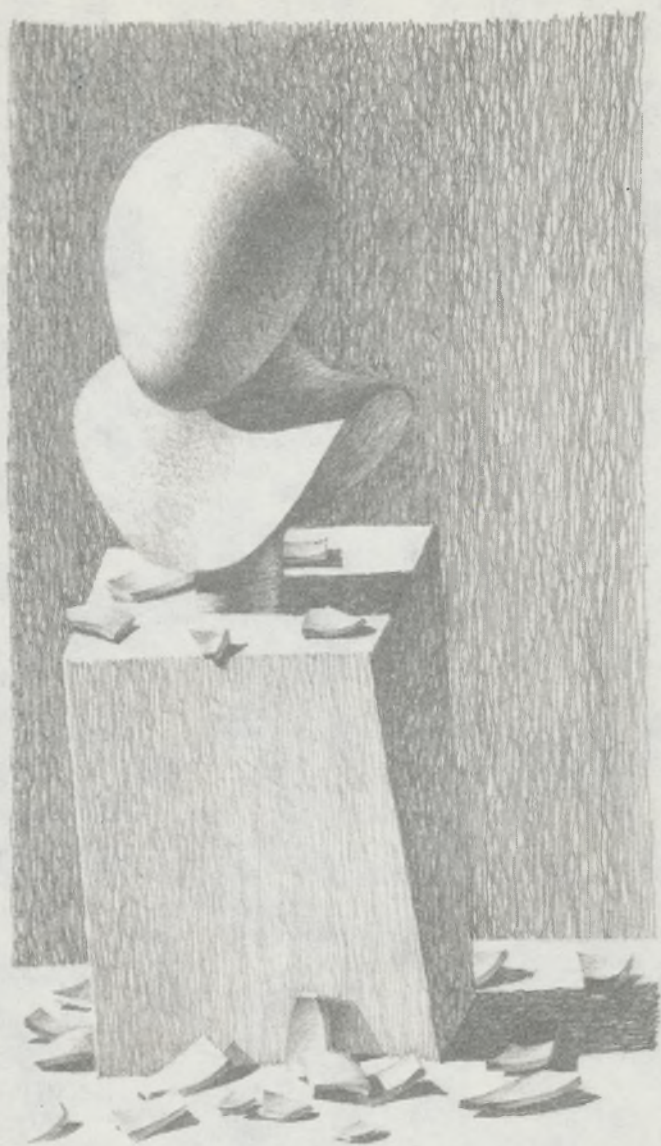
зверя, их шерсть больше отливает белым, чем серым, а в глазах жестокая, плотоядная тоска! Осталось лишь одно место - слоновник, да еще надо заглянуть в подсобки и навестить испоганенный похабными рисунками и надписями сортир (гораздо интереснее навещать его женскую часть, ибо все, что можно прочитать в мужском, известно заранее, а вот фантазия посетительниц этих двух кабинок попросту непредсказуема), и можно вновь выйти в центральную, обсаженную высокими, ныне оголенными тополями аллею и идти обратно в сторожку, к теплой печке и еще горячему чаю в термосе. Полночь, где-то далеко, в Москве, бьют куранты, вот последний удар, следует пауза, и начинает звучать государственный гимн, звуки которого вызывают желание встать, вытянуть руки по швам и стоять так до самого последнего такта, после чего в радиоприемнике лишь что-то шуршит и похрюкивает, и так всю ночь, до самого утра, до шести часов местного времени, когда эти шуршание и похрюкивание вновь сменяются государственным гимном и я встану со скамейки, на которую брошен тулуп, выпью остатки уже остывшего чая, помочусь на снег рядом с воротами и пойду в павильон включать свет, готовить местное население к предстоящему дню, но - впрочем - я уже начинаю повторяться, ведь сам ритуал описан, другое дело - его содержимое...

"Лоримур, Лоримур, - думаю я, трясаясь в мерзлом автобусе по направлению к дому, - объясни мне все же, что случилось со мной, почему лучшим местом для размышлений в этом большом городе оказался небольшой, неправильной формы квадрат, застроенный клетками? И почему от горячей ванны и газовой плиты меня так тянет в эту маленькую каморку с печкой, возле которой можно сидеть часами, смотря на огонь? Но к чему приведет меня все это, да, решение принято, но слишком уж странным оказалось оно... Нет, уверенность и решительность не покинули меня, но я все так же стараюсь что-то понять и все так же этого не могу..." Слишком зябко ехать вот так, в пустом утреннем промерзлом автобусе, слишком зябко становится при виде замерзших окон и нахохлившихся, закутавшихся в шубы немногих пассажиров и остается... "Да, - думаю я, трясаясь в мерзлом автобусе по направлению к дому, - Лоримур, Лоримур, объясни все же, что случилось со мной..." Но кто мог сказать тогда мне, что ответ я получу намного быстрее, чем следовало ожидать?!

Пауза 4

(Э) то очередное промалчивание, новый, но в чем-то уже привычный _____ в повествовании я хотел бы посвятить самой природе такого литературного жанра, как апокриф. И размышления эти для меня сейчас не что-то отвлеченное, а сама суть, основа того, чем я занимаюсь на протяжении всего последнего времени, ведь хочется, в конце

Копотев - 9

концов, понять, что же представляют из себя эти страницы...)

Разве мог понимать я тогда, когда сама идея рассказа о жизни Лоримура впервые пришла мне в голову, чем все это обернется для моей скромной персоны? И говорю это без малейшего кокетства: если и приходится столь часто рассказывать именно о своей собственной жизни, то лишь потому, что так проще вести повествование о главном герое: ведь чем была бы моя жизнь, если бы в ней не было Лоримура? Его появление в нашем классе тогда, уже так много лет назад, завязало какой-то странный узел, перемешало множество пластов и структур, воедино связало нас всех. Даже личная моя судьба, то, что называют жизнью сердца, - и в этом есть его немалое соучастие, не знаю, стоит ли возвращаться к нашей с Верой истории, но ведь важность ее для меня в любом случае велика. Конечно, я понимаю всю кощунственность самого термина "апокриф" по отношению к этим бедным страницам и совсем не хочу сказать, что жизнь Лоримура в моем представлении в чем-то равна жизни Спасителя - сохрани, Господь, меня от этих суждений! Но понимаю я и иное. Откроем последнее издание "Литературного энциклопедического словаря", на 31 странице, во втором столбце, в самом его низу, можно прочитать: "Апокрифы (от греч. *apokryphos* - сокровенный), "отреченные книги", памятники раннехрист. и ср.век. лит-ры (мн. из них иудейского или вост. происхождения), признанные церковью неканоническими и изъятые из церк. употребления (см. Христианская литература). А. дополняют и развивают повествование Священного писания".

Блестящий пример строгого и лапидарного стиля энциклопедических изданий, мало что можно узнать из этого коротенького абзаца, если плохо понимаешь, что таится за всеми этими понятиями. Но сразу отмечу: в этом определении апокрифов интересуют меня лишь два места - это словосочетание "отреченные книги" (хотел бы я только узнать, чья разрядка) и последнее предложение, то самое, в котором "А. дополняют и развивают повествования Священного писания". Пойдем дальше, как известно, само слово "апокриф" принадлежит некоему Иринею, жившему во II веке нашей эры в галльском городе Лугудуне (ныне французском Лионе) и бывшему тамошним епископом. Известен муж этот тем, что выступал ярым противником гностицизма (о, моя философская юность!), был правоверным, более того - ортодоксальным христианином и написал большой труд, названный им "Против ересей". Что же касается возникновения интересующего нас слова, то позволю себе процитировать большой абзац из одного умного труда:

"Неканонические книги стали считаться тайными, апокрифическими тоже в конце II в. Появилось это название в период борьбы основных христианских течений с распространенной во II в. группой христиан-гностиков. Гностики сами называли свои писания секретными, применяли в своих записях криптограммы (тайна, связывающая знающих ее, понятная только избранным, вооб-

ще играла значительную роль в мироощущении первых христиан. В начале Евангелия от Фомы, найденного в Хенобоскионе, сказано: "Вот тайные слова..." Мы уже говорили о "тайной" версии Евангелия от Марка, которая почиталась некоторыми христианами в Александрии. Именно эта секретность и дала основание Иринею..." Окончание мысли вполне можно опустить, да, твердолюбый Ириней ополчился и против гностиков, и против их писаний, и вот тогда и мелькнуло, скорее всего, в его голове это слово.

Впрочем, Ириней недолго оставался один, вскоре к нему присоединился христианский писатель Тертуллиан, живший в конце II - начале III веков. Что же, слово не только странное, но и красивое.)

Приведем еще одну цитату, но уже из другого источника: "...Если мы исключим из всей суммы апокрифов, бывших в употреблении у ранних христиан., во-первых, памятники, хотя и неканонические, но по типу повествования аналогичные каноническим (каким было, по-видимому, утраченное "Евангелие от евреев"), а во-вторых, гностические тексты с характерным преобладанием учительно-медитативного элемента и полным или почти полным подавлением сюжетно-нарративного, - в остатке будут цветистые повествования на потребу массового читателя; и вот они-то удовлетворили очень устойчивую потребность и сохраняли один и тот же литературный характер в продолжение ряда столетий... Сказавшийся в них дух фольклорного вымысла не связан жестко ни с одной специфической эпохой в истории христианства..."

Прояснилось ли что-нибудь для нас? Не знаю, мне трудно судить о ком-то, кроме себя самого, для меня же здесь важны понятия "тайных, секретных, криптографических" книг в первой цитате и "цветистые повествования на потребу массового читателя" во второй. Но что, к примеру, тайного в моем повествовании о Лоримуре? Его скорее можно назвать странным (на этот раз разрядка моя) - да, это намного более точное для нашего случая определение! - странное повествование о странном человеке, причем не просто рассказ, призванный к развлечению или увеселению (тут-то и кроется связь со второй цитатой), нет - в нем есть смысл, который скрыт и от меня, рассказчика (действительно, я ведь не выдумываю то, что пишу, и не расшифровываю, скажем, какие-то имеющиеся у меня записи, нет, мне надиктовывают, а я записываю, порою сам удивляясь тому, что выходит, хотя кто диктует - этого я сказать не могу, ибо попросту не знаю), а поэтому к "странному повествованию" (опять разрядка моя) добавляется определение "криптографическое". Тут можно было бы продолжить сопоставление этой рукописи и приведенных цитат да привести еще несколько, но - думается - эта игра начинает наскучивать, и прежде всего самому повествователю. Конечно, Ириней и Тертуллиан - неплохая компания, и было бы довольно забавно самому оказаться в каком-нибудь Хенобоскионе, и чрез-

вычайно точно замечание о том, что в гностических текстах преобладает учительно-медитативный элемент, а значит - подавляется сюжетно-нарративный, но все это слишком далеко уводит нас от истории Лоримура, от последнего из известных мне, но не ставших пока еще достоянием науки апокрифов (предпоследним было "Евангелие от Иуды" - восхитительный труд ныне покойного польского писателя Генриха Панаса), скажу лишь свое резюме - любая книга, на мой взгляд, должна стремиться к тому, чтобы стать апокрифом, то есть быть чем-то неканоническим и в то же время несущим людям и историю, и какое-то учение. Да, да, учение, пусть даже закодированное в увлекательную, развлекательную форму. И должно в нем говориться о серьезных и важных для человека вещах, а что может быть важнее, чем искупление вины рода человеческого и очищение, спасение души? Конечно, все это опять лишь фразы, незамысловатая игра словесных структур, и тот же Ириней мог бы уже тысячу раз назвать мое повествование низкопробным, кощунственным и еретическим и - соответственно - потребовать для меня очистительного огня, но сейчас, восемнадцать веков спустя, хорошо известно, на чьей стороне правда, и если бы и поддержал кого Спаситель, то я уверен - не Иринея. А потому остается одно: прервать молчание, этот очередной апокрифический _____, и вновь вернуться к моему другу и к очередной главе, назвать которую я дерзнул

Любовь Лоримура (начало)

(**О** бо всем этом стало известно гораздо позднее, то есть совсем недавно. Можно сказать, что именно "любвные" страницы из "Дневников Лоримура" и послужили толчком к написанию всей этой рукописи. Тогда же, когда происходит действие основной части повествования, то есть в 1980 году, история эта была в самом разгаре, и я даже не подозревал о ней, совершая свои ритуальные обхождения нашего городского зоопарка. В руки же мне эти страницы попали лишь как аргумент в давнем споре между мной и Верой об интимной стороне жизни Лоримура - ведь Вера, совсем, казалось бы, избавившись от своих девичьих мечтаний о брате, так и не смогла до конца изжить свое чувство к нему и частенько в наших разговорах, когда они затрагивали эту тему, говорила, что просто не понимает, как Лоримур смог устоять перед ее бурным натиском, как-то раз она даже договорилась до того, что объявила его принципиальным девственником и на первый взгляд была права, ведь ничего не свидетельствовало об обратном. Лоримур избегал женщин, да они и не представляли для него никакого интереса - убеждение это бытовало долго, хотя сам я не считал, что это единственно возможная правда, и тот день, когда мне в руки попали уже упомянутые страницы из его дневника, стал днем моего триумфа над Верой. Но поста-

раюсь обойтись без прямого цитирования, а просто изложу эту историю так, как она представилась мне самому...)

Ни Вера, ни я не знали, что послужило причиной для столь быстрого отъезда Лоримура из нашего города тогда, в самом конце января, когда мы наконец-то встретились после многолетней разлуки. Ту нашу встречу я описал довольно подробно, как описал и последующие события в моей жизни. Да, я уехал в Москву, уехал искать самого себя и следы Лоримура, но если насчет первого можно сказать что-то вполне утвердительное, то Лоримура, как оказалось, надо было искать совсем в другом месте.

Я не знаю, как звали эту женщину, в дневнике стояло простое заглавное Н., что могло означать и Нина, и Наташа, и Надя, а может, инициал этот означал что-то совсем другое, например Лена или Ирина - никто сейчас уже не ответит на этот вопрос. Так что пусть Н. так и останется Н., что же касается того, как они познакомились...

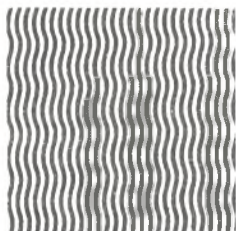
Преыдущее лето Лоримур, по своему обыкновению, проводил в странствиях. За минувшие годы своей жизни он обрел немало количество друзей и знакомых в разных районах нашей страны, но как-то так получилось, что все больше и больше тянуло его в места за границей Европы и Азии. Сибирь, Дальний Восток, Средняя Азия - о, эти районы он знал хорошо, может быть, что и отлично, а вот то, что называют нашей европейской глубиной... В общем, преыдущее лето он решил провести в одном из маленьких городков центра России, в самом что ни на есть провинциальном, довольно далеко расположенном от прекрасных скоростных дорог, с петухами в палисадниках, сонными цветками герани на окнах, невысокими домишками и пустыми магазинами. Что привело его туда? Кто сейчас может ответить на этот вопрос, скорее всего, просто любопытство, ведь на Памире и Тянь-Шане экзотики для него было куда меньше, чем в каком-нибудь Глухопупинске, и, давно найдя общий язык с молчаливыми горцами и прожженными на солнце жителями наших среднеазиатских пустынь, он мало что знал о тихой, сонной, мертвой жизни такой вот провинции. Городок же этот (пусть и впредь он будет Глухопупинском) был выбран лишь потому, что в нем жил один из его друзей - то ли геолог, то ли геофизик, а может, спелеолог или археолог, в общем, человек, встретившийся с Лоримуром на дороге в Шамбалу и быстро нашедший с ним общий язык. Кажется, именно в том самом году, когда они встретились, этот новый знакомый попал в какую-то неприятную переделку (то ли селевой поток, то ли камнепад), у него оказался поврежденным позвоночник, и Лоримур долго нес его на собственном загривке по узким горным тропкам, впрочем, сам он мало что рассказывает об этом в своих дневниках, так что не стоит накручивать холодящие кровь подробности, просто скажу, что именно к такому человеку мог приехать Лоримур летом 1979 года и поселиться на чердаке обыкновенного деревенского дома, что стоит на самой окраине городка, на речном пригорке (естественно, что в этом городке была

и речка), с которого (опять же - естественно) открывался прекрасный вид на всю округу. Чем занимались они? Дневники упоминают об этом довольно скупо, по всей видимости, тем летом Лоримур хотел наиболее точно уяснить для себя некие концепции времени да ставил какие-то эксперименты по взаимодействию собственной психики с солнечным светом - об этом остались зашифрованные записи, ключ к которым утерян навсегда. (Отчего-то мне довольно легко представить и этот домик на окраине, бревенчатый, с окрашенной охрой крышей, и запустелый двор с покосившейся банькой, и примыкающий к дому небольшой заросший участок с несколькими грядками да маленькой делянкой картошки. Утро, поют петухи, лают собаки, по улице гонят на выпас, Лоримур выходит из дома, идет на огород - к завтраку надо нарвать зелени; как сильны в нас стереотипы восприятия, ведь почему все должно быть именно так, отчего все это видится именно так?) Судя по всему, занятия упомянутыми вещами поглотили его всего, по крайней мере, если верить дневникам, то в городок Лоримур почти не выбирался. Но однажды он решил прерваться и пешком отправился в центр. Целью его прогулки был старинный храм, давно уже - еще с начала шестидесятых - закрытый для служб, но - слава Богу! - не разрушенный и даже периодически подкрашиваемый снаружи, правда, храм этот имел всемирную известность и был даже занесен в списки ЮНЕСКО, так что местному начальству не оставалось ничего иного, как выделять раз в несколько лет кисти и краску да двух местных маляров-хануриков, для которых что храм красить, что сортир - одно и то же! И вот там-то, в центре, рядом с храмом и произошла встреча Лоримура с той самой Н., имени которой ни я, ни Вера не знаем до сих пор. Было это, как уже известно, в 1979 году, а в то время алкоголь по всей стране продавался задолго до двух часов дня, и, выйдя на центральную площадь (хотя площадью этот небольшой грязный пятачок земли называть как-то стыдно), Лоримур стал свидетелем обычной для таких городков сцены: здоровенный дстина, пьяный, что называется, в дым, сжимая своими ручищами здоровенный дрын, бегал за невысокой (точнее, наверное, сказать маленькой), худенькой - девчонкой, девушкой, женщиной? Сам Лоримур употребляет в отношении той первой встречи слово "девчонка", так что мне ничего другого не остается, как продолжить предыдущее предложение таким образом: бегал за невысокой, худенькой девчонкой, видимо бывшей тоже навеселе. Вокруг стояла глазеющая толпа (впрочем, если знать вот такие маленькие городки, то толпой это назвать довольно сложно, скорее всего, там стояло не больше пяти - семи таких же поддатых зевак, не знающих, чем им себя занять, пока не подошло время снова идти в магазин за очередной поллитрой). По началу дстина бегал довольно лениво, но вот девчонка обернулась и бросила ему одно из смачных русских слов, и тогда здоровенный дрын замолотил по воздуху, и Лоримуру ничего не оставалось, как вмешаться. (Собственно о самих событиях на

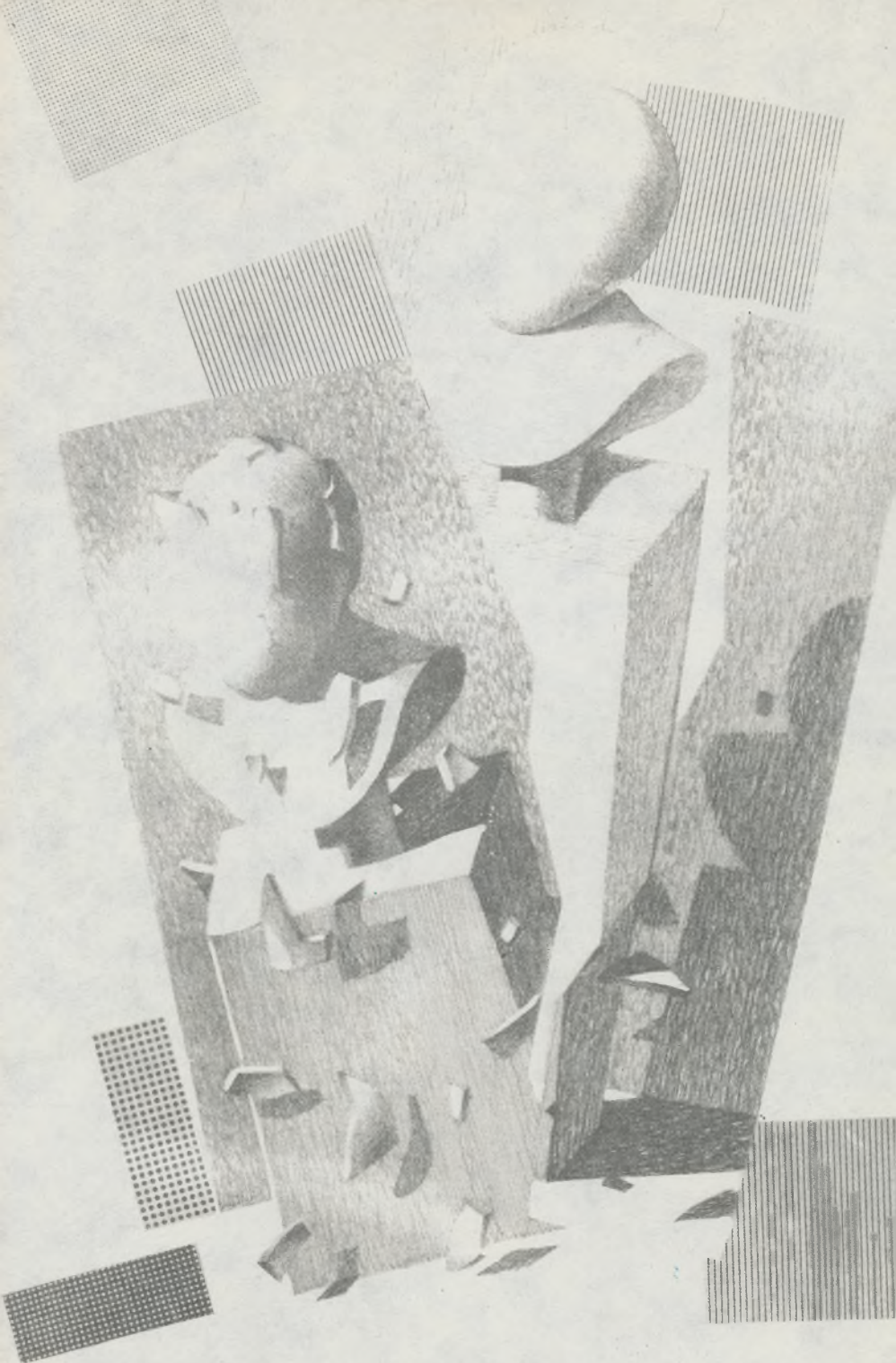
площади Лоримур умалчивает, мне же думается, что усмирить этого мужика человеку, наделенному столь разнообразными и непростыми умениями, особого труда не составляло. Опасность была в другом - всем известно, что когда наш пьяный мужик гоняет свою пьяную бабу, то в это лучше не вмешиваться, сама же баба может дать тебе по голове. А тут еще не менее пьяные зеваки - в общем, даже для Лоримура все могло кончиться достаточно плачевно, но как раз в это время в магазине кончился перерыв и все потянулись туда, а Лоримур и девчонка...) Да, Лоримур и пьяненькая, зареванная девчонка остались на этой затхлой, пыльной площади, у ступенек давно закрытого, крашеного мерзкой зеленой краской храма, являющегося национальным достоянием и внесенного даже в списки памятников мировой архитектуры ЮНЕСКО (только там этот храм себе представляли явно по-другому), и - что испытал тут Лоримур? Что испытывал, глядя на эти желтые, с поволокой глаза, капризный, чуть задранный носик, грязные, давно не мытые, но отливающие огнем рыжие волосы? Что испытывал он, глядя на высокую, колышущуюся под грязно-серым платьем грудь, на тонкую талию, на крепкие, стройные ноги? А большой рот с яркими губами и двумя рядами крепких белых зубов? Не буду пускаться в домыслы, скажу лишь одно: произведенный мною портрет Н. в момент их встречи почти дословно списан из дневников Лоримура, а дальше он писал о том, что, как оказалось, Н. была известной в этом городке, в этом Глухопупинске гулящей девицей, еще по весне брошенной мужем, уехавшим по лимитному набору то ли в Москву, то ли в Ленинград, от роду ей было всего девятнадцать годков, и первыми словами, которые услышал от нее Лоримур, были "А иди ты на...!" И кто знает, чем бы все кончилось, если бы у Н. не началось похмелье (я не специально играю словами), так что Лоримур просто не смог смотреть на это бедное, неразумное дитя в таком состоянии, зашел в магазин, купил бутылку какого-то дешевого вина и под улюлюканье уже успевших подкрепиться, а потому разомлевших и подобревших обитателей площади, включая и мужика со здоровенным дрыном, впрочем, уже где-то потерянным, повел Н. в домик своего приятеля, повел просто так, без всякой задней мысли, еще даже не предполагая, что принесет ему эта встреча. Уже по дороге Н. начала просить выпить, материлась, пыталась ударить Лоримура, кто знает, как удалось ему ее утихомирить, но они дошли до домика, и там Н. получила бутылку вина, выпила всю из горлышка и рухнула тут же, во дворе, рядом с крылечком баньки. Она спала несколько часов, а Лоримур сидел рядом и смотрел на нее, друг Лоримура, который после передрыги в горах мог передвигаться только с помощью костылей, сидел у входа в дом и смотрел на солнце, в общем, каждый занимался своим делом, а потом Н. проснулась, и ее стало тошнить прямо тут, на глазах у Лоримура и его друга, она встала на четвереньки и громко, с завыванием начала блевать, мотая головой, и ее грязные волосы, собранные и небрежно подвязан-

ные, распустились и упали в блевотину, и тогда Лоримур пошел топить баню, а натопив, поднял грязную и облеванную Н. на руки, занес в предбанник, раздел и, вытерпев очередную порцию матерщины и град ударов, понес мыть - как маленького ребенка, как безмозглую куклу, как охапку грязного белья. По его собственному признанию (206-я страница его дневника), он не почувствовал себя мужчиной, раздев Н. и окатив первым ведром горячей воды. Нет, ему надо было превратить это нечто снова в человека, а то, что у нечто есть высокая, крепкая грудь, тонкий стан и такое манящее рыже-золотистое лоно, - на это Лоримур попросту не обратил никакого внимания. Целый час он скоблил, парил и отдраивал Н., а потом вынес в предбанник, насухо вытер, одел в свои рубашку и штаны (все ее белье и серо-грязное платье этой же ночью были сожжены) и совсем осоловелую и умаянную увел спать, положив на единственный в доме диван (кровать была занята другом), и самому Лоримуру пришлось ночевать на тулупе, брошенном на пол...

(Окончание следует).

"РОКОВОЙ ПОЕДИНОК, ИЛИ МУЖ И ЖЕНА ОДНА САНА" -

второй выпуск серии
БИБЛИОТЕКА ЧЕЛОВЕКА, "91",
открывающий "Черную коллекцию" этой
серии.

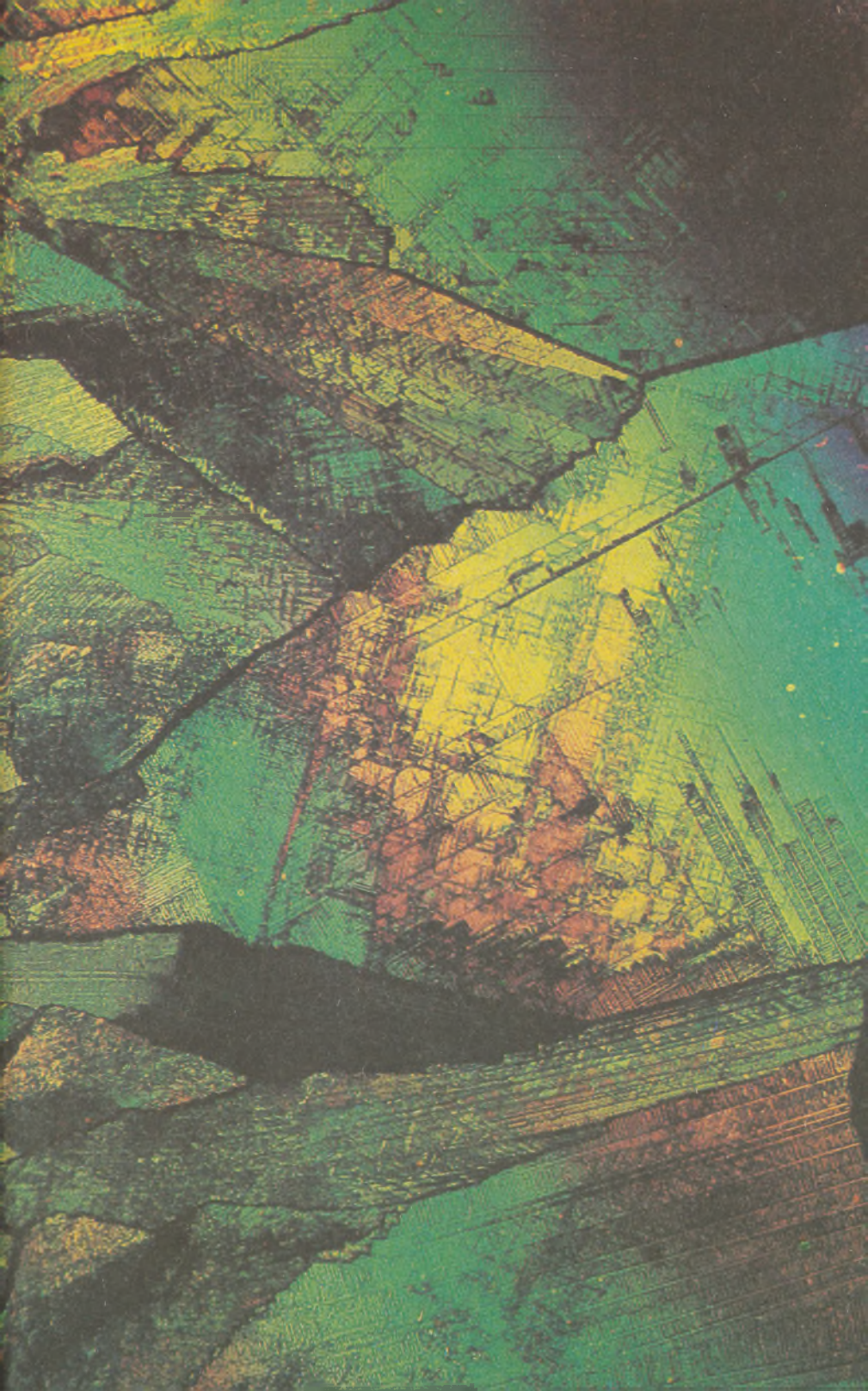
Сборник из 17 страшных рассказов зарубежных писателей посвящен взаимоотношениям супругов, а точнее, той их фазе, когда один из супругов принимает решение физически устранить другого. Хотя рассказы объединены одним жанром, по настроению они различны - от крайне драматичных до забавных, в духе "черного юмора".

Авторы "РОКОВОГО ПОЕДИНКА" -
Дж. Стрит, К. Б. Гилфорд, Д. Кортес,
Р. Старк, Д. Крейг, Д. Ричи, Р. Брэд-
бери, Д. Ланджелан, Н. Мейлер и др.

Приблизительный объем книги - 300 страниц, формат 70x108/32, ориентировочная цена 7 рублей. Предварительные заявки на книгу можно сделать по адресу:

620086, Свердловск, ул. Посадская, 44
корп. 1, кв. 48. Независимое издательское
предприятие "91".

Книга будет рассылаться по почте на-
ложенным платежом.

Выражение "ночная жизнь" не для всех притягательно. Многих оно отвращает подразумеваемым привкусом загнивания. Тех, которые совсем доспели - если сказано: "Плод запретный!", так сладость даже не пригрезится. Рот наполнится слюной не в предвкушении, а для дисциплинированного плевок на что укажут.

С третьей сменой ночная жизнь плохо вяжется, несмотря на двойной тариф. Как-то принято считать, что это не жизнь.

Так всякий бодрствующий, пока солнце греет планете другие места, либо не от хорошей жизни занят этим, либо бесится с жиру, прожигая ее.

Еще такие варианты: или готовит злодеяние, или мается, оно свершив.

Ну, для влюбленных исключение, особенно в каникулы. Да еще космонавты, у тех все особенному, что хотят, то и делают с временами суток.

Короче, ненормально это - не спать, когда есть возможность. Пусть ты влюбленный злодей, прожигающий жизнь по долгу службы, - ненормально это, неестественно как бы. Дерзковато и вызывающе - соглядывать там, где положены закрытые глаза.

Ночь - перемена декораций. Или ты премьер - актерствуешь при ярком свете, или монтировщик - таскаешь тяжести в пыли и тьме кулис.

В массе все - творцы, поэтому декорации меняются редко. Если уснул лицом в салате, то просыпаешься в нем же, слегка подкисшем только. Конечно, утро - мудреннее, проблемы за ночь потускнели, не так остры, не неотложны, и все ходы видны вперед - ты снова главнотворящее лицо (со следами бывшего салата).

Только что-то в голове мозжит - мозжечок, наверное? Или потрескалась кора от резких перепадов? Трещинка-то наверняка мелкая, вздорная, но, кому не лень, с самого утра замечают, подчеркивают и выпячивают:

- Ты всегда был глуп, как дуб, но сегодня просто в рамки не лезешь!

- Пробка пробкой! Глазами лупает, будто думает...видишь? Но он не думает, он просто лупает, можешь мне поверить...

Хочется им возразить, что сравнения неудачны, что у пробкового дуба кора на вес куда ценнее нашей, но удаётся воздержаться.

Ночная заковыка, занудная занозка, будет теперь диктовать свое весь день. Недаром народ за-

метил, что ночная кукушка, как правило, дневную перекукуывает.

И потом, обратите внимание, день - проходит, а ночь - приходит. Наоборот бывает редко.

Они, конечно, регулярно кружат друг за другом, делая это вовсе не для нас, но раз уж мы тут, то замечаем для себя: день проходит (как бы мимо), а ночь - каждый раз с претензией (как бы навсегда).

Она хитра. Она является и пытается положить предел дневным делам и заботам, как тень той силы, что кладет предел делам и заботам отдельно взятого частного бытия; она пытается раздробить людской род на отчаявшиеся осколки и оставить их наедине со своей разбитостью.

Но, поскольку она лишь тень, мучительное - жизнь конечна, так зачем она? - преломляется таким бытовым неврозом: зачем бриться сейчас, если к завтра обрастешь? Или, наоборот, краситься? Умываться? Одеваться?

Есть вроде бы тоже бессмысленно, но пока трудно надолго расставаться с этой бессмыслицей.

А чтобы не расставаться с ней, надо опять вовремя успевать на работу.

То, что твоя работа - полнейший вздор, тебе доказано давно и неопровержимо. Исполняешь ее ты или другой - ничего не меняется.

Захочешь, чтоб менялось, - точно будет другой поспевать вовремя на то же место.

"Какая радостная встреча!" "Смотрите, кто пришел!" Ну, радостная - значит, прощание будет безрадостным. Ну, при-

шел, пришла, пришло, пришли, - так же и уйдут, а тарелки останутся.

Конечно, можно их не мыть - завтра кто-нибудь еще припрется.

А сейчас - хочется спать, хоть и невозможно отоспаться раз и навсегда, разве что потом - когда раз и навсегда отбодруешь.

Сны вместо раскованного "сюра" с мимолетным исполнением желаний утыкают тебя в мусорное ведро, которое не имеет даже мимолетного желания высыпаться, и ты колотишь его об край контейнера всю ночь, пока из него не вываливается работающая бензопила "Дружба".

Это будильник исполнил свой долг.

Встала из мрака младая с глазами опухшими Эос.

В зеркало можно не смотреть - принципиально нового там пока нет.

Но интересно: рожа там вроде та же, но тот ли это я, кто засыпал вчера?

Видимо, да, если засыпал именно тот, кто вставал вчера утром. Не дозрел еще до каинова отказа: "Разве я страж себе вчерашнему?"

Трудно не поддаваться дробящему тебя молоту. Прочен или не очень, кардинальный выход тут один - самому перехватить ручку его.

А чтобы смочь - надо быть неким целым, неким единым, неким самотождественным...

В каком усилии можно свети и склеить все дребезги души? Нашей неделимой, единой и, хотелось бы верить, бессмертной.

Хотелось бы, несмотря на лавину противных примеров распадающихся душ при плохо живущем теле. Куда, к черту, в бессмертие вместе с такими душками.

И потом, в состоянии вечном и нетленном нет места тому, что мы тут напыщенно называем нравственностью. Она и здесь едва себе место находит, а там - убийца уже не убийца - нет такого понятия. Предатель тоже не есть он: все равны, и все едины, и в запасе вечность - не бывает, значит, первых и вторых, нельзя не успеть чего-то, отстаивать тоже нечего. Всякая самоотверженность и тому подобное тоже теряет смысл.

Да, в общем, все там теряет смысл... Безрадостный энтропический заповедник.

То ли дело тут - в дурацком нашем мире!

Иногда нашем, иногда - не нашем, он может быть и таким, и таким... от нас же зависит...иногда.

Вот пространство - старое доброе евклидово, не какое-нибудь. Как мы в нем располагаемся?

Оно - наше, наполненное дыханием, голосом, пронизанное свободными точными жестами, послушное, пластичное продолжение наших тел и воли?

Открытое взгляду до самых дальних вселенских маяков, мерцающих о том, что все в порядке в твоих владениях...

Или оно чужое, немилосердное, как наждак? Так неуместны в нем твои сходящие на нет телодвижения. Не трепыхаться, сойти на ноль, выро-

диться в точку...

Взгляд не поднять - вокруг господствуют другие, враждебные взгляды.

Все меньше объем твоих легких, уже просветы сосудов, все меньше степеней свободы дают коснеющие суставы.

А время? Оно еще своенравней пространства. Ему, видите ли, только вперед! И нас тащит, вовсе не спрашивая, а на наши суетные вопросы отвечая грубо и невпопад.

Секунды выигрывать и делать их своими еще трудней, чем миллиметры. Но и с ними можно по-свойски.

Можно не только сократить, но и увеличивать свой срок пребывания, и дело не только в том, предпочтешь ты алкоголь или аэробiku.

Взвинтишься до инфаркта или рассмеешься от очередного несовершенства жизни?

Иззавидуешься до язвы или согреешься радостью за других?

Что прорастет на зеленом сукне твоего стола: вечнозеленость или суконность?

А что тебе миг - пылинки мимолетности или бурная многоактная драма с антрактами, поклонами и мандаринами в буфете?

И если череда живых людей воспринимается только как препятствие, которое надо преодолеть и выиграть порцию времени и быть первым снова и снова, то кто знает, что ты растряс в таком барьерном беге и не дисквалифицирован ли уже судьбой?

На отчужденные и освоенные кусочки распадается ткань нашей жизни. Живые лоскут-

ки разбросаны по туше города, застряли в ее складках, повисли в неожиданных местах.

Капканы лифтов, кишки метро, автоматокоррида на каждом перекрестке, кошки-мышки темных подворотен, skleпы контор, присутственных мест - все это не жизнь, а хрящ, опалубка, протезы... Это условия наши. Условия необходимые, но недостаточные.

А вот достаточность, недостаточность - это что? Чья? Чего? Из-за какой такой недостаточности рвется, дробится, мельчает теплое, живое, человечье?

Как фрагменты ярчайшего фильма - с цветом, музыкой и смыслом, растерзанного цензорами-коновалами, дрожат на цементном полу, свиваясь в тусклые целлулоидные спиральки, так и наши достойнейшие проявления (истории, сюжеты, поступки), мелькнув, летят под швабру, и если не теряются совсем, то после годятся лишь на то, чтоб глянуть на просвет и умилиться.

Варианты: не узнать, разрыдаться, удивиться...

А ночь приходит и отбирает последние крохи. Представьте ее, в которой погасли все окна.

Встали поезда на рельсах, чтоб двинуться только с рассветом.

Молчит эфир.

Бланки срочных телеграмм хранят свою чистоту до утра.

Не перемигиваются в небе лайнеры своими секретными кодами.

Невосприимчивы 01,02,03, и даже автоответчик отвечает сонным храпом.

Бетон, залитый с вечера,

разжижился до звуков гимна...

Глухая ночь, слепая, хищная, выводит на охоту своих исчадий на горе всем уснувшим на ветках, забывшимся в норках и панельных коробках.

Хищная, как клякса, разрастаясь по листу, обволакивает чернотой написанное - буквы, смысл...

Но щупальца ее натываются на скорбный бессонный вопросительный знак - на тебя - и отползают.

Совсем рядом ее поползновение пресекли восклицательные, а чуть дальше сосредоточенные скобки ограничили ее волю, а там - ехидные кавычки принялись потрошить и выворачивать наизнанку, и многозначительная дробь многоточий пробивала дыры.

Много найдется для нее препинаний.

Мирно мурлыкает в ванной за стенкой сосед. Он думает, что завтра Пасха, поэтому бреется наголо и красится зеленой. Пусть, лишь бы не сунулся в кипяток.

Другой - безумный - сосед протискивается в мусоропровод в надежде настичь наконец большого Белого Таракана - воплощение коммунального зла.

Большинство же спит и видит во сне ночную жизнь. Сны сладки и постыдны - так они восстанавливают работоспособность.

Их не надо спасать от крадущихся пещерных и саблезубых, они не поймут, не одобряют, если их разбудить.

В полнолуние ночи еще глуше.

Хочется выть.

Схожие души должны отозваться.

В несхожих родится догадка: от тоски.

Неправда! От восторга, оттого, что живем, а не спим. Оттого, что перебудем эту ночь и все другие, и как приятно забыться, уже увидев солнце, а защищенная от ночных призраков стая, не зная того, будет топтать, хлопать дверями, прогревать моторы, пылесосить, вгонять в бетон дюбели над самой головой.

Пусть резвятся. Им много хуже - в них живет страх ночи и той силы, чья она тень.

А теперь надо отключиться от утреннего шума и набрать много сил для трудного и долгого доказательства, что этот страх преодолим.

х х х

Еще в детстве он пытался взглянуть на свой мир не как другие. В книгах, которые читали ему перед сном, было написано, что ночью все изменится и начинает жить по иным, не как днем, законам.

Но взрослые ночью спали. Кроме, может, тех, кто пишет книги. Взрослые ложились позже, но спали - сами отказывались от возможности увидеть дом другим, вещи другими, фонари за окном и себя тоже.

Самым трудным оказалось вырваться из привычки. Ложа в кроватку, он быстро засыпал. Любопытство недолго боролось с тягучими сумерками и угасало. Впереди ждал обычный с привычными радостями день.

Слишком рано он узнал не-

довольство неисполненным и свою слабость.

Вот однажды на помощь прилетела птица. Она постучалась в стекло, распластала крылья, и в комнате стало совсем темно.

Когда испуг прошел, действительно все оказалось другим, незнакомым.

Совсем нестрашным - спокойным, независимым.

Он любил эти вещи за то, что такими их никто еще не видел, - он это знал!

Захотелось дарить свой новый взгляд - сверстникам, чтобы помолчали и удивились, взрослым, чтобы они сказали:

- О, да ты совсем большой! Может, разрешат ложиться по-позже?

Или это никому не интересно? Лишние хлопоты для серьезных и озабоченных?

Или просто этого мало - на всех, по крайней мере? И, чтобы не влипая со своими подарками, надо иметь представление, что кому нужно, а что - лишнее.

В школе, в урочное время, он вместо сочинения о лишних людях в темном царстве накатал что-то невразумительное про городскую свалку и заслуженно получил "кол". А всего-то и хотел сказать, что, мол, нехорошо, если для человечества лишнее - все, кроме своей персоны. Да много лишних слов затратил.

Вскоре его научили не растрачиваться и не разбрасываться.

- Не теряй времени понапрасну!

- Выбирай что-то одно!

- Нельзя сидеть на двух стульях. Нельзя гоняться за

двумя зайцами. Тем более обнимать необъятное и возвращать невозвратное.

Убедив, что Бога нет, говорили:

- Служить надо одному Богу!

При этом подмигивали, и у него голова шла кругом: принять как шутку или искать второй смысл? В произнесенном сейчас или в сказанном ранее?

- Для тебя нет ничего святого! - возмущались еще.

- Надо быть нацеленным и устремленным! - внушали.

Но ему не хотелось походить на подлую пулю-дуру. А стрелена, по городскому невежеству, он путал с шорами и удилами.

- Как же нет святого? - отвечал. - Смотрите - выросло дерево, раздробило черными ветвями белесую муть над землей. Смотрите вверх - ветвится молния. Взгляните вниз, хотя бы с самолета, - там сети полноводных дельт... И голубые вены в нас самих текут, живут, несут жизнь.

- О чем ты? Не видели, не могли увидеть.

- Времени мало, выбирай!

Но он по-своему молился идолам Времени и Выбора. Наверное, идолы, как музы, не терпят суеты и благоволят несуетным.

Однажды на развилке трех дорог он получил редкий Дар.

Отщепились от него два слепка, вздохнули самостоятельно и зашагали по крайним дорогам, предоставив прообразу среднюю.

И дальше на любом распутье стоило заколсбаться,

слепок с себя шел и проживал то, что не могло и не успевало.

И делал это так, чтоб не жалелось.

Один остался на родине, другой уехал на чужбину. А там один бежал от брюнетки, другой - за блондинкой. Дома же - наоборот - третий от правосудия, четвертый - от себя.

Пути ветвились, и плодились слепки-двойники.

Вечная драма выбора разрешалась актом размножения.

Некоторые из них гибли в свисах судьбы, другие - в логике избранного слепого отростка. Правда, некоторые и перед гибелью успевали отпочковать жизнеспособную стрелку.

Пришло время, плоды стали созревать. Листья пожелтели, свернулись в трубочки и загнулись под ветром. Но увядающий орган так и не родил мелодии. Листья слетели, и оказалось, что плодов гораздо меньше, чем было завязей. По две, по двадцать слились в одно.

Захлопывались веера, опадали павлиньи хвосты - перышко к перышку.

Складывались слепки как матрешки, отличающиеся только величиной.

Те же, что остались, не поглотились взаимно, наоборот, ни малейшего сходства не обнаруживали.

Первичные шарики-коацерватки сейчас, после эволюции, тоже друг друга не признали бы.

Будучи не совсем еще зрелыми, не хотели признавать они ни общих ветвей, ни общих корней. Разница мело-

чей колола им глаза, как разведенные ножницы.

Нелегко было прообразу опознать всех себя, иногда обезображенных до неузнаваемости: это я, и это я, только в глазах других, а это - совсем уж не похоже на меня, но если перенести чуть дальше взгляд, за частоколом разниц можно разглядеть то, что объединит всех.

Перегруженный, раздираемый, воссоединился прототип. Сначала тяжесть придавила его к земле, и почувствовал он себя усталым, дотла выгоревшим куском шлака, которому остается лишь остывать.

Однако масса жизней, обычно рассеянная, распыленная, а здесь так плотно спрессованная, неизбежно сливалась в критическую.

И на дальнейшее остался один выбор: быть совершенным боевым механизмом или вечным источником тепла и света.

В последний раз сплелся и расплелся узел дорог, и оказался он у черты, проведенной поперек, а под ней - той же костлявой рукой было выведено: "Итого".

Сама писавшая сидела на обочине в своем саване, черных лоснящихся нарукавниках и, отложив косу, щелкала своими костяшками счет.

- Проходи!- буркнула, не поднимая глазниц.- Ну, чего встал? Не по моему ведомству.

И вдруг сорвалась - раздражено, визгливо:

- Вот ты у меня уже где! Навязался, сволочь! Мотай давай, не задерживай других!

Тот, из огромного своего

опыта исходя, полагал, что подобные встречи должны все же обставляться как-то иначе.

- Но куда проходить? Разве тут не конец?

- Слово какое придумали, козлы...Я же вас, голубчиков, не в конце ловлю, а на поворотах, на развилках, в тупиках...Когда сюда добираются, уже почти все ясно...Я люблю ясность, а ты мне все запутал, паразит! А с меня, может, тоже спрашивают. Я тут всех в поте лица примиряю, списываю - кто, где, чего напакостил, всем назначаю истинную цену, а что за это имею? Проклятья и насмешки...

- Интересно, какова же моя цена?

- Интересно ему... От таких - один разор. Сам посчитай: страх непрожитого отбросим, - она защелкала на счетах, - груз пережитого не поддается учету. Невозвратимость ошибок тоже в минус. Убыток мне!

Но твоя заслуга тут невелика, не лыбьса слитком. Это вечный дятел виноват. И сама, конечно, дура...

- Кто? Какой дятел?

- Да не дятел он - ворон! Но зануда страшный...Кому захочешь темя прокляует...

Он вспомнил давнего доброго ночного гостя.

Когда уставали глаза от ярких сновидений, тот прилетал и затенял их своими крыльями и что-то расспрашивал и объяснял. Утром все вспоминалось неточно, обрывки фраз путались в голове, но душе было уютно и тепло.

"...Мир будет скорбеть о тебе...", "... жизнь не отпустит тебя надолго...". Немного сму-

щала высокопарная прямота, но верилось, что это возможно.

Или еще о словах был странный разговор. Об их повадках и следах.

О древнем магическом страхе - нельзя называть имя зверя, нельзя называть имя духа, нельзя открывать свое имя, нельзя кликать беду!

Еще в школе, до Выбора, он танцевал на вечере с тоненькой дикой девчонкой. Она неумело курила, и в темном коридоре заслонялась от него зажженной сигаретой, и что-то пыталась писать на полупустой пачке, и шептала ему:

- Только не говори, ничего не говори. "Мысль изреченная есть ложь"... Не надо ее.

- Нет! - заспорил он. - Поэт изрек эту мысль, значит, сам солгал! Я думаю, неизреченная мысль еще не есть мысль.

- Вначале было слово! - Донеслось с соседнего подоконника. - Но слово было убого. Условно было - Бог! - Произнес свое веское классный эрудит, победитель олимпиад по чистописанию.

Он засмеялся, а она вздохнула.

- Не понимаешь...нет, понимаешь - не чувствуешь.

Они тогда закусили губы и не рассорились.

А возле ее дома удивились вкусу крови в поцелуе. И не решались еще.

Она срывала ногтями старую афишу с забора. Тянула узкими полосками и слушала, ежась, рвущий звук.

А когда он спросил:

- Зачем?

Ответила:

- Это кожа... - и заплакала.

За пол-улицы и сквер было слышно, как классный пьяный эрудит цитирует свое писание:

- Ибо я - пуп Земли, и если пуп Земли опустеет, что же сделает его пупырышчатым?!

А классный трезвый хулиган подыгрывает на гитаре одним аккордом.

В ту ночь, вернувшись домой, он не смог уснуть, и птица появилась наяву.

- Та красота, которую ты научился видеть, но которой нет, если ее не видишь, - хочешь ты служить ей?

Чудесные и зыбкие миры, в которые ты сейчас уходишь от меня, - хочешь ли, чтоб стали живыми клетками большого мира?

Чем, кроме слов, ты можешь вскормить их? Одеть, вооружить и дать им волю?

Не самостоятельность ли порождений пугает создателя?

Дать имя столь же важно, как отделить свет от тьмы, но ты произносишь слово - и вызываешь демона.

Он приходит, неуступчивый, и помыкает тобой. Властвует, господствует, и ты, улучив момент, бормочешь другие слова, противные первым, и могучие духи, столкнувшись, обращаются грязью, ну а грязь можно сплунуть с языка.

Или душа человеческая (итвоя), ранимая, текучая и вечно молодая, - боится породить уродцев - чужих, и грубых, и непохожих на тех, о которых мечталось, - и нянчиться с ними?

Не лучше ли остаться молодой?

В самом деле, вот неуклю-

жий недоносок "люблю" вдруг выползает и может затоптать едва затлевшее чувство. Отнимает тайну, игру, свежесть, воздух, и все...

Но ты сам знаешь, бывает "люблю" как кристалл - сколок ограненной души. Не вмещаясь в нем, то, что названо, рвется наружу и порождает другие слова.

Ты их, конечно, читал. Вот же они - у тебя на полках.

Те, кто все это написал, находили самые точные слова.

Именно поэтому их плохо понимали при жизни...

Что отвечал ворону, не помнил - сон все-таки сморил его, сон налетел из-за края света, засыпал глаза песком, спек губы. Стало больно и радостно оттого, что дорога только начиналась и вся боль и радость были впереди.

- Не надо было мне спорить с дятлом! - продолжала собеседница. - Да ставка большая была на тебя. Хотела разом дела поправить...

Он хотел спросить о тех, кто ему дорог, с кем и можно ли надеяться на встречу, но та слушать даже не захотела, засохла, мослами замахала.

- Да я б знала - не сказала! Из-за тебя же у меня все перепуталось! Раньше вот - порядок был...

Плюнув на цифры и растерев пяткой, стала пересчитывать.

- Раз проиграла - все пойдет кувырком. Ну, иди, не по моему ведомству. К дятлу - у них, у вечных, своя бухгалтерия.

- У вечных?! - не ослышался он.

- Да! Не ущербных же!

Иди, говорят!

И напоследок, не удержавшись с досады, поддала ему берцовую костью под зад.

х х х

На краю света шел дождь. Бессильно долбил иссохшую землю и всхлипывал. Мольба и жизнь его бесследно пропадали в трещинах земли и под каменными плитами.

Так и ушел он, оставив по себе запах тополиных ранних почек, распутившихся глухой ночью; но кончится цветущая эта ночь, встанет беспомощное солнце, нет, встанет доброе солнце, но слишком высоко смотрит оно и не заметит, как придется гибнуть запоздалым листьям.

И не заметит никто - а что особенного? - еще раз опали листья. Но запах этот грустный останется, не отбиться от него.

Прошел дождь на краю света, ничего особенного, еще один дождь.

Седой сфинкс взглянул в глаза трепещущему солнцу. Как всегда, раз в сутки, когда солнце изволило оказаться перед его лицом. Короткий поединок, и отвело взгляд опять солнце.

- Здравствуй, ты все молчишь? - спросила сфинкса подползшая змея. - Я вижу, тебе тяжело. Ты вспомни сказку о том, как мальчика давила на смерть Страшная Тайна и он вырыл ямку и рассказал земле то, что лежало у него на сердце.

- Помогло? - спросил сфинкс.

- Помогло, - ответила змея.

Тихий шелестящий смех, будто далекая осыпь сползла в ущелье.

- Я знаю конец этой сказки. Он не такой, как хотелось бы тебе. Из ямки выросло деревце, из деревца сделали дудочку, из дудочки вырвалась на волю Страшная Тайна, и молодому болтуну отрубили голову.

Глаза сфинкса стали как лед - тот, который не пускает. Можно биться в него, дышать, прожигать кровью из разбитых рук, но слишком много его, слишком холоден он - не пускает. Отрезал мир раз и навсегда.

- Я слышала, в сказке его помиловали, - возразила змея.

- В сказке - может быть, но в жизни ему отрубили голову. Я сам приказал тогда, давно, когда был живым королем. Хотя та тайна не касалась меня, я не любил болтунов... Что ты хочешь знать, змея?

- Многое... Мне надо слушать твои слова.

- Зачем?

- Для яду. Ты должен знать такие слова, которые как яд. Слышишь? За горизонтом лают собаки. Их много, они лают долго, рвут жертву по кусочкам слюнявыми челюстями, пока та не подохнет. А я молчу и кусаю однажды. Я ненавижу собак.

Долго говорили они на краю земли, где хитрые камни глушат голос, где морщинистая земля крадет звуки, не дает им лететь дальше, потому что дальше некуда.

Вспомнил сфинкс тот день, когда к нему пришла власть, налившая тяжестью любые его

слова - самые пустые и вздорные. Шел дождь в день коронации, и мраморные статуи в королевском парке защищали лица от брызг руками.

В подвале угловой башни, где охлаждали вино для пира, заметил он в толще льда смутную тень.

Рубил мутную глыбу мечом, руками разгребал острые осколки, уже можно стало различить замороженную в лед женскую фигуру. Своим дыханием король полировал раскрошенную поверхность, чтобы разглядеть лицо. И когда отогрел он ее глаза, улыбнулась ему эта женщина, повернулась и ушла.

Поплыли по ледяному зеркалу розовые разводы - очень уж остры осколки льда. Тут почувствовал он, что сам заморожен в жесткий кристалл, - ни вздохнуть, ни повернуться. Очень прочна ледяная преграда. И холодна. Кажется, ничто не может разрушить даже тонкую ее корочку.

Верные слуги вынесли его из подвала, выходили. Но не смог король забыть тот странный сон. Или не сон? Кто мог сказать? Никто, только она сама, приснившаяся или бывшая, могла ответить.

Решил король найти ее.

И нашел.

- Теперь смотри не потеряй опять, - предупредила она. Он молча кивнул и молча делал все, чтобы понять, кто она такая.

Но все больше хрустких ломких иголочек оседало в его душе.

А мраморные статуи в парке крошились и сыпались на зем-

лю. Замшелые башни замка устало наклонились друг к другу. Все рушилось на глазах короля, но он не пытался вмешаться.

- Ты все делаешь для меня, но когда хоть что-нибудь скажешь?

Король пожал плечами.

- Я так не могу. Я ухожу. Есть слова, которые меня могут остановить, но к тебе они не придут или придут слишком поздно. Так хоть пиши.

Он писал, как мог. Вкладывал в конверт хрупкую неуверенность, заливал сургучом и отправлял ей. А письма от нее складывал в резной секретер и не чувствовал, что стареет.

Но наступила ночь, когда резная дверца дрогнула, выгнулась, и из-за нее, шипя, поползли письма. Они раздували белые капюшоны конвертов, шуршали хвостами, и раздвоенные шнуры языков тянулись к ногам короля.

Укушенный, он с воем бежал по темным галереям и переходам опустевшего замка, пока не упал на ступени и не почувствовал, что каменеет. Еле дополз он на край света и стал там сфинксом.

Иногда сюда приходят те, кто думает, что он все знает, и

требуют ответа на разные вопросы.

- А ты все молчишь, - закончила за него змея. - И если раньше твоё молчание обзывали упрямством, то теперь именуют Великой Тайной.

- Но у меня никогда не было тайны, даже самой маленькой.

- Поэтому ты казнил тех, у кого она была?

- Нет, только тех, кто не мог ее сберечь. Но если бы кто узнал, что у меня нет тайны, я бы умер.

- Значит, она все же была.

- Может быть. Но теперь уже и это неважно.

Закончился день, закончился еще один разговор. Уползла змея в одну сторону, а сфинкс остался стоять.

Стоять и смотреть себе под ноги. На толщу земли, в которую бесследно сочится дождь и несет в себе осколки бесценной мозаики - слов, которые могут все.

Там, в безнадежной глубине, скапливаются, сливаются, образуются сокровища. Редко, очень редко вовремя и нужные приходят они, но они есть - хотя бы и на краю земли, хотя бы и в памяти молчащего сфинкса, - слова, которые могут все.

Человек, предавший бумаге, как предают земле или охранке, расположенные ниже (пояса) буквы, писал недавно (удивительно русское по своей неопределенности наречие) о том, насколько наше осознание, что ли, этой страны зависит от нашего знакомства с (внешним) видом В.И.Ленина. Можно сколь угодно аналитично разделить под орех (или - для вкуса - желудь) известную философскую систему, можно дочитать пять с чем их там десятков синеньких томов до желания сесть под иву (на берегу, понятно), неспешно соорудить из каждого листочка по кораблику и отправить их плавать вверх=вниз по течению, можно и, судя по всему, нужно здесь жить, ежедневно испытывая это "здесь" на своей шкуре, но если ты не видел его портретов и фотографий, ты не можешь относиться ко всему этому с должным юмором. Наверное, это свойство политики и, шире, всего внешне-

Все внутреннее (в частности, графомания) должно соответственно обладать свойствами противоположными. Здесь создатель обязан как раз оставаться в тени, таиться, зыркать из-за угла, а то и бросить кошелек на ниточке, дернуть его из-под носа не осведомленного в наших прикидах прохожего, чингачгуково гикая. Допустимы, конечно, дурацкие дневники и локальные фотографии, но, согласитесь, лучший снимок Льва Толстого или Платонова отличается от худшего снимка Ленина полной своей гносеологической ничемностью: что есть он, что (его) нет. Берется обыкновенный пролонгированный кот, делается буридановым: с одной стороны располагается сотня фотографий какого-никакого Пастернака, с другой - сотня фотографий Ленина (В.И.). На Пастернака кот в лучшем случае лениво зыркнет (мой родной язык с удовольствием допустит такие сочетания - лениво зыркнет, - казалось бы, зыркность ленивости противопоказана, ан нет), ну м. б. удивится: чего это тут понавалили? На Ленина же посмотрит понятно и согласно покивает

башочкой: да-да, именно это с нами и происходит... Но это так, к слову.

Действие, очевидно, имеет быть в городе, а город - структура сугубая. Вокзал, время прибытия, недлинная местная ветка, усеянная гусеницами электричек; перрон, торговля курой и яйцом и загнившей минералкой; длинный переход, зассано-засрано, окурки-газеты; дальше - голос информатора (Пилат современности, капризно казнящий и милующий приглянувшиеся/неприглянувшиеся группы пассажиров; Несущий весть, который, однако, не будет убит за дурную, ибо ловко сокрыт хитрым искусством радио; выписанные на бумажку, подряд, его высказывания - авангардное произведение, концептуальный железнодорожный романс с ультрафиолетовой гаммой чувств при нищенстве выразительных средств); торговля кооперативная; цивилизованная - бычья шея и воловьи глаза, толпа у такси (при развитой мифологии - бродячий сюжет для сотен полотен); киоск звукозаписи (людям нужны звуки), чрево урны, папироса дворника, вздох синявки; дальше - троллейбус-автобус, покупка газет (на закрутку, на завертку, на кроссворды); афиша клуба - дрянная гуашь по дрянному картону приглашает в сарай полюбоваться закордонными баснями; художественная глыба гранита (единство фронта и тыла; фронта художественной шашки и тыла назначающих здесь безнадёжные встречи); стройотрядовцы - представители чудной популяции "человек советский" (склонен к знакам отличия и коллективному труду); дальше - пемзовые лица прохожих, окна-окна, балконы-балконы, на которых (на балконах и окнах) любили висеть (виснуть!) - связки сушеной рыбы, нечаявшей дожить до пивного дефицита, позже - сушеных грибов, ныне - синее большое белье; дальше - аптека, фонарь, маленький рыночек, где скользит по бабушкиной тарелке пузатенький-таки еще огурец, премного соленый; городское животное строится вдоль стеночки; зубная клиника; "Одежда", домовая кухня, "Парфюмерия" (россыпь мелких флаконов на крыльце - до подворотни уже не дотерпеть); диетическое кафе спорит склизкостью блюд с вегетарианской столовой; консультация - женская и юридическая - некоторое время решают, в каком порядке расположиться... дымы: табачный, влажный и, для ритма, шашлычный, почта-телеграф-телефон,- вот так, слово за слово, как зубья соседних шестеренок, как "православие-самодержавие-народность", крепко, солидно, важно... квасная бочка без очереди, потому что без кваса; кинотеатр, где всегда хорошие фильмы и плохая к ним публика (железнодорожная выборка); кучка цыган с вечным, едва не библейским вопросом: "Спросить можно?"; дальше - светофор со свистком (рядом - дом слабовидящих); выгул крупного ньюфаундленда без намордника, приглашение на работу каменщиков и стропальщиков; гастроном, где торгуется длинными макаронами, и винный отдел, где торгуется дулей, солдат с увольнительной ксивой в кармане, он

смотрит на гуляющие ноги; ноги пошли крупным планом - брюки, юбки, штаны, сапоги, мокроступы, конверсионные кеды, тень пролонгированного кота: мы заметили его глазом солдата; дальше - в луже отражается окно последнего этажа и плавает фантик, притягивает взгляды импортный автомобиль: короткое замыкание, раскоряченные взгляды растягивали улицу, будто канаты, теперь они сбились в кучу, накренили пространство, город качнулся... это и есть энергетический узел, из которых, собственно, и складывается город. Энергетический узел - это общий для города ритм чередования лавок (цитата из "Дара"), или перекресток, на котором я когда-то кого-то круто встретил, или как-то хитро отколупанная краска на водосточной трубе, или когда мы с Сашей видим перед собой двух голоного гуляющих девушек, и Саша говорит, что они сейчас сядут на скамейку-качели у "Кулинарии", станут качаться и курить: и им ничего не остается делать, они садятся на скамейку-качели, качаются и курят; в "Кулинарии" прохлада и пустота, в газетах - смешная серьезность; в небе - предметы; дальше - нарушение привычной динамики, хронологические заморочки, то ли деньги меняют цвет, то ли сигареты запах; заторможенная артикуляция, деревья уменьшаются в росте и толстеют в талии; птицы картавят и как-то проецируются сами на себя, дыхание подстраивается под новый ритм без труда, но с неудовольствием; склон, полный камней и маленьких разноцветных цветов, рядом сидит молодая еврейка, прямо внизу раскадровка панорамы Иерусалима, терпкос, чуть липкое марево колышится и звучит...

Молодая еврейка. Мы познакомились на какой-то пьянке в тихой, но малознакомой компании, так случилось, что я мог ее рассмотреть очень близко; очень близко и почти в темноте, что, наверное, усугубило картинку. Пару дней я подбирал слово, потом подобрал: жирные черты лица. Не в смысле сальные, не в кулинарном смысле, а как-то как у Мандельштама: "печаль моя жирна", "весомый и жирный интим", "золотые созвездий жиры", вот из этого гнезда. Жирные - очень проявленные, что ли. Жирный карандаш, угольный фломастер. Грубая изысканность линий, небрежная насыщенность мазка, нагло излишняя прорисовка силуэта при отсутствии деталей. Детали топорно сведены к родинкам-оспинкам и структурированы-пропечатаны на правой щеке. Притягательная порочность, ломаная, упругая (?) фигура. Жидкий магнит, эстетика жары. Раздеваться необязательно.

Словно крупье, собирающий на одну промокашку город, молодую еврейку, пролонгированного кота... Что еще?

Мы варим первое блюдо, топор мы уже положили, осталось угадать, что подходит сюда, что не подходит, перебирая снадобья в шкафчике, доставая и обратно заталкивая пакет за па-

кетом: это не подойдет, это не подойдет, это подошло бы, но сегодня не хочется... Нет, не сказать, что мы капризные, но сегодня не хочется. Ага - вот это.

План города, секретная карта - редкая, согласитесь, чушь эти секреты, если план города на ментальный его план совсем не похож. Город состоит из энергетических узлов. Вот мы можем пройти мимо страшного узла: Ипатьевская дыра. Здесь стоял дом, который растащили на сувениры, а теперь с этого места можно набрать щебенки, увезти за кордон ("А это что у вас?" - "А это у нас стратегическая щебенка". - "А-а, пожалуйста...") и продать за другие деньги. Этот узел способен распространить (и распространяет) мертвый полис с центром в виде себя. Сетка этого города растянута на памятниках вождю, двух-трех мрачных зданиях, на двух-трех музеях, нескольких оборонных предприятиях, мемориальных досках и на сотне названий улиц, которые (названия) в улицах (как структурах, наполненных жизнью) не нуждаются, а вполне существуют сами по себе. Тени людей, именами которых улицы названы. Возведенная в неслабую степень тайная вечеря. Бал вурдалаков. Пожирающие снесь скелеты, что дико, ибо сожранное - куда? Какая, на хрен, русская романтическая традиция, если мы здесь живем... Уточним: собственно скелетов не так уж много. Персонажи наши, лапушки, на разной стадии тления. Вот красавчик; волокна бывшей бороденки; наполовину сгнившие ткани; иссиня-красные шматки щек, меж коих он вталкивает (в - эпитет - в зубы) гусиную ляжку. Рядом - стройненькая террористочка, лущившая, как семечки, градоначальников и царей: белесые толстые черви стекают по ней на манер бального платья. По столу лениво бредет, трогая лапой объедок, пролонгированный кот. Еще рядом - копченые жилы, плотная мумия, прижимающая к груди партбилет: пионер коллективизации, крупный специалист по победоносному шествию Советской власти. Всех их "Мемориал" прищипил булавочками (головки - пятиконечные звездочки, маленькие такие, рубиновые такие) в свой гербарий. В центре стола - идолище, каменный гость, сошедший с постамента наглавной площади. Одной рукой он не устает подносить ко рту кубки, полные спермы. Другой - лениво гладит живую, насмерть перепуганную девочку. И глаза у него: добрые-добрые. 2 экз.

Города много. Город - славный пример бочки, могущей быть наполненной много раз. Вода? Вода пошла. Камень? Камень пошел. Канцелярские скрепки? Бога ради, пошли канцелярские скрепки, воля ваша. Было бы основание для классификации. Тот вечер, где молодая еврейка, он так и истаял бы в ряду бесчисленных соположенных вечеров, но была введена новая категория, без учета которой отныне некоторая проза толковому пониманию не поддается. Пью ли я отныне пиво (в пивной), загораю ли на пляже, играю ли в шахматы и на бильярде ("Играть шарами, собравшимися вместе в одной из зон, так же как

и в открытой партии, можно лишь один раз. Чтобы не прервать серию, игрок, если он, конечно, не полный кретин, должен позаботиться о том, чтобы к следующему удару зону покинул хотя бы один шар..." или на виолончели, или, скажем, захожу в булочную-кондитерскую... Как присутствует во всех этих проявлениях моя, предположим, бестолковая вспыльчивость, структура моей трапецевидной мышцы, так присутствует и категория молодой еврейки. Категория непроясненная, диковатая, но сугубая.

Такой пример города: крутого, но не оказывающего (по видимости) непосредственного воздействия на всякие там внутренние центры горожан. Году, наверное, в 1987-м (могу путать) на стенах зданий (жилых и не совсем жилых), а, впрочем, и не только зданий, а где попало стали появляться загадочные письма: ананиски. Это слово наносилось на поверхность кисточкой или пульверизатором (я, впрочем, не видел) и встречалось настолько часто, что довольно быстро вошло в обиход горожан, причем очень забавно вошло, в качестве лексемы, которая ни черта не обозначает. Если в первое время, когда нашествие ананисок было достаточно умеренным, оно могло играть роль ориентира ("Мы виделись вчера утром, часов в... там, где написано(ы) "ананиски"), то очень скоро подобные отсылки потеряли всякий смысл и стали звучать, как, например: "у того дома, где на днях два мужика курили".

(Автор, живущий в России, неспособен следить за значением своих слов. Так, последняя фраза становится иронической, если помнить, что летом из продажи исчезло все курево, так крепко исчезло, что два курящих мужика действительно становились событием, о котором знал весь город: об этом писали газеты, сообщало по радио УВД и т.д.)

Ананиски стали вводным, что ли, словом, или, как это точнее сказать... Ну есть, понимаете, референтная группа. И заводится промеж ее дурацкое словечко или выражение (шуточка идиотская-депутатская), которое каждый раз, будучи произнесенным, вызывает некоторое оживление - не потому, что имеет смысл само по себе, а потому, что все участники разговора осведомлены о том моменте и о тех обстоятельствах, в каком и в каких оно возникло (а кто не осведомлен, тот уж, наверное, осведомлен, что в ответ на это слово следует подавать оживление). Только в случае с ананисками такой референтной группой как бы стал весь город. Один Саша

вариантыназываниятекста

1. Вечерняя (?) проза
2. Факультет пролонгированного кота
3. Свердловск. Энергетический очерк
4. Молодая еврейка
5. Выдающаяся молодая еврейка
6. Мотивы
7. Мотивы и ананиски
8. Еще раз к вопросу о молодых еврейках

даже написал стихотворение, в котором это слово задействовалось; при чтении стихотворение неизбежно вызвало живой отклик, значение которого можно свести примерно к следующему: "Мы понимаем, о чем идет речь".

А другой Саша предпринял что-то вроде исследования - вознамерился постичь принцип расположения ананисок по городу. Техника процесса постижения оказалась его тайной, ясно лишь, что оно (постижение, блин) потребовало большого количества времени (свободного) и серьезной степени дурачности: это ж надо - ходить и вычислять. По итогам прогулок Саша сделал на одной из конференций маленькое сообщение о том, что ананиски дислоцируются отнюдь не беспорядочно. Нет, они не складываются, допустим, в окружность, не являются ("Утро стр. казни"?) схемой какого-либо созвездия и других подобных гадостей не совершают. Они расположены по трем очень длинным ломаным линиям, связывающим самые противоположные районы города:

Пересечение трех линий, как ему и полагается, образует в центре (города) почти равносторонний треугольник. Интересно, что на окраинах частотность ананисок на линии выше, чем в центре; в центре соответственно ниже, но зато здесь сходятся ананиски с разных линий, таким образом, получается, что объекты распространены по городу достаточно равномерно.

Ущувив центральный треугольник, Саша, как всякий порядочный человек, произвел нехитрую операцию: разделил каждую из сторон пополам, соединил полученные точки с противоположными вершинами и получил центр треугольника. Центр оказался не на улице, а в здании организации с национально длинным названием - Уралгипродормашснабпроект. Саша призвал участников конференции дожидаться ночи и под ее, значит, покровом проникнуть в здание (не в само даже здание, а в одноэтажный пристрой) и открыть там ананисочью тайну. Это и было проделано. Мы убили сторожа, а также его случайного праздного знакомца, взломали (Саша ломал, не этот, не тот, а иной) и оказались в ничем не примечательном помещении на четыре стола (очень тесно) с телефонами, микрокалькуляторами, дыроколами и сопутствующим ассортиментом. С помощью складного метра мы нашли абсолютную точку пересечения и... что же? Именно на этом месте, микрон в микрон, лежала пивная пробка (с чуть мятым краешком), а сверху, на пробке, стирательная резинка (я не люблю слова "ластик", оно кажется мне излишне дрянным). Трудно поверить, что такое положение пробки и резинки было прямым результатом падения, предположим, со стола - резинка бы на пробке не удержалась. Не надо

быть умным, чтобы понять - резинка и пробка лежали специально. Кроме того, в помещении незадолго до нас явно побывала уборщица, пол был чист, весь, кроме того участка, на котором располагалось упомянутое сооружение. Приподняв (осторожно) пробку, можно было видеть под ней нетронутый слой пыли. Следовательно, и в действиях таинственной уборщицы был умысел.

Конференция пришла к единственно правильному выводу: распространение ананисок по городу было тщательно продуманной, хорошо организованной и отлично воплощенной акцией. Ее, несомненно, осуществляло порядочное количество людей, причем были, очевидно, главари-руководители, а были и исполнители, наносившие надписи на стены и на иные предметы. Имя одного из наносивших известно - это сам Саша, исследовавший надписи и делавший доклад. Дело в том, что в ходе исследования Саша фотографировал "ананисок" в избранных местах, но кое-где под воздействием стихий (дождь, снег, молодая еврейка) слова поистерлись, стали нефотогеничными, что Саше и пришлось самому исправлять. Было высказано предположение, что и все остальные надписи получались примерно таким образом: от руки разнообразных исследователей. Предположение было отвергнуто большинством голосов. Конференция также подчеркнула радость того, что тайна ананисок была открыта путем пробки, как открывается путем пробки бутылка; тайна была открыта, а в некотором смысле даже и откупорена.

Рассматривался, конечно, и такой вариант: ананиски есть результат последовательного искажения слова "мастурбаторши" или, если смотреть на вещи ширше, "мастурбаторы". Тем более что есть с чем такой вариант рифмовать. В городе строилась (и теперь еще продолжает строиться) телевизионная башня несусветных размеров; и примерно во время появления ананисок башня приобрела ярко выраженную форму мужского полового члена. Роль головки выполняла какая-то техническая штукovina, функции которой гуманитарному уму ясны не до конца (?), но на головку она походила - один к одному. Башня, разумеется, стала основным предметом городских шуток. Саша (другой) написал рассказ, в котором фаллическая башня трактовалась как знак, предъявленный народу местными властями: народу, попросту говоря, вот что показали. Ананиски, если рассматривать их в совокупности с башней, могли быть банальным продолжением эротической игры с населением.

Словно горсть двушек (а таксофоны ассоциированы не только с резкостью жеста, но и с некоторой, что ли, надеждой) рассыпан по городу город молодых евреек. Вряд ли они все вяжут или, на худой конец, едят рыбу - в этом была бы немного невнятная, но несомненная фигня. Но они есть, это уж точно. Молодая еврейка, понятно, это нечто большее, чем просто

молодая еврейка; вернее - нечто меньшее, то есть не всякая совпадающая по возрасту и национальности этого наименования достойна. Я, конечно, про тех, что проявлены, как жирные карандаши, у которых на лицах слой вязкого марева. Если соединить их фантазийной линией, получится вот именно что созвездие из того стиха, где жиры рифмованы с шатрами. Им сгодится и город-шатер, и высокая степень обнаженности. Это красивый город.

Насколько неестественна любовь русской женщины к молодому еврею (к старому еще ладно), настолько органична любовь русского к молодой еврейке. Это очень правильное сочетание, на одну фотографию с такой парой просится и дымка ихнего Иерусалима, и возвышенность нашего пролонгированного кота. Ментал Израиля - в женщинах, и они, рождаясь и умирая у нас, не становятся тем не менее русскими (в отличие от многих мужиков, что на лицо еврейсты, а на душу - что угодно, вплоть до, скажем, татар, что тоже хорошо, но татар и нормальных хватает), а сохраняют какой-то тамошний притягательный код (не пролонгированный кот, а именно притягательный код). Глядя на них, кажется, что и впрямь достаточно знать нехитрую комбинацию цифр, чтобы Иерусалим и впрямь был Иерусалимом, а не Биробиджаном и не Одессой.

Пролонгированный кот (Из инструкции по применению)

- пролонгированного кота не рекомендуется применять в целях, для которых он не предназначен (как у нас теперь говорят про партию, армию и КГБ - "Выполняют несвойственные им функции")

- в случае применения пролонгированного кота в целях, для которых он не предназначен ни фига, следует выполнить меры предосторожности: отключить электричество в радиусе шестисот километров, потушить открытый огонь, хранить в сухом и прохладном месте, избежать попадания на кожу, проверить надежность предохранителей и конденсаторов, иметь при себе ненавязчивую молодую еврейку, 100 г. спирта и четыре кв.м полиэтиленовой пленки

- пролонгированного кота рекомендуется применять в целях, для которых он предназначен, но злоупотреблять применением не рекомендуется, а рекомендуется, по возможности, от применения отказаться

- пролонгированный кот (1 экз.) полон характеристик и свойств

Город сам сортирует нас, проверяет на дураков, делает выводы. Сегодня вечером мы шли с Сашей по улице и увидели, что осветительный столб обернут траурной лентой, в которую к тому же вонзился ярко-красный цветок. Замечали его все или безусловное большинство. Пролонгированный кот, раскинув-

шись вдоль, следил за реакцией населения. Часть оного населения - и это была именно искомая часть - воздымала (в поисках ответа на естественный вопрос) глаза наверх по столбу, к фонарю. Нет, предполагаемого там не было, но дело сделано: безошибочно определены люди, как-то очень серьезно (редкий случай, когда лексема "серьезно" заряжена позитивно) воспринимающие происходящую жизнь и проистекающее пространство. Мой совет всяческим тиранам: проведите в вашем городе подобный эксперимент (если вам, конечно, удастся заполучить пролонгированного кота) и убивайте каждого, кто посмотрел по столбу вверх... Эти люди - потенциальные диссиденты.

Пересечение городов, пересечение энергетических сеток - дело весьма опасное: возможны драки, поджоги, погромы, стихийные бедствия, но тем не менее неизбежное: именно на пересечении, где смешиваются разные стили, где чужая компания, может возникнуть вождельный матовый шар, возникнуть, разрастись до своих размеров (зыбко пульсируя), качнуться, оторваться от узла и поплыть вовне, косо отразив наши лица, телефонную будку, трех-четырёх голубей и охочего ныне до них пролонгированного кота.

О том, что город похож на шахматы и на тумбочку, заставленную лекарствами (+ пепельница + случайные предметы типа катушки ниток), написано предостаточно и авторитетно: город играет с собой и с нами в нас и в себя, вдруг разевая проспекты для бежать во ферзи, подставляя губительных молодых евреек, мучая путанями пролонгированными котами и цинично-заботливо подсовывая (спасительный?) анальгин или цикуту. Город, как олдовый хипарь, красуется заплатами стадионов и кладбищ. Город - макет города в натуральную величину, он отыскивает в себе высшую (самую высокую) точку-доминанту, по-детски принимает ее за центр симметрии (что-то из сказок о Б и М Медведицах, о Полярной звезде), проводит из себя сквозь эту точку лучи, зеркально зависает над собой и - какой-то дурак рубильник выключил - валится на себя всеми своими еврейками, шпилями, магистралями, лесопарками и пролонгированным котом. Грохот, доложу вам... Люди, как в старом кино, бегут согнувшись и прикрыв затылок руками, увертываясь от падающих камней и своих разметавшихся в воздухе (представить себя с парашютом) двойников.

Немое кино - больше кино, чем разговорное, как-то ближе к самому себе; эстетика титра - это маленький, но специальный город со множеством неведомых мегаполисам прихватов, что-то вроде зимней олимпийской столицы, о которой никто не узнал бы до скончания века, когда б не эти оглушительно-праздничные соревнования, рябь национальных флагов, горные склоны в апельсиновых куртках; не выпал, конечно, снег, и его возят грузовичками из соседней провинции или генерируют здесь, на месте; цены подскочили вдесятеро; каждый камешек отсюда готовы развести по миру на сувениры и - чтобы город-то сохра-

нить - торгуют всем подряд, вплоть до пустых банок ("Воздух олимпийской столицы") и снега с трассы, на которой сякой-рассякой скандинав показал (?) какое-то удивительное время. Это как раз не кино, потому комментаторам позволено захлебываться в эфир со скоростью восьмисот слов в минуту: удивительное все-таки занятие - о чем он ухитрится говорить? Ну, лыжники, ну, палками машут(машат)...

Какая-нибудь забавная тварь назначается символом: морженок, выдренок, бобренок, пролонгированный кот. Выпивается сатанинское количество пива. Предоставляется множество молодых евреек, но они все себе на уме, лыка не вяжут, а ухо востро.

Титры чем хороши - что захотел, то и написал. Предположим:

Крупный укус

Или:

Серьезный укус

Или:

Существенный укус

Или:

Он пришел

Вот уж где разгуляться олимпийской фантазии! Вот уж куда воткнуть поролоновые хризантемы! Вот уж по которому месту с посвистом да с оттяжечкой! Ах, молодая еврейка, она уехала без меня! Она знала, без кого уезжать.

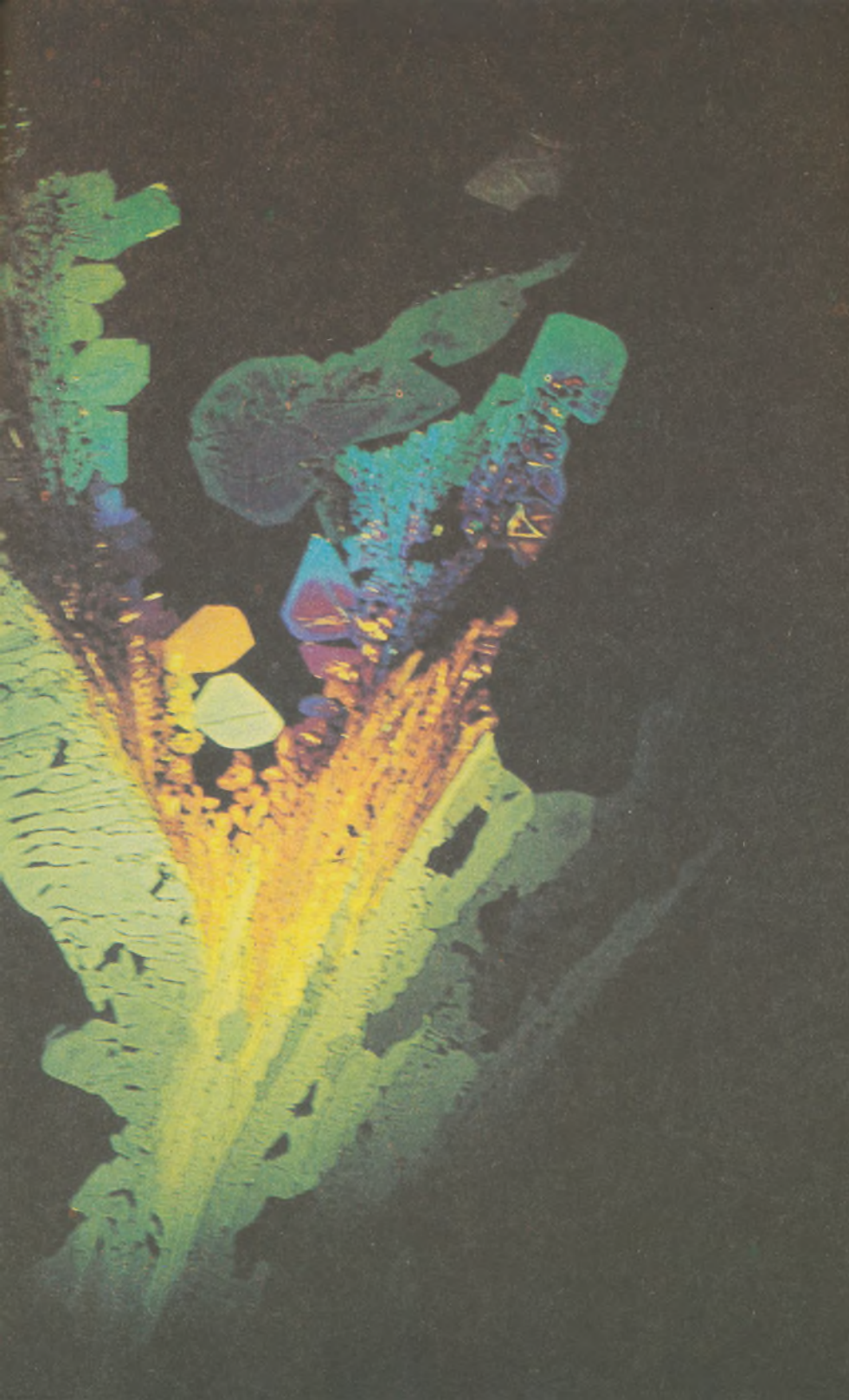
Радость титра в том, что, поясняя (закранный) мир, он оттеняет возможность беззвучного его (мира) существования, титр априорно выборочен, объясняет дай бог чтобы десятую часть того, что на экране происходит, презрительно оставляя основной материал вне оргазма комментария. Умный зритель (дурак) улыбнется грустному соответствию - девяносто процентов его жизни лишены даже возможности откомментироваться (поделом). В лучшем случае - когда на экране пролонгированный кот, а титр (будто не видно!) с идиотской скрупулезностью возвещает: ПРОЛОНГИРОВАННЫЙ КОТ - существование наше утробно тавтологично. Город насквозь тавтологичен, с улицы на улицу; с площади на площадь, из катаверной в катаверную он монотонно пересказывает себя: с минимумом фантазии... Только редкие желтые штырьки молодых евреек, несущих тугие попки вдоль, поперек, под арку, а иногда в трамвае, как-то оживляют город, если, конечно, смотреть с плоскости, а если, допустим, пардон, вознестись, станет явна и их заунывная симметричность. Не выручает и пролонгированный кот: с ним свыклись, он уже не внезапен, а потому можно на него плюнуть и больше о нем не вспоминать.

Но прежде-таки плюнуть. Позвать несколько Саш, (с трудом) поймать кота, расположить его на каком-либо специаль-

ном предмете, отойти на положенное расстояние, зафиксироваться и собственно плюнуть. В смысле харкнуть.

Такова вкратце история вопроса. Но сказать только об этом - значило бы сказать не все. Выступая 23 октября 1989 г. на второй сессии Верховного Совета СССР, Э.Шеварнадзе отметил, что, поставив точку в вопросе о Красноярской РЛС, мы тем самым "спасем договор по ПРО, открываем путь к заключению соглашений по стратегическим вооружениям... И все же, - продолжал он, - надо бы поинтересоваться, чем руководствовались те, кто принимал решение о строительстве Красноярской станции, которое обошлось в несколько сот миллионов рублей. На демонтаж тоже потребуются деньги, транспорт, люди. Вновь политика оборачивается своей финансовой стороной, финансовыми последствиями. Вновь убеждаемся, что непродуманные решения стоят дорого".

Действительно, чем же, спрашивается, руководствовались? Ясно, во всяком случае, что не такой прозой. Если такой прозой руководствоваться - хрен какую РЛС построишь и вообще никакого зла не учинишь.

1

По гормональной почте
заказной бандеролью
я мог быть доставлен в Польшу
и съеден на складе молью -
это довольно пошло,-
но есть городок Челябин,
он посполитой речью
особенно не заляпан.

С клешнями сильнее рачьих,
с повадками астронавта*,
кем в недалеком прошлом
случилось служить, нахрапом
я выгрузился в Челябине
воздухом поживиться
и, подавившись кляпом,
рвякнул на роженицу,
но резервуар молочный
заставил не материться.

Это довольно пошло,
но дело мое пошло:
вначале в кровать дамаста-
прокруста вписался точно,
похрустывая аллитерацией...
И тут на меня нашло,
и мамочке стало тошно:
я ей передал по радици,
что тискаться среди злыдней -
не очень-то и смешно.

И мама, набравшись страха,
как смелости; точно сахар,
лизнула меня в глаза
(акт исчезновенья мрака
озвучивала гроза).
В окошко на май шенячий,
пока что меня щадящий,
установился я в упор,
хотя и без линзы видно
(я струсил, но мне не стыдно),
что он, как и все,- упырь.

* См. текст "Репортаж из роддома" в моей книге "Пласты" (Свердловск, 1990).

Иисус двенадцативалентный,
 возможно смотри на меня,
 как с мамой мы лежим валетом
 не то чтобы под пистолетом,
 но вниз лицом, а слишком где-то,
 как пляж, раскинулась родня.
 Рой демонов летит с добычей
 угрюмый улей или птичий
 скворешник на день занимать.
 Душа моя почти взлетела
 к ним, но ангар худого тела
 губами запирала мать.

Был мир беременной матрешки:
 в нем - мать, в ней - я, надежней трешки
 во мне ссутулилась душа,
 а тик и пантомима пальцев
 глухонемых - хоть в темпе вальса -
 расскажут вам или станцуют,
 как не осталось ни шиша.
 Реактор этого распада
 давал энергию распада
 не меньшую, чем имя Гриф,
 когда оно пернатым грифом
 (пройдя обогащение рифа)
 летит к гитаре, как к гетере,
 с надеждой стать секретным грифом.

Все это сказки. Их не видел
 ни ты, ни он, ни В.Кальпиди.
 Но разве можно подсмотреть
 симметрией замочных скважен
 (которые - глаза), что нажил
 мир, изготовившийся к краже
 людей, назвавших кражу - смерть?

Но вы не бойтесь, дорогие!
 Нет благодатней Аллергии,
 которая как дар дана:
 есть отслоение сетчатки,
 когда предмет почти в перчатках
 идет на взлом глазного дна.

Хотел в манере Калидаса
 (прошу не путать с "Адидасом")
 я выдержать стихи - напрасно:

они назойливее мух
и комаров. И раньше срока
я завершаю. Вот сорока
для рифмы пролетела боком.
Спасибо, что не Птица Рух.

Первая попытка определения Бога

Чаще вырубленной чаши имя Бог
замелькало в этой книге. Черт возьми,
сколько будет у меня с ним возни,
предынфарктный знает переполох.

Я, конечно, не такой уж и лох,
чтоб страшать себя безбожьем своим,
но, пока я, полукровка, не сдох,
мы об этом - ох! - переговорим.

За окном: не то чтобы вазелин,
а намазанная, как бутерброд,
слякоть; жрать ее способен один
злой пурги неограниченный рот
до поры, пока весенний пурген...

Но, пожалуй, хватит байки травить.
Надо бы поговорить, только ведь
мне потом и не подняться с колен?

Сам себя предупрежу (ну и ну!):
коль кривой душою станешь кривить,
то вольется кривизна в кривизну *
и такие зеркала станет лить,
что портрет я свой назад не возьму.

Когда свистнет на горе твердый рак
и отвалятся шиньоны старух,
я шепчу тебе, читатель и враг
и советчик мой по прозвищу - друг:

"Диснейленд Олимпа я не беру
во внимание твоё и мое.
И зачем глядеть в чужое бельё?
Глянь: родное верещит на ветру.

* и проглотит кривизна кривизну.

Опускаю (не в колодец, а - так!)
православие и прочий бардак,
с ними пусть теперь фалуется мрак -
сами сеяли они этот злак.
Не нужна и картотека Божеств
(пусть и дактилоскопия - на ять),
оставляют Они слюни и жест,
а с него рисунок пальцев не взять.
И десантник вифлеемский не в счет,
и команда у него - не ахти.
Потянулся на кресте и - вперед:
и лети себе, пришелец, лети.
В гравитацию отпетый земли,
в ее весен зашифрованный всхлип,
ты на 33 вершка, милый, влип,
и менты тебя тогда замели,
пожелавши прокартавить тебя
в слове (ребус отгадай) - Атрибут,
только если очевидцы не врут,
не случилась на Голгофе фигня.
Пусть Голгофа не совсем космодром,
просто кукольный такой Байконур,
но чихнул при старте медленный гром,
и шиньоны отвалились у дур..."

Мигом свистнул на горе твердый рак -
это знак, что подустали стихи.
Я пока что не бесправный батрак,
изготовленный для вашей сохи,
потому как захочу - замолчу,
а заблеют петухи - доскажу.

Вы пока сдавайте мочу,
режьте хлеб, подайте рубль бичу
(если нету - напишите, ссужу).

Вторая попытка определения Бога

Слышу из космоса крик петушинный (да, петушинный).
Судя по стрижке известных планет,
космос, которого, в сущности, нет,
тихо обветрен и даже частично плешивый -
это детали, мне важно, что крик - петушинный.

В недрах огромной и неорбитальной машины,
т.е. в пространстве, где выживет лишь матерщина,
напрочь бесполого Бога густая фантазма
кашляет астмой: почти что уже мертвечина.

Первая версия: Господи, мы неразлучны
в нашей стыковке на околоземной орбите.
Против резьбы я в Тебя, исковерканный, вкручен.
Ты над планетой свисаешь в кромешном зените,
и для затмения скоро представится случай.

Версия: избран я Главным Коперником местной
мафии ай-атеистов; срываюсь в дисканте:
"Верили: водим большой хоровод возле Кляксы Небесной?"
Как объясню я теперь нашей елочной банде,
что запуржила вокруг нас Зажмуренность Бога,
что завращалась спиной - повернувшись - спиной
к нам, недоумкам, которых достаточно много,
как заявил бы назначенный Главным Спинозой...

Из записной книжки

1

Ящик Т упражняется пятые сутки:
смена власти в Румынии... бедно живут проститутки
в Таганроге... в Перми пионеры дудят в свои дудки...

2

Разного цвета купюры - и в прямь дискотека -
подсветят карман,
пахнут деньгами люди; возможно, так пахнет мочой караван;
что касается нашей квартиры: полночи на кухне
кончает нетуго закрученный кран.

3

Свежий радостный снег молодой не вступает в контакт
с населением:
залпы злобы зловонной слетают с лица -
так нам жить веселее.
Я не очень люблю свой народ, но боюсь я его и жалею.
Или, скажешь, легко наблюдать, как сдыхает

мой пламенный Город?

Он - мое малышество и юность и, как ни крути,
изумительно дорог,
а иди - поглазей, как пылит на кладбищенский
пьяный Клондайк осьминожье дорог.

4

И от страха на пару веков, изумленный, зажмурился Бог.
Мы же будем покуда дубасить об стенку горох,
или бисер метать, или что там еще? Или... ох!..

5

Сочинили себе погремущку: мол, Супердержава.
Можем плакать быстрее дождя и тоскливее жа-
воронка, где людей понапихано и кокардистики ржавой?

6

Годы пройдут. Я успею сломаться и честь растерять.
(Нынче я трехвалентен в любви и поэтому вынужден лгать;
а в святыни мои не вписалась моя разнесчастная мать.)

7

Честно: неумогу мне суфлировать жизни
стоящей, летящей, бегущей;
не хочу семенить или прыгать в ее горлопанящей гуще
там, где каждый кузнец своего близорукого счастья
на деле - ворующий грузчик.
Получается: я - теоретик, открывший (не первый) лафу:
татуировать на белобрыйсой бумаге немую строфу,
и не более. Ну, а практически? Разве что только умру.

8

В пустоту размышляю о шестиконечной еврейской звезде,
что она - пирамида Хеопса, в смещенной миражной воде
отразившаяся, - вот рисунка секрет ее где.

9

Эй, аграрии мысли! Найдутся ли рациональные зерна
в сегодняшней этой моей болтовне?

Новогоднее

Сколько стоит: в Челябине сидеть и трудиться,
когда естся и пьется и клюет машинка страницы,
а жена - "это самое..." и баловница?

Сколько встанет в купюрах, вовнутрь которые шерстью
водных знаков? В ответ арифмометр щелкает: шестью
пять (в аргентумах)* - это недорого.

Цепь происшествий
заменяет судьбу, как заменят стихи перевод из-под палки
"Ниобеи" Галчиньского ** (кстати, сравнение с галкой
не дождетесь: оно отдыхает на мусорной свалке).

Меня тянет к строфе допотопного дедушки Стаффа **,
как, наверное, горничных в опочивальницу графа,
какнифнифакнуфнуфунуфнуфаснифнифомкиафнафу ***.
Я почти осязаю подстрочники Мирчи Денеску ****,
его щегольский посвист, что впору нарезать в доску,
потому что знобит. Впрочем, выпить в Челябинске не с кем.

Я не знаю, но кажется мне, что когда-нибудь в Гданьске,
обезвоженный ночью бессонною, я мало-мальски
буду счастлив, на влажных ступеньках костела

портвейн отхлебнув португальский.

А пока я не с кем и ни в чем ни за что не согласен;
даже с ясенем в том, что он - дерево с кличкой Ясень.

Да и древо ли он? Мне ответ на подобный вопрос

досконально неясен.

Кукарекают с башен кремлевские твердые звезды;
в свете сказочки о золотом петушке пушкинист

скрупулесный

их трактует, жалея дадонов, которых откачивать - поздно.

Белый выхлоп зимы. Ее взгляд, оснащенный трассером
(напрягите фантазию), принадлежит каскадерам,
т.е. хлопьям, которые могут летать только из-под пера

щелкопера

ну примерно такого, как я.

Человек человеку

волк, товарищ и брат - так с хромою конечностью века
в такт шагает любая мысль, опосля перейдя в "кукареку".

Под омары с шампанским, под песни Омара Хайяма,

* неясно откуда выскочившая мысль о 30 сребрениках (6х5=30; аргентум - серебро).

** Стафф Леопольд . Галчиньский Константы Ильденфонс - крупные польские поэты XX в.

*** Эту фразу я записал слитно, т.к., написанная по правилам, она настолько разрежена, что смысл ее "визуально исчезает".

**** Мирча Денеску - лидер современной румынской поэзии.

истерично рифмуя, мы вырыли мысленно яму,
но взаправду упали в нее или падаем. Я бы
никогда не польстился так глупо и витиевато
говорить о смертельной болезни страны вороватой,
кабы дно этой ямы не известь глодала, а ластила вата.

Мы трагичны во всем: возле лужи разлитого чая
и качая права, или нефть, идиотку, качая,
и давая на чай - и другой колыбели не чаем.
Почему же, в Челябине гуляя дурацкой зимою
по дорогам, припудренным, чтоб не скользили, золою,
я скорее смеюсь, чем рыдаю, боюсь или ною?

Примитивнее автоответчика действуют в небе вороны,
их стандартные крики глупее, чем марш похоронный,
на который сбегаются дети (послушать валторны?).
Скоро свистнет весна. И начнется такая порнуха!
Станет сухо в глазах, и, возможно, на улице - сухо.
И руладу свою мне подарит не муза, а муха.

Ты

Теснины матери и тюбик помарина
соединивший с белизной больниц,
ты выдавлен под именем: марина,
иван-да-марья, глина с пуповиной,
каракалпак, чалдон, поволжский фриц?

Из фигурки мамашиной вселенной
ты выплыл в разреженную тюрьму,
где Афродита возникает не из пены,
а из кипящей крови убиенной
(см. об Уране в БСЭ главу).

От плесени случайного мужчины,
минуя жаберную стадию родства,
пропах ты напрочь человеческой псиной,
затем без всякой видимой причины
отторгнул мать и позабыл отца.

Начало жития неудобоваримо.
Ты жрал, как бобинробинбарабек.
На все дороги, что ведут из Рима,
закрыл глаза (как все проговоримо!),
т.е. брандмауэр еще прозрачных век.

Попивши чая в восемь лет, без злобы
дав брату пенделя, ушел играть в футбол;
сташил у зазевавшейся особы
купюру красную, где дед широколобый
был в профиль на тебя за это зол.

Ты компилировал такие предрассудки,
что, истиной виляя, как хвостом,
лавретка-жизнь года (не то что сутки!)
обнюхивала эти прибаутки,
да так и закопала на потом.

Ночная мифология страшилки:
порхающая Черная рука,
рояль, глотавший малышню без вилки
и без ножа, кошмар тестомесилки,
где из костей кладбищенских мука -
все это заменяло Моисея,
Олимпа разукрашенный чердак
и схлопотавшего от Геры гонорею
Кронида - заменяло. И на шею
твою свалился этот кавардак.

Эх, бестолочь детсадовского толка,
небось кумекаешь, что атмосферный шов
не распороть: мы с космосом надолго
разлучены, пока палит трехстволка:
глад, боль и затвердевшая любовь * -
и слава Богу.

Нам не разобраться
(тебе - тем более), зачем настырный снег
летит в лицо, как бы желая драться
и с тем, кому зашкалило за двадцать,
и с тем, кто в ботиках осваивает бег -
так неморгающая действует природа
+ слепота, текущая из глаз,
уверенно, наглея год от года,
из общей суммы вычитающие нас.

Ты, в мир войдя,- вошел в чужую фразу
посередине, и покинешь ты
ее задолго до конца, ни разу
не выследив, не подглядев вполглаза
ее неанонимные черты...

---

* "Шов" и "любовь" рифмуются, если в слове любовь не будет мягкого знака, потому и: "затвердевшая любовь".

Рождественские вирши для А.М.

Все - наперекосьяк.
Глаза играют в жмурки.
А воздуха пустяк
летает в переулке.
Пикирует дракон,
рассыпанный без спроса
на атомы ворон,
в контейнер для отбросов.

(Последняя черта?
Во мгле Россия плачет?
Но это ни черта
пока еще не значит.
И что за моветон:
хватает нас за глотку
не то чтобы харон,
но некто, севший в лодку.)

Вспороли небеса,
и климат, как пружина,
торчит во все глаза
и стороны (вражина!).
Зима. Девятый вал
морозов годовалых.
Я деньги пропивал
быстрее, чем рисовал их.

Безрукий свет звезды,
протянутый из дали,
в пяти часах езды
отсюда увидали
солдаты, человек
пятнадцать из стройбата;
их рапорт: "Свет и снег
спускают на канатах"

Умалишенных рыб
базедовые лица
внутри озерных глыб
не могут шевелиться:
их сдавливают льда

стеклянные застенки,
и вот они тогда
свои тарачат зенки.

Душа моя живет,
опущенная в пятку,
но разбивает лед
зеленоватый - всмятку,
когда белым-бела,
зимым-зима погода
и снежная юла
кружится без завода.

Пусть визги вороних,
подернутые явью,
вернее губ моих,
когда я шепелявлю
свою белиберду,
придумку и пустышку,
которую в бреду
и сам я не расслышу,
но все одно - она
надежней и сильнее,
чем снега белизна,
что медленно синееет.
И как не гоношись -
секрет заложен в смете,
что улыбнется жизнь
над дилетанткой смертью.

Александр Горнон

И пако-сть-ям где тих да в-лад...

И пако-сть-ям
 где тих да в-лад
 про-стой Саш-люд
 в-от-цы Фер-блат
 на-диком бре-ге-рой
 вы-сотку -
 чтоб все-вер-шинами
 на-вод-ку
 на-воз-дух-кислый
 газо-ват
 звер-юга
 красен с-холо-ща
 в-лице
 парадная свинца
 на-биссер-лом-па-ф
 осанну
 в-день-кат-вы-з-ли-шка-х
 по-кар-манну
 и-век-сель-по-сле-зеле-нца

В первом номере «Лабиринт/ЭксЦентра» в стихах А. Горнона была допущена опечатка. В этом номере мы воспроизводим стихотворение полностью.— *Ред.*

а нам татар тар шерсть клок
эзопологоц волок
или поветорфе минадето
кто безгребла державот ветра
пусть первым бросит камирок

криклиодела сторона
экспресендуть из моряна
установка закисла бражка
на шлык из белого барашка
глухих Романов времена

и пёт Иван чайников чет
с век де верстаком
о ты ком сед
пидкоф чербер дыш ла вина
за совмещенный арх мед
и без семи фут бола тина

иджаз без до семи из дат
из песен вы был адрес сад
и спущен с аерфм на лапки
все майных до ка ден трусах
на во ду ющий пассат
в толпе идущих на зарплатки

сед-лабиринт

излюсовинос

лепили нас и стерелли нас

стал с винола спортивным столов

всегда ответить был и тов

и ворагил всегда на внос

сторонник жестких паромер

снагого ток с ним мал ам пер

делди ли пуд

из соли да ты

все на шим о рме не маты

вернет ли с крузу вер?

моллебен троп

да хлебензин

от морасила из осин

на ша, ке враль

хрипит Макбета

ура! на бат

что до тебега

и шрамотла до де зин.

1989

Леонид ПОРОХНЯ

ПАМЯТНИК для Тразеи Пета

(Пьеса в 2-х действиях)

Действующие лица

сенаторы

Гельвидий Приск,
зять Тразеи Пета.

Эприй Марцелл.
Юний Маврик.
Антоний Прим.
Пакций Африкан.
Вибий Крисп.
Клувий Руф.
Аквилий Регул.
Цецилий Натта.
Кретик Флав.
Курций Монтан.
Аттиан
и другие.

Горбун.
Старик.
Актея.
Марк Галл.
Центурион.
Человек из архива.
Рабы первый и второй.

Римский форум.
Семидесятый год нашей эры.

Будет ли потомкам какое-нибудь дело до нас, я не знаю...

Плиний Младший

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Форум перед началом заседания сената. Появляются два раба, несут памятник, небольшой, но, видимо, достаточно увесистый бюст. С трудом устанавливают на пустом постаменте.

ПЕРВЫЙ РАБ. Если мы его уроним, разобьется?

ВТОРОЙ РАБ. Камень.

ПЕРВЫЙ РАБ. Крепкий... А если мы крепко уроним?

ВТОРОЙ РАБ. Прибьет. И на виллу отправит.

ПЕРВЫЙ РАБ. Это в Байи или в Фидену? Мне в Байи нельзя, там у него дядя - импотент, замучает. А в Фидене я не был, как там?

ВТОРОЙ РАБ. Деревня.

ПЕРВЫЙ РАБ. Плохо...

Входит старый Клувий Руф, наблюдает. Рабы, умолкнув, быстро заканчивают работу, исчезают. Руф подходит к памятнику.

РУФ (читает). "Домиций Афр".

Недоумевающе пожимает плечами, удаляется. Форум постепенно заполняется. Сенаторы занимают места. У памятника сходятся Юний Маврик, Пакций Африкан, Вибий Крисп и Кре-

тик Флав. Чуть позже появляется Цецилий Натта. Заметив его, Флав поспешно скрывается за памятником.

АФРИКАН. (читает).

"Домиций Афр". А что, неплохо.

МАВРИК. Кто был этот Домиций Афр?

АФРИКАН. Ну... Человек он был видный...

МАВРИК. Ты его помнишь?

АФРИКАН. Честно говоря, не очень. Но даром памятники не ставят, верно? (Подошедшему Натте). Ты не знаешь, кто это?

НАТТА (осматриваясь). Чистый мрамор. Старый Флав не появлялся?

АФРИКАН. Был, кажется. А Приск не заболел?

Натта пожимает плечами, осматривается.

АФРИКАН. Хоть бы заболел... И Марцелл мог бы заболеть. Для надежности.

КРИСП. Боишься?

АФРИКАН. Не очень.

МАВРИК. И все-таки кто это?

Входит Гельвидий Приск, его появление не проходит незамеченным среди сенаторов. Приск приближается к памятнику, слушает.

КРИСП. Полгода назад мы решили установить его, а почему - не помню.

АФРИКАН. Ах, да. Он был родственником Виттелия.

МАВРИК. Но Виттелией мертв?

ПРИСК. Юноша, Домиций Афр был оратором, одним из лучших. И справедливейших.

АФРИКАН. Точно, я вспомнил! Речи заворачивал - дышать нечем было. Здесь каждый камень его помнит.

ПРИСК. Ошибаешься. На форуме его не было, Афр выступал только в суде. Умер он в консульство Гая Випстана.

АФРИКАН. Я и говорю, консуляриями были Випстан и Нерон.

ПРИСК. Випстан и Фонтей. Марцелл не появлялся?

АФРИКАН. Не было, не было...

Приск отходит, осматриваясь.

АФРИКАН. Видишь, Маврик, с Гельвидием я лично спорить не буду. И тебе не советую.

КРИСП. В консульство Випстана и Фонтея Приск сидел на руках своей мамки. С титькой во рту.

Тем временем Натта замечает Кретика Флава.

НАТТА. Милейший Флав! Я тебя искал!

ФЛАВ (*выходя из-за колонны и поспешно удаляясь*). Привет.

НАТТА (*устремляясь следом*). Старичок, не бойся!

Бить не буду...

АФРИКАН (*провожая глазами Приска*). Хоть бы он заболел... Что за здоровье такое?.. Сармат...

Приск, не обнаружив Марцелла, выходит из форума.

МАВРИК. Зачем Приску Марцелл?

АФРИКАН. Трудно сказать. Очень ему поскандальить хочется. Первое разбирательство еще при Гальбе было, но император его унял. Сегодня Приск собирается продолжить.

Входит Эприй Марцелл, идет мимо памятника.

АФРИКАН. Марцеллу привет! Послушай, Приск сегодня не заболел.

МАРЦЕЛЛ. Почему он должен был заболеть?

АФРИКАН. Ну... Я надеялся. А ты как себя чувствуешь?

МАРЦЕЛЛ. Отлично. (*Отходит*).

АФРИКАН (*провожая его взглядом, с досадой*). Повезло тебе, юноша. Первый день в сенате, и сразу скандал. Настоящий, Приск умеет...

Тем временем Вибий Крисп догоняет Марцелла.

КРИСП (*негромко*). Эприй, ты помнишь, что я говорил тебе год назад? История, как брат вон того мальчишки, Маврика, Арулен Рустик пытался наложить вето на разговор Тразее?

МАРЦЕЛЛ (с интересом смотрит на Маврика). Это брат Рустика?

КРИСП. Да. Так вот, Рустик мог спасти Тразею, но Приск отговорил его. Если дойдет сегодня до разбирательства, требуй вызова Рустика как свидетеля. Он - в Африке. Ты понял? (Пауза.) Понял?

МАРЦЕЛЛ. Не знаю.

Расходятся, Крисп возвращается к памятнику.

КРИСП (Африкану). Ты прав, зря он не заболел.

АФРИКАН. Да. Погода последнее время слишком хороша.

МАВРИК. Послушайте, но Гельвидий Приск прав?

АФРИКАН (осмотрев его с удивлением). Да, малыш. Приск, конечно, прав. Приск всегда прав. (Пауза.) А памятник все-таки хорош!

МАВРИК. Я так и не понял, кто был Домиций Афр?

АФРИКАН. Пускай стоит, потомки разберутся.

На форуме появляется Антоний Прим, председательствующий. Сенаторы приветствуют его аплодисментами. Кроме Флава и Натты, возбужденно переговаривающихся в задних рядах. Прим открывает заседание сената.

ПРИМ. Солнце, друзья мои, солнце! Юпитер Освободитель сегодня с нами! Приветствую вас, Отцы Отечества, в этот день, первый, после на-

ступления мира и благополучия, день заседания сената! (Овация.) Сегодня прервался поток тираний и войн, сотрясавших Рим столь долгое время, вырывавших из наших рядов лучших, достойнейших сынов Отечества, а всех остальных принуждавших смиряться и в скорбном молчании переносить ужасные надругательства и преступления. Мы выжили и вечно будем помнить тех, кто подвигом и самой смертью своей подавал нам пример стойкости и бесстрашия, неукротимости и верности своему долгу. Запомним их, с почтением к их памяти, утверждаясь в ней, войдем в новые времена мира и благочестия, которые даруют нам боги и новый принцепс, образец мудрости и справедливости. Вступим в новый день, следуя прекрасному и мудрому правилу наших предков начинать всякое новое молитвенное обращением к богам, ибо ни одно дело не может быть удачным и справедливым без помощи и совета бессмертных и без молитвы к ним! Что может быть прекраснее подаренного нам богами светлейшего принцепса, принесшего собой мир и процветание!

В этот момент на форуме появляется Гельвидий Приск. Прим, увидев его, сбивается и замолкает, но рядом проносится легкий ропот, все взгляды устремлены на вошедшего. Он осматривается, видит Марцелла и, не обращая ни на кого внимания, с видом зна-

чительным и вызывающим усаживается в первом ряду. Прим, поколебавшись некоторое время, продолжает, постоянно оглядываясь с досадой на Приска, поутратив уверенность.

ПРИМ. А потому надлежит мне обратиться (*оглядывается*) с мольбой к великому и всеблагому Юпитеру, некогда создателю, а ныне хранителю нашего государства, чтобы день этот он сделал вечным, а нас - достойными! (*Оглядывается.*)

Итак, благодарением богам я открываю заседание сената (*оглядывается*) и извещаю вас, что сегодня перед нами дело ответственное и почетное. (*Оглядывается, но говорит теперь более уверенно.*) Предстоит выбрать легатов, которые встретят принцепса, прибывающего в Рим.

Замолкает, с ожиданием глядя на Приска. Тот молчит, имея вид крайне вызывающий. Пауза. Прим наконец решается, дальше - уверенно, не оглядываясь.

ПРИМ. Но перед тем я должен представить вам молодого человека, который сегодня вступает в семью Отцов Отечества! Юношу знатного, доблестного и благонравного, заслужившего, по общему мнению, высокую честь носить на тоге пурпурную полосу, знак сенатора. Сегодня он достиг возраста сенаторов, ему

двадцать пять; перед ним славный и, я уверен, долгий путь служения императору и Отечеству! Юний Мавриций, перед тем как объявить тебя сенатором, хочу вспомнить, что вступаешь ты в это звание во времена светлые и благополучные. Однако не должно забывать о том, что пришлось пережить нашему государству в прошлом, о тех, кто для каждого из нас является примером чести, достоинства и отваги! Помни, в минуты страшных испытаний они не склоняли головы, но снискали великую славу решительностью своего поведения и своей впечатляющей кончиной. Да укрепит тебя память о них! И да будут благосклонны к тебе бессмертные боги! Юний Мавриций, с этой минуты ты объявляешься сенатором!

Маврик выходит на сцену. Овация.

МАВРИК. Спасибо тебе, уважаемый Антоний Прим, триумфатор! Спасибо всем вам, Отцы Отечества! Это главный день в моей жизни, ибо свершилось то, о чем я мечтал, к чему готовился с детских лет. Нет ничего прекраснее, чем находиться здесь, среди вас, все силы и знания употреблять во благо и процветание Отечества! И принцепса! Обещаю, что не пожалею сил и себя самого ради Рима, ради императора, ради вас и буду стоять на страже справедливости и блага, чего бы мне это ни стоило.

Уважаемый Антоний Прим, я не забуду твоего напутствия. Я не забуду о тех, чья непреклонная честность не допустила в труднейшие времена упадка нравов, служила юным в качестве примера, в качестве путеводной звезды во мраке. Обещаю вам быть достойным своих предшественников, и особенно человека, о котором я так много слышал и образ которого останется в памяти потомков как образ идеального римлянина! Все силы я приложу, чтобы быть хоть сколько-нибудь достойным памяти человека, о котором так много рассказывал мне брат мой, Арулен Рустик. Памяти Тразей Пета!

После этих слов наступает молчание, все оборачиваются в сторону Приска. Тот сидит молча. Маврик оглядывается, не понимая, в чем дело. Прим досадливо морщится. Пауза.

ПРИМ. Да, юноша... Ты сказал хорошо... Даже не знаю, как теперь...

Пауза. Приск глядит вызывающе.

АФРИКАН (негромко). Чего он сидит с таким лицом?

ПРИМ. У тебя есть предложения? Ну и молчи.

Пауза. Приск медленно поднимается. Стоит молча.

ПРИМ. Гельвидий, давай не будем. Хорошо?

Пауза. Приск садится обратно.

КРИСП. Мы будем выбирать легатов?

АФРИКАН. Будем, кажется, выбирать легатов...

ПРИМ. Все?

АФРИКАН. Все.

ПРИМ. Гельвидий, я прошу тебя, не надо. У нас много дел, самых важных. Мы приступаем к выборам легатов. (*Смотрит на Приска, тот молчит.*) Новый принципс завтра вступит в Рим, и нет сегодня ничего важнее выборов, ибо от них зависит благорасположение Веспасиана. Итак, жребий...

Речь его прерывается шумом. Среди сидящих сенаторов вскакивают на ноги Кретик Флав и Цецилий Натта. Молодой Натта трясет Флава, оба громко ругаются, не обращая внимания на происходящее.

ПРИМ. Натта, прекратите! В чем дело?

НАТТА. Сволочь плешивая! Я тебе...

ПРИМ. Прекратите! Немедленно!

ФЛАВ (*вырываясь из рук Натты*). Что, Приска, что ли, слушать? Делать нам больше нечего!

НАТТА. Я тебе дам Приска слушать!.. Я тебе...

ПРИМ. Прекратите или я вас выставлю! Выставлю с форума!

Те нехотя разжимают объятия, сенаторы помога-

ют им, усаживают обратно на места. После паузы Прим продолжает.

ПРИМ. Дело наше требует почтения и тишины...

ПРИСК (встает). Дело ваше оскверняется, а ты, Прим, будто не видишь! Какое этим людям, дело до принцепса, до сената...

ФЛАВ (презрительно). Ой-ой...

ПРИСК (решительно). Тихо! Вы собираетесь избирать легатов! Сейчас жребий будет избирать легатов; он, как известно, не разбирает, кто хорош, кто дурен, ему наплевать, кто именно поедет встречать императора. Но интересы государства, уважение к Веспасиану требуют, чтобы принцепса встречали честные люди, от которых он услышит достойные мнения и речи. Но скажите мне, какими мы предстанем перед Веспасианом, если встречать его поедут воры и убийцы? (*Шум среди сенаторов.*) Я не сказал, что здесь сидят воры, но есть на форуме люди, поступки которых ужасней воровства. Веспасиан был другом Тразеи, Сорана, Сентия; может быть, сейчас и не время карать тех, кто выступал против них с обвинениями, но и выставлять их напоказ не следует. Посылая к Веспасиану легатов, мы как бы указываем, кому следует доверять и кого опасаться. Наша обязанность сделать так, чтобы жребий пал на людей достойных. Доносчик и лжес-

видетель не могут участвовать. (*Шум среди сенаторов*) Да! Они должны понести наказание! По древнему закону, если мы его еще не забыли!

Пауза.

ПРИМ. Да-а-а...

КРИСП. Тразею убил Нерон!

Пауза.

ПРИМ. Может быть, вернемся к жребию?

АФРИКАН. Он не даст.

Пауза.

МАВРИК. Уважаемый Гельвидий Приск, неужели люди, лжесвидетельствовавшие против Тразеи, все еще сидят в сенате?

ПРИСК. Да, юноша, это так.

ПРИМ. Хорошо, Гельвидий, чего ты хочешь?

ПРИСК. Сенаторы не забыли еще, как решено было обязать всех присутствующих дать клятву в непричастности к доносам. И клясться богами! Тогда не удалось осуществить это решение. Сегодня я предлагаю к нему вернуться. Пусть этот юноша увидит, чего стоит наш сенат.

ПРИМ. Тогда мы до жребия не доберемся.

ПРИСК. О чем ты говоришь? Тразею обрекли на смерть, а человек, получивший за это пять миллионов сестерциев, сидит среди нас как ни в чем не бывало! Ужасный человек, наделенный невероятными пороками! Все, к чему я призываю, - воздать по заслугам!

МАВРИК. Но это справед-

ливо, не так ли, Прим?

ПРИМ. Видимо...

МАВРИК. Мы должны разобратся, уважаемый Прим! Таким людям место не в сенате!

АФРИКАН. Ну вот, еще один...

ПРИМ (*после недолгого раздумья*). Приск, уже не первое заседание ты не даешь нам работать. Хорошо, чтобы показать нашему Маврицию, что сенат стоит на страже справедливости, мы слушаем тебя. Чего ты хочешь?

ПРИСК. Справедливости!

ПРИМ. Недурно сказано. Но все-таки?

ПРИСК. Необходимо выяснить, где корни той порчи, что завелась в римском воздухе. Отделить черное от белого...

ПРИМ. Чем дальше, тем лучше...

ПРИСК. И покарать виновных! Ты слышишь меня, Марцелл?

Все поворачиваются к Марцеллу. Пауза.

МАРЦЕЛЛ. Гельвидий, отчего ты не следуешь совету своего тестя? Говорил же Тразея: кто не любит человеческие пороки, тот не любит людей. Верно? Вот и люби.

ПРИСК. Видишь, Маврик, этот человек переполнен пороками!

МАРЦЕЛЛ. Ну почему он отказывается любить пороки?

ПРИСК. И не надейся! Сенаторы! Мы обязаны выяс-

нить, кто виноват, а кто - нет!

МАВРИК. Да, самое главное - найти невиновных.

КРИСП. Хотя бы одного.

АФРИКАН. И дать ему в морду! И вообще, при чем здесь Тразея?

ПРИСК. При том. Всем известно, что за его смерть мы должны благодарить Марцелла!

АФРИКАН. Это еще не доказательство!

ПРИСК. Что же, по-твоему, доказательство?

АФРИКАН. Архив. Архив Нерона - единственное доказательство!

ПРИСК. Ерунда.

МАВРИК. Так давайте запросим этот архив.

Волнение среди сенаторов, несколько человек вскакивают на ноги.

ПРИМ. Нет, малыш, нам его не дадут.

МАВРИК. Почему?

ПРИМ. Как тебе сказать... Не дадут, и все. (*Сенаторам.*) Успокойтесь. Гельвидий, все знают, что Тразея - твой тесть. Тебя обвинят в том, что ты пытаешься отомстить, а это нехорошо. И кроме того, если дойдет до разбирательства, нам придется казнить целые толпы людей, которые виноваты только в том, что родились тогда, когда родились. Не чрезмерно ли это?

ПРИСК. Или Марцелл не получил свои сестерции?

МАВРИК. Так я насчет архива...

ПРИМ. Этого не может быть. Увы...

Во время последующего разговора Маврик сперва напряженно размышляет о чем-то, затем выходит. Никто не обращает на это внимания.

ПРИСК. Требование мое не чрезмерно. Все должны знать, что за преступлением следует расплата. Веспасиан - прекрасный принцепс, достойный человек, но кто знает, что будет после? Не предстоит ли нам в будущем новые испытания? И пусть мы станем лучше перед лицом того, кто войдет в форум в качестве принцепса.

При этих словах он протягивает руку в сторону входа, где стоит невзрачный человек.

ПРИСК. Ты кто?

ЧЕЛОВЕЧЕК. Марк Галл, всадник.

ПРИСК. Мы заняты делом!

ПРИМ. Что ты хотел?

ГАЛЛ. У Курциева бассейна собралась толпа. Кричат, что в бассейне дохлая лошадь, воду пить нельзя. Квестор послал справиться, как быть.

ПРИМ. Он что, сам не знает? Пусть арестует зачинщиков или сам будет эту лошадь вылавливать!

В этот момент возвращается Маврик. Марк Галл исчезает.

ПРИСК. Мы должны закончить с этим делом! Пусть Марцелл ответит! И серьезно.

ПРИМ. Марцелл, скажи ему серьезно.

МАРЦЕЛЛ *(после паузы)*. Сенаторы! Снимите с Приска обвинение в том, что он пытается отомстить за тестя. Не жажда мести руководит им, но тщеславие. Страсть к поучениям. Конечно, если принцепса будет встречать вор, это плохо, но что будет, если принцепса встречать поучениями? Увы, Приск, тщеславие есть зло. Теперь о другом. Я хорошо знаю, в какое время мы живем и какое государство создали наши отцы и деды. Древностью должно восхищаться, но сообразовываться приходится с нынешними условиями. Я молюсь, чтобы боги ниспосылали нам хороших императоров, но, увы, я смирялся с теми, какие были. Траезя погиб не столько от моей речи, сколько по общему решению сената. Нерон любил тешить свою жестокость такого рода зрелищами, и дружба его была для меня не менее ужасна, чем для других изгнание. Пусть Гельвидий равняется мужеством и доблестью с Катонами и Брутами; я - всего лишь один из членов этого сената, пресмыкавшийся и унижавшийся вместе со всеми. Я даже дал бы Приску совет: не ставить себя выше принцепса, не пытаться навязывать Веспасиану свои мнения, - он старик, триумфатор, отец взрослых детей. Помни, плохим императорам нравится неограниченная власть, хо-

рошим - умеренная свобода.

Садится. Пауза.

КРИСП. Гельвидий, а про тщеславие - это хорошо сказано. Ты не обиделся? И вообще, отцы-сенаторы, не странно ли это? Ваше внимание так долго занимает человек, одержимый единственной страстью - перечить?! Всем, всегда и во всем. И мы слушаем его только потому, что этот грубиян - зять действительно прекрасного человека. Тразея, однако, мертв, а зять - жив. В таком противоречии есть что-то странное.

МАВРИК. Что он говорит?

ПРИМ. Это еще почему?

КРИСП. Потому что правда, которую он требует, есть достояние бессмертных, на земле не встречается.

ПРИМ. Что ты предлагаешь?

КРИСП. А послать его куда-нибудь... Мы никогда не пойдем, что ему нужно.

ПРИСК. Мне нужна правда! Правда!

КРИСП. Это мальчик или девочка?

ПРИСК. Это правда!

АФРИКАН. Бред какой-то...

ПРИСК. Молчи, ты тоже не из самых чистых.

КРИСП. Сейчас окажется, что весь сенат не из чистых.

ПРИСК. Может быть, и так! Сенат утвердил приговор! Единогласно.

АФРИКАН. Ну-ка, ну-ка... Там две когорты стояли. При оружии. И я теперь виноват?

ПРИСК. Ты мог посту-

пить как мужчина!

АФРИКАН. То есть я еще и женщина?

КРИСП. Приск, ты оскорбляешь сенат! Но сейчас интересно не это. Ты утверждаешь, что ты здесь единственный, не причастный к смерти Тразеи?

ПРИСК. Да. Исключая молодого Мавриция, конечно.

КРИСП. Сенаторы, запомните эти слова! В них много смысла, если они верны, но куда больше в них смысла, если они ложны!

ПРИСК. Они верны, это правда!

ПРИМ. Гельвидий, ты решил обвинить весь сенат? Зная, что за этим может последовать?

ПРИСК. Для меня - ничего хорошего.

МАВРИК. Постойте, но есть же способ узнать правду.

КРИСП. Что? Я не слышал.

МАВРИК. Есть способ добиться правды.

ПРИСК. Увы... Мой юный друг, я в том сомневаюсь. Они слишком заврались, чтобы говорить правду.

МАВРИК. Уважаемый Приск, твой гнев принуждает тебя думать о сенате хуже, чем он есть на самом деле. И только истина может унять его.

АФРИКАН. Я запутался, что мы делаем?

КРИСП. Маврик предлагает какой-то новый способ доказать недоказуемое.

МАВРИК. Гельвидий Приск уже говорил сегодня об этом. Способ наших пред-

ков, присяга. Каждый поклянется именем богов, и все.

Долгая пауза.

МАВРИК *(растерянно)*.
Я сказал что-то не то?

Пауза.

ПРИМ. Кажется, то.

Пауза.

МАВРИК. Так что же?

МАРЦЕЛЛ. А что, давай-те присягать. Посмотрим.

ПРИСК. Что? Ты не собираешься увливать?

ПРИМ. Кто против?

МАРЦЕЛЛ. Я, во всяком случае, за.

КРИСП *(удивлен)*. Ты что-то придумал?

МАРЦЕЛЛ. Хочу осмотреться.

АФРИКАН. Сборище сумасшедших...

ПРИМ. Хорошо, будем присягать. Текст полностью читать или Маврику достаточно короткого варианта? Достаточно. Кто первый? *(Пауза.)*

Так... Следуя традиции, мы должны предоставить слово старейшему. Уважаемый Клувий Руф, нам известны твоё доброе имя и чистая совесть. Будь первым. *(Пауза. Прим озирается в поисках Руфа.)*

Клувий Руф! *(Пауза.)* Где он?

ГОЛОС. Здесь.

ПРИМ. Руф, ты спишь? *(Маврику)* Не удивляйся, почтенный Руф действительно стар, очень стар, но человек прекрасный. Руф?

РУФ. Я не сплю, я думаю.

ПРИМ. И что?

РУФ. Иду, иду.

Клувий Руф, древний ста-

рец, выходит в центр, читает.

РУФ. Клянусь Юпитером Мстителем и призываю в свидетели всех бессмертных богов! Пусть известно будет всем, что я, старый Руф, не предпринимал никогда и ничего с целью повредить другому лицу и не пытался извлечь преимущества или выгоды из несчастий сограждан! Клянусь!

АФРИКАН. Конечно, всю жизнь в Испании просидел. Обирав их там потихоньку и горя не знал... Честный человек.

ПРИМ. Замолчишь ты?

МАВРИК. Гельвидий, посмотри, неужели уважаемый Руф - клятвопреступник?

Приск пожимает плечами. Пауза.

АФРИКАН. А кто ж его разберет?

ПРИМ. Спасибо тебе, благородный Руф. *(Африкану.)* А ты иди-ка сюда.

АФРИКАН. Что?

ПРИМ. Присягай.

Пауза.

АФРИКАН. Нет, я по-том...

РУФ. Молокосос.

АФРИКАН. Я сегодня и одет неважно...

МАРЦЕЛЛ. А ничего, сойдёт.

АФРИКАН. Вот ещё...

ПРИМ. Никто тебя за язык не тянул. Теперь языком поработай.

АФРИКАН. Не буду я... сейчас... *(Бормоча, выбира-*

ется в центр, несколько раз предпринимает попытку начать, но сбивается в мычание.) Вот... там... Клянись, одним словом. Вот, это... Будет ясно...

МАРЦЕЛЛ. Он читать разучился!

АФРИКАН. Я, может, и не учился вовсе...

МАРЦЕЛЛ. Африкан, там сказано: Юпитером!

АФРИКАН. Ю... Юп...

МАРЦЕЛЛ. Мстителем! Да не трясись ты!

АФРИКАН. Не твое дело!

МАРЦЕЛЛ. Когда ты трясешься, голос дрожит, и ничего не понятно.

АФРИКАН (*взрывается*). Тебе, может, присягу совсем не дадут! А я сейчас прочитаю, читаю... Будь, что будет! "Клянись Юпитером Мстителем и призываю..."

МАРЦЕЛЛ. Крисп, все знают, с каким почтением ты относишься к богам! Как терпишь ты надругательство над бессмертными?

КРИСП. Ты что это?..

МАРЦЕЛЛ. Я спрашиваю.

КРИСП. Африкан, кончай.

АФРИКАН. Нет уж, я дочитаю!

МАРЦЕЛЛ. Вот она, отвага! Читай, читай. И вспомни братьев Скрибониев! Богатые были братья?

АФРИКАН. Не твое дело!

МАРЦЕЛЛ. И где они теперь?

МАВРИК. Марцелл ведет себя непозволительно!

МАРЦЕЛЛ. Африкан, что шепчет тебе Юпитер Мститель?

АФРИКАН. Кто бы говорил...

КРИСП. Ты бы молчал! Лезешь все время с языком своим!..

МАРЦЕЛЛ. Ты признаешь за собой Скрибониев? (*Пауза*.) Или отрицаешь? Скажи хоть слово!

КРИСП. Нечего ему сказать! Как только язык поворачивается богов помянуть!..

АФРИКАН. Заткнись!

МАРЦЕЛЛ. Он бы и заткнулся - верно, Крисп? - да беда вышла, совесть проснулась. Сегодня.

КРИСП. Ты что-то придумал?

МАРЦЕЛЛ. Совесть, говорю.

КРИСП. Не буду молчать, всю правду расскажу!

АФРИКАН. Вот как? Лучший способ остаться невиновным - утопить сообщника? Ты в этом дерьме почище моего увяз, а теперь на меня валишь?

МАРЦЕЛЛ. Вот, мужественный Маврик, отцы Отечества присягают! Ты доволен? (*Смеется*.)

ПРИМ (*Марцеллу*). Ты чего расхотелся?

МАРЦЕЛЛ. Я должен был заболеть.

ПРИМ. А-а-а...

АФРИКАН. Все расскажу!

КРИСП. Кто тебе поверит, урод!..

Шум в задних рядах, это вскочили на ноги Флав и Натта.

НАТТА (*кричит*). Все старухе расскажу!

МАВРИК (*Марцеллу*). Не имеешь права!

АФРИКАН (*Криспу*). Поверят, поверят...

ФЛАВ (*Натте*). Только попробуй, сопляк, шею сверну!

ПРИМ. Эй, что такое?

МАРЦЕЛЛ (*Маврику*). Юноша, сейчас ты узнаешь много нового!

КРИСП. Заткнись!

АФРИКАН. Это Нерон! Это все Нерон! Нерон, слышите?

Расталкивая всех, в центр выскакивают дерущиеся Флав и Натта. Их разнимают.

ПРИМ. Флав!

ФЛАВ (*задыхаясь*). Сенаторы! Здесь попирают мое честное имя и саму справедливость! Этот сопляк, Натта, ради мерзкой своей выгоды клеветает на меня. (*Бросается на соперника, его удерживают.*) Я тебя носом туда засуну!

ПРИМ. Натта, в чем дело?

НАТТА (*задыхаясь*). Одна матрона, вдова, поручила мне найти ей пару. Мужа нового. А лысый сует своего племянника через мою голову! В чужое завещание лезет!

ФЛАВ. Твое оно?

НАТТА. Будет мое!

ФЛАВ. Еще посмотрим!

ПРИСК. Как можете из-за такой ерунды срывать заседание сената?!

ГОЛОС ИЗ РЯДОВ. Нет, Приск, там очень приличные деньги!

ФЛАВ. Знаешь, сколько эта ерунда стоит?

НАТТА. Не твое дело!

ФЛАВ. Мое!

ПРИМ. Тихо! Флав, Натта, остановитесь! Решайте свои дела в суде, иначе я вас выведу! Придется удалить! Ясно? Все?

НАТТА. Ладно, мы остаемся. Все.

ФЛАВ. Все, ладно...

Их отпускают. Флав тут же бросается на Натту. Их опять разнимают. Прим в это время смотрит на центуриона, который ждет, когда на него обратят внимание.

ПРИМ. Что тебе?

ЦЕНТУРИОН. Я прибыл от Муциана, представителя императора Веспасиана. Поручение, которое я привез, Муциан просит рассмотреть незамедлительно, поскольку дело находит важным. (*Передаст Приму послание.*)

ПРИМ. Да, конечно. Отпустите драчунов. (*Флав и Натта отходят, продолжая браниться, но шепотом. Прим читает.*) "Отправил сенату на рассмотрение беглого раба, который выдавал себя за императора Нерона, чем возбудил немало черни в Урбине. Поскольку самозванцы появляются уже не в первый раз, прошу сенат рассмотреть дело и публично преступника наказать. Муциан" и так далее.

МАРЦЕЛЛ. Вот вам и Нерон! Легко на помине.

Пауза.

КРИСП. Слава бессмертным!

АФРИКАН. Не он.

Сенат шумит: "Не он! Не он!"

МАРЦЕЛЛ. Сенаторы! Что я вижу? Вы не признали своего императора?

КРИСП. Хватит дурачиться! Раба - на солнышко! Пусть повисит!

АФРИКАН. Нашел императора... (*Горбуну.*) Башку тебе снести, уродина!

ПРИМ. Скажи мне, раб, как ты посмел коснуться имени императора? Ты знаешь, что тебя ждет?

АФРИКАН. Эй, уродина, ты знаешь, что тебя ждет? Куда ты полез со своим горбом? Горбатых у нас не держат! Как же ты облапошился, полез с горбом на место того, у кого горба не было!

ГОРБУН (*голосом сильного, властного человека*). Африкан, ты уверен, что не было горба?

АФРИКАН (*не так уверенно*). Конечно! Сколько раз рядом стоял. Видел.

ГОРБУН. Рядом - это не очень далеко? Что ты мог видеть, если все время рассматривал пальцы на своих ногах?

ПРИМ. Молчи, не было горба!

ГОРБУН. Прим, все еще за свою жену обижаешься? Так это же было давно, отчего ты такой злопамятный? Молодые были, мало ли чего... Пора бы уж и перестать. Но у жены можешь поинтересоваться насчет

горба. Спроси на досуге. Ну, у кого еще с памятью плохо? У тебя, милейший Вокула? Помнишь историю с золотом для закладки Храма? Или рассказать? Память в порядке? Отлично! Кто там лезет за спину Плавтия? Аттиан? Не пригибайся, какая из Плавтия стена, он всю жизнь был худым, как моя тетка Лепида. Кстати, Плавтий, чем ты ублажил тетушку? Она так хлопотала, чтобы тебе досталась провинция Азия... То-то я удивлялся! Ладно, сиди себе. Аттиан, расскажи-ка, как ты получил наследство старушки Лентуллы? Ну вот, совсем под скамью залез! Не марайся, будем считать, что я тебя не видел. Я вообще смотрел на Сильвана. Почтеннейший Сильван, привет! Помнишь, как я оправдал тебя, когда вся Африка требовала твоей казни! Нельзя сказать, что оправдания твои были достаточны, но уж насчет денег ты был силен... Верно?

СИЛЬВАН (*пожилой мужчина добродушно кивает головой*). Было, было...

ГОРБУН. Тебе единственному память не отказала. Спасибо. Ну что, Отцы Отечества, будем с вами делать?

ПРИМ. Сенаторы, беглый раб морочит вам головы и как вы отвечаете ему?

ГОРБУН. Прим, почему ты так непочтителен? Разве этому учили тебя, когда ты малышом обдирали колени в Тулузе? За этим дали тебе гордое прозвище Бекк? Что уж там, не гневайся...

Прим в смущении отсту-

пает. Горбун уверенно направляется к креслу в центре форума, до сих пор пустовавшему, садится, актерским жестом выражает внимание. В рядах - волнение, сенаторы узнали этот жест. За спиной Горбуна возникает человечек. Это Марк Аквиллий Регул.

ГОРБУН. Ну, чем занят сенат? Слышишь, Регул? Судите кого-нибудь? Уж не меня ли?

РЕГУЛ. Нет, император.

ГОРБУН. Кого же?

РЕГУЛ. Гельвидий Приск против Эприя Марцелла. Обвинения в лжесвидетельстве по делу Тразеи Пета.

ГОРБУН. Марцелл, опять на тебя напали? Все независимость отстаиваешь? Не надоело еще? Давай я издам указ о том, что ты, во-первых, невиновен, а во-вторых, независим?

Пауза.

МАРЦЕЛЛ. Кто ты, чтобы издавать указы?

ГОРБУН. Кто надо. Я издам, сенат постановит...

МАРЦЕЛЛ. Сенат постановит что угодно. Ты кто такой?

ГОРБУН. А ты подумай.

МАРЦЕЛЛ. Нерон мертв. Он умер на вилле Фаонта, вольноотпущенника. На глазах слуг и центуриона, посланного убить его.

ГОРБУН. Ты видел труп?

МАРЦЕЛЛ. Центурион видел.

ГОРБУН. А потом тут же и умер, верно? Кто еще видел? Ты хоронил этот труп? Тогда молчи. Слушай, Мар-

целл, ты всегда меня не любил и всегда я думал - почему? Не любишь, огрызаешься постоянно... А я всегда тебе помогал. Теперь опять тебе не везет, обвиняет Приск, выскокка. (Приску.) Ты, заносчивый болван, за тестя мстишь? А чем он так хорош, твой Тразея? Сидел постоянно с мордой педагога, который собирается выпороть всех без разбора. Ну и что? Приск! Встань, паршивец! Никчемный зять плешивого тестя! Как смеешь ты нападать на благородного Марцелла? Щенок!

ПРИСК (кричит). Раб! Поганный раб! Мерзость!

ГОРБУН (спокойно). А, заело тебя, пакостник!.. Зря я тебя сослал, надо было кончать. Ну да ладно, никогда не поздно.

ПРИСК. Заткнись, дерьмо! (Бросается на Горбуна, его перехватывают, крутят руки.) Ты меня боишься, боишься!..

ГОРБУН. Нет, Приск, не боюсь. Тразеи опасался, врать не буду. А тебя - нет. Ты - мелочь. Мелюзга с мелюзговой своей правдишкой.

ПРИСК. Боишься!

В этот момент входит центурион, с недоумением смотрит на происходящее.

ГОРБУН. Чего тебе?

ЦЕНТУРИОН (Приску, которого все еще держат). Претор, я не смог выполнить твой приказ. Эти двое подрались, и я не поднял руку на сенаторов.

ГОРБУН. Какая прелесть!.. И кто кого?

ЦЕНТУРИОН (*Приску*).
Старый сильнее.

ГОРБУН. Моя закалка!
Ступай.

ЦЕНТУРИОН (*Приску*).
Потом они помирились и велели передать Антонию Приму вот это. (*Протягивает записку. Прим не трогается с места, бумагу из рук центуриона выхватывает Регул, передает Горбуну.*)

ГОРБУН (*Центуриону*).
Иди отсюда!

РЕГУЛ. Иди, иди!

Центурион в растерянности удаляется.

ГОРБУН. Так... (*читает записку*) "... извещаю тебя, что претор Гельвидий Приск прилюдно требовал себе права управлять государством". Как интересно! "... На вилле своей утверждал, что объявит себя живым императором Нероном". Отлично, это я понимаю. Чем ты им так насолил, что они донос на тебя состряпали?

ПРИМ. Подпись там есть?

ГОРБУН. Нет, ну и что?

ПРИМ. Они хотели пошутиться. Доносы без подписи по закону Суллы не рассматриваются.

ГОРБУН. По какому закону?

ПРИМ. По нашему.

ГОРБУН. Не знаю, как по-вашему, а по-нашему еще поглядим. Слышишь, Приск?

Приск молча пытается вырваться из рук сенаторов.

МАРЦЕЛЛ. Да отпустите вы его!

ГОРБУН. Ты что? Если бы не я, он бы скоро добился твоей казни.

МАРЦЕЛЛ. Это еще неизвестно.

ГОРБУН. Из паршивого тщеславия бы казнил! А ты добрым быть хочешь? На долгую память? Выкуси! Память о добре куда короче самого добра, хотя и оно тоже... Так себе. Памятник себе захотел? Они поставят... Такой, как этот? Прим, кому сей монумент?

ПРИМ (*читает*). "Домицию Афру". Не знаю.

ГОРБУН. Кто-нибудь знает?

РУФ. Оратор был. Нравственный человек.

ГОРБУН. Угадал, если не считать нравственности. Еще кто-нибудь помнит, кто был этот кусок мрамора? (*Пауза. Марцеллу.*) Смотри, допрыгаешься, вот так же стоять будешь. Если нужно им кого забыть, тут же памятник ставят. А и то верно, кто будет тебя вспоминать, черты твои, дорогие сердцу, если они посреди форума торчат сутками, глаза мозолят? Этот Афр, даром что бабник, а славный был старикашка! И на поклон ко мне не пошел. Старый, тряся, как пес, а не пришел. Так они ему памятник срубили. На память. Того же хочешь? Иди лучше, помиримся.

МАРЦЕЛЛ. Было бы с кем...

ГОРБУН. Величие оскорб-

ляешь? Смерти ищешь? Ты ведь просил ее, помнишь, что я ответил?

МАРЦЕЛЛ. Не знаю, откуда тебе известно то, что тебе известно, но ты не тот.

ГОРБУН. Тоже мне Тразея-второй нашелся.

ПРИСК. Не тронь Тразею!

ГОРБУН. Третий... Сговорились они, что ли?..

ПРИСК. Тиран ты или копия тирана, тебя не должно быть!

ГОРБУН. Но я есть, Приск, можешь пощупать.

ПРИСК. Центуриона сюда!

ГОРБУН. Тут твоего желания мало, тут сенат нужен. Что скажет сенат? Приск, давай уговаривай их! *(Пауза.)* Уговаривай, уговаривай...

ПРИСК *(кричит)*. Сенаторы! Сегодня мы должны избрать легатов, которые встретят императора Веспасиана!

ГОРБУН. Да? Как интересно!..

ПРИСК. Нерон погиб два года назад! Самозванец морочит вам головы!

ГОРБУН. Очень хорошо, громко. Правда, неубедительно.

ПРИСК. Будьте верны императору Веспасиану!

Пауза.

ПРИСК. Сенаторы!

Пауза.

ГОРБУН. Ну и?..

ПРИСК. Ты прав, раб. Дурная память живуча. Но она полезна, она помогает очиститься.

ГОРБУН. Я протестую! Не слушайте его! Дурная память рождает дурных людей. Вроде Приска.

ПРИСК. Хватайте его!

ГОРБУН. Приск, они меня не хватают. Более того, если мне не кажется, они тебя схватили. И если я попрошу, они выпустят тебе кишки. Пустим в дело доносик, и все.

ПРИМ. Нельзя, он анонимный.

ГОРБУН. Не лезь! Я, может быть, сейчас же хочу посмотреть, какого цвета у него кишки.

ПРИСК. Я тебе!..

ГОРБУН. Что ты мне?

ПРИСК. Я скажу тебе всю правду!

ГОРБУН *(наигранно ужасаясь)*. Не надо!

ПРИСК. Боишься правды!

ГОРБУН. Боюсь.

ПРИСК. Ты - убийца! Ты - убийца! Твое дело - убивать. Мое - умирать!

Пауза.

ГОРБУН. Ну?

ПРИСК. Что?

ГОРБУН. Я согласен, а дальше?

ПРИСК *(негромко)*. Сенат запомнит, что я не покорился.

ГОРБУН. Конечно, запомнит. Легко им, думаешь, руки тебе ломать? Эдакий детина вымахал... Но кишки я тебе выпущу не за правду, а по доносу.

ПРИСК. Нет!

ГОРБУН. Это почему?

ПРИСК. Ты меня боишься!

ГОРБУН. Ужасно боюсь,

дальше-то что?

ПРИСК (*кричит*). Боишься!

ГОРБУН. Неубедительно.

ПРИСК (*тихо*). Боишься...

ГОРБУН. Ладно, хватит. Отпустите крикуна. Поступим согласно обычаю. Иди, Приск, к памятнику, Регул - в обратную сторону. Кто не согласен, что я - император, к Приску. Остальные - к Регулу. Не стесняйтесь.

Приск стоит у памятника. К нему подходит Маврик.

ГОРБУН. А это еще кто?

МАВРИК. Не твое дело.

ГОРБУН. Понятно, просто грубиян. Регул, кто это?

РЕГУЛ. Юний Маврик, сенатор, брат Арулена Рустика.

ГОРБУН. Понятно. Аттиан, ты куда?

Аттиан подходит к Регулу. За ним медленно тянутся сенаторы.

ГОРБУН (*кричит*). Отцы Отечества! Как вы терпите этих мерзавцев? Казнить их немедленно! Кто против? Ну? Кто против?

Нерешительность сенаторов пропадает. Теперь они толпой бегут в сторону Регула.

ГОРБУН (*кричит*). Ну, пошли, родимые, тронулись!

Теперь с одной стороны -

Приск и Маврик, с другой - остальные. В центре остались Прим и Марцелл.

ГОРБУН. Эй, а вы куда?

МАРЦЕЛЛ. Здесь стоим. Посмотрим.

ГОРБУН. Что я слышу?

ПРИМ. А ну-ка заткнись, бродяга. Все.

ГОРБУН. Ладно, стойте. Потом разберемся. Накажем, кого нужно. А потом устроим праздник. Соскучились по Нерониям? Я буду петь! Есть тут кифара? Ладно, можно и так.

Мимически изображает игру на кифаре. Напевая что-то, танцует посреди форума. Сенат в оцепенении.

Входит Центурион.

ГОРБУН (*недовольно*). Что тебе?

ЦЕНТУРИОН. Пришла женщина, называет себя вольноотпущенницей по имени Актея. Ее прислал Муциан. Упустить?

ГОРБУН. Женщина не может войти на форум, это закон! Я сам с ней поговорю.

ПРИМ. Кто она?

ЦЕНТУРИОН. Рабыня Нерона. В прошлом.

ГОРБУН. Пошел вон!

ПРИМ. Веди ее сюда!

Центурион не двигается.

ГОРБУН. Убирайся!

ПРИМ. Ты не слышал меня?

ЦЕНТУРИОН. Я могу подчиниться только приказам претора.

ПРИМ. Гельвидий, скажи ему.

Пауза. Приск стоит, пытаясь что-то из себя выдать, но ничего не слышно.

ПРИМ (Центуриону). Я - Антоний Прим, победитель Виттеллия. Я прикажу тебя распять за ослушание!

Центурион медленно направляется к выходу.

ГОРБУН. Стоять!

Центурион замирает.

МАРЦЕЛЛ. Ты сам привез этого раба, а теперь выполняешь его приказы?

ПРИМ. Пошел!

ГОРБУН. Стой!

ЦЕНТУРИОН. Слушаюсь!

Выходит, возвращается с женщиной в небогатой одежде. Она неуверенно вступает на форум, медленно движется по кругу, осматриваясь. Наконец приближается к Горбуну, который делает ей какие-то знаки.

АКТЕЯ. Это ты, Люций?

ГОРБУН. Заткнись!

Бросается на нее, Центурион с трудом его скручивает.

Горбуна бьется в руках, пытаясь вырваться, кричит.

ПРИМ. Заставь его молчать.

Центурион бьет Горбуна, тот замолкает, обвиснув в руках солдата.

ПРИМ. Женщина, ты знаешь этого человека?

АКТЕЯ. Да.

ПРИМ. Ты уверена в этом?

АКТЕЯ. Да.

ПРИМ. Его настоящее имя...

АКТЕЯ. Люций.

ПРИМ. Кто он?

АКТЕЯ. Раб Нерона.

После этих слов некоторое время проходит в молчании. Неожиданно Регул бросается вперед и с размаху бьет Горбуна ногой. Тот выскользывает из рук центуриона и со стуком валится на пол.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Форум. Те же, кроме Центуриона и Горбуна. В центре - Актея.

ПРИМ. Итак, раб по имени Люций был подготовлен, чтобы заменить Нерона?

АКТЕЯ. Да.

ПРИМ. С императором что-то должно было случиться?

АКТЕЯ. Когда он был в Ахайе, он принял окончательное решение бежать к парфянам.

ПРИМ. К парфянам? И почему окончательное?

АКТЕЯ. Он много раз его принимал, окончательное. Переговоры велись много лет подряд. Половину его жизни. Он всегда хотел бежать. Он боялся Рима. Но и бежать он боялся.

ПРИМ. Почему?

АКТЕЯ. Он всего боялся. Они собирались уйти вдвоем с Доримахом, но Доримаху он перестал верить. Потом был какой-то грек, я его не знаю.

ПРИМ. Кто был этот Люций?

АКТЕЯ. Император хотел оставить его после себя.

ПРИМ. Он и тогда был горбат?

АКТЕЯ. Да. Императору нравилось.

ПРИМ. Но как он собирался оставить этого раба, если раб на Нерона не похож? Горбат?

АКТЕЯ. Он веселился, когда придумал это. Говорил, никто и не пикнет, Лю-

ция все признают. Хотя мне кажется, что, если бы не признали, он тоже был бы рад.

ПРИМ. Так кто был этот Люций при императоре?

АКТЕЯ. Шут. Жестокий шут. Император его ненавидел.

ПРИМ. Потому и оставлял?

АКТЕЯ. Да.

ПРИМ. Правда ли, вольноотпущенница Актея, что ты сама, лично хоронила Нерона? И не кого-то еще?

АКТЕЯ. Да.

ПРИМ. Ты утверждаешь, что хоронила именно Нерона? Ты не ошибаешься? Ты ведь хорошо знала его, лучше других.

АФРИКАН. Кому знать, как не потаскухе!

ПРИМ. Тебя на спрашивают.

АКТЕЯ. Да.

ПРИМ. Я удовлетворен. Еще вопросы есть?

АФРИКАН. Есть. Красотка, ты хорошо знала того, с кем спала?

ПРИМ. Это не вопрос, можешь не отвечать.

АФРИКАН. Нет, это вопрос! У меня много вопросов. Как они это делали, к примеру. Интересно.

РЕГУЛ. И мне...

ПРИМ (*Актее*). Иди, иди.

МАРЦЕЛЛ. Подожди. У меня вопрос. Почему он остался? Он мог бежать? Ему ничто не мешало?

АКТЕЯ. Мог. Ничто.

МАРЦЕЛЛ. Почему он остался?

Актея молчит.

МАРЦЕЛЛ. Я спрашиваю, почему Нерон остался?

ПРИМ. Все, хватит. Сви-детель показал, что мог, и нет причин сомневаться в его искренности. (Актее.) Иди. Кому знать, что ты заслужила...

МАРЦЕЛЛ. Она не отве-тила на мой вопрос.

Актея внимательно смот-рит на него и выходит.

АФРИКАН. Стерва!

РЕГУЛ. Но до сих пор хо-роша! А Поппея?.. Эх, По-ппея!.. Марцелл, ты, гово-рят, был, когда Нерон нагло-тался до того, что заставил ее раздеться перед всеми? Говорят, у нее на ноге, вот здесь, родимое пятно вели-чиной с сестерций? (Мар-целл не отвечает.) Жаль, меня там не было, я бы по-смотрел.

ПРИМ. Болван.

РЕГУЛ. Все болваны. По-мните пир на плоту? Кого там не было? Тразеи да Приска, так с ними все ясно. А какие девочки!.. Эй, кто помнит ба-лаган с петухом на крыше?

Среди сенаторов оживле-ние, смешки.

АТТИАН. А кто смотрел сцены в Байях? Я смотрел. И должен вам сообщить...

ПРИМ. Хватит, размечта-лись...

РЕГУЛ. Что, нельзя?

ПРИМ. Сенат все-таки.

Регул отходит к сенато-рам, что-то рассказывает,

те отвечают хохотом.

МАРЦЕЛЛ (Приму). По-слушай, когда понял, что Нерон липовый?

ПРИМ. Сразу. Потом за-сомневался, уж больно мно-го знает. И напор тот же. Но когда до кишок Приска добрался...

МАРЦЕЛЛ. Да, конечно. Настоящий тут промолчал бы. И крови он боялся.

ПРИМ. Он всего боялся, а смерти - в первую оче-редь. Помнишь, как он мальчишкой еще запретил в цирке гладиаторов убивать?

МАРЦЕЛЛ. Когда народ в цирк ходить перестал?

ПРИМ. Именно. Потом ему Бурр объяснил, что на арене происходит трагедия, и этот щенок все пытался сам выйти против льва.

МАРЦЕЛЛ. Да? Я не знал.

ПРИМ. Пытался, пытал-ся, зря отговорили.

МАРЦЕЛЛ. В императоры не годился, это точно.

ПРИМ. Толк знал только в бабах. Они его любили, за что - непонятно. Слюнявый, куда ему до кишок Приска.

МАРЦЕЛЛ. Вот Приска бы императором...

ПРИМ. Только не это... (Оба смеются.) Но и без Приска нельзя.

МАРЦЕЛЛ. Не думаю. Лучше уж Тразея.

ПРИМ. Тразея лучше... (Замечает человека у вхо-да.) Что ты хочешь?

ГАЛЛ. Я - Марк Галл. Я приходил уже.

ПРИМ. Уходи, я не по-

мню.

ГАЛЛ. Вы послали меня арестовать зачинщиков. Волнения у Курдиева бассейна. Дохлая лошадь. *(Вытаскивает из-за спины Старика. Бедняк, плохо одет, бос.)* Вот он.

Пауза. Прим скептически осматривает пришедшего.

ПРИМ. Зачинщик?

СТАРИК *(тонким визгливым голосом)*. Какой зачинщик?

ПРИМ. И что с тобой делать?

СТАРИК *(очень быстро)*. Что со мной делать? Зачем делать? Какой зачинщик? Это же все мое любопытство. Шел, люди стоят, рассуждают. Я подошел послушать что-нибудь интересное, а там Симон, который потом убежал, и этот рыжий! Он тоже потом убежал, а я - здесь. Откуда вообще взялся этот рыжий, я все время думаю... Я его не знаю! Кто он такой? Симона я знаю, я ему сказал, а рыжий сказал, иди отсюда! Я бы и пошел, но я хотел рыжему ответить. Это все мое любопытство, вся жизнь из-за любопытства! Я пошел посмотреть на дочь соседа, и она тридцать лет не дает мне жить! И Симону я сказал, но они не стали меня слушать, они все победили, и рыжий побегал, я не знаю, откуда он взялся. А ко мне пришел солдат с нагрудником и чуть плечо не сломал. А какой красивый нагрудник! Чистое серебро! Такой красивый воин... Что со мной делать?

Ничего не делать. Какой я такой зачинщик? Я просто маленький человек, которого ждет жена, а она знает, что со мной делать. Она тридцать лет мне жить не дает, и все оставшиеся годы тоже не даст, не сомневайтесь. Конечно, если такой красивый воин с нагрудником говорит, что я зачинщик, то он не может ошибаться. Ну разве что один раз. Теперь. Какой я зачинщик?.. Дочь соседа тридцать лет называет меня своим мужем, но все эти годы я думаю, что она ошибается. Теперь она привела мальчика и говорит, что это мой племянник, и опять ошибается. Так что же со мной делать?

ПРИМ. Хватит!

СТАРИК. Конечно, хватит! Я так ей и скажу, как только приду домой. Скажу: "Хватит!" И пусть попробует...

ПРИМ. Молчи.

СТАРИК *(утихая)*. Такой красивый нагрудник...

ПРИМ *(смеется)*. Что с ним делать?

В этот момент рядом со стариком возникает Приск. Он крайне возбужден, руки трясутся, весь он странно дергается.

ПРИСК. Распят!!

ПРИМ и СТАРИК *(вместе)*. Что?

ПРИСК. Распят! *(Пытается сориентироваться.)* Они, они... Они морочат вам головы!

ГАЛЛ *(испуганно)*. Но

беспорядки у Курциева бассейна...

ПРИСК. Ты пытаешься ввести сенат в заблуждение! В Риме нет Курциева бассейна! Нет! Нет!..

ПРИМ. Гельвидий, сядь.

ПРИСК. Нету, нету...

МАВРИК. Постойте, я сообразить не могу. Есть бассейн?

ПРИМ. Да есть, конечно!

МАВРИК. Точно, есть. Как же это?

ПРИСК (*кричит на Старика*). Я - претор, Гельвидий Приск!

СТАРИК (*в ужасе*). Я - Симон. Я тоже Симон, но только другой совсем Симон.

ПРИСК (*силы покидают его, он начинает неестественно заваливаться на бок*). Тебя нужно распять...

СТАРИК (*кричит*). Но я же не Симон! Я - совсем другой Симон!

ПРИСК (*валится на руки Маврика*). Кишки отдать собакам...

ПРИМ. Каким собакам?

ПРИСК. Все равно каким...

МАВРИК (*поддерживая обмякшего Приска*). Он с ума сошел.

ПРИМ (*Старику*). Ты кто?

СТАРИК. Симон!

ПРИМ. Кто, спрашиваю!

СТАРИК. Отпущенник я...

ПРИМ. Выслать его за сотый миллиарий!

СТАРИК (*в ужасе*). Это же просто любопытство!.. Я... Я тоже Симон...

МАВРИК. Прим, почему?

ПРИМ (*улыбаясь*). Чтобы

Приск до него не добрался. Распнет.

МАВРИК. Подожди, там была лошадь?

СТАРИК. Была, была... Вот с таким пузом, огромная лошадь, очень большая. Я на нее не смотрел даже, я сказал Симону...

МАВРИК. Значит, воду пить нельзя?

ГАЛЛ. Не стоит.

ПРИМ (*Галлу*). Веди его.

СТАРИК (*визжит*). Я же сказал Симону, я сказал!..

Галл уводит его. Ошеломленный Маврик с трудом усаживает ничего не понимающего Приска.

РЕГУЛ (*Приму*). Симона будем искать?

ПРИМ. Уйди.

РЕГУЛ. Понял.

Посмеиваясь, Регул отходит к сенаторам, что-то говорит, те отвечают хохотом.

МАВРИК. Прим, зачем ты выслал старика? Он ни в чем не виноват.

ПРИМ. Он виноват в том, что попал в сенат. Да и невелика обида, сотый миллиарий... Рукой подать. Приедет к нему жена с племянником, заживут.

От группы сенаторов опять доносится раскат хохота. Регул подходит к Приску.

РЕГУЛ. Приск, распни кого-нибудь, а? Ну, распни,

что тебе стоит? Мы просим тебя, Приск, ты же обещал.

ПРИМ. Быстро отойди от него!

РЕГУЛ. А что, он и меня распнет?

ПРИМ. Отойди, я сказал!

РЕГУЛ. Приск, нужно бороться! Ты же любишь правду? Ты должен бороться за правду!

ПРИСК (*поводя мутным взглядом*). Правду... Правду... Прим, ему нужна правда?

ПРИМ. Что?

ПРИСК. Правда.

ПРИМ. Да перестань ты, честное слово!

ПРИСК (*смутившись*). Хорошо, не буду...

РЕГУЛ (*в сторону Приска*). Ублюдок!

Сенаторы смеются. Со своего места поднимается Курций Монтан, благородного вида мужчина лет тридцати.

МОНТАН. Сенаторы! Я говорю!

ПРИМ. Да ты что?

РЕГУЛ (*хохоча*). Еще один!..

ПРИМ. Пора за легатов приниматься, а то...

РЕГУЛ. Говори, говори...

МОНТАН. Сенаторы, что вы делаете? Кого вы слушаете, кто вами верховодит? Регул! Марк Аквиллий Регул! Только что он продавал вас дурной копии дурного государя, вы забыли? Памяти вам не хватает или ума? Кто такой Регул? Доносчик, погубивший семьи Крассов и Орфита, почти ребенком

еще выступавший в роли обвинителя, когда ничто ему не угрожало! И вы смеетесь его шуткам? Ты после смерти Гальбы заплатил убийцам Пизона, а когда тебе принесли его голову, ты, Марк Аквиллий Регул, впился в нее зубами! К этому уж, во всяком случае, Нерон тебя не принуждал! Довольно мы наслушались оправданий людей, которые предпочитали губить других, лишь бы отвести опасность от себя! Тебе же вообще ничего не угрожало! Отец твой был в изгнании, имущество поделено между кредиторами, сам ты был слишком молод. Нерону нечего было у тебя отнять и нечего тебя бояться. Но только когда ты сумел украсть с погребального костра республики достояние консуляриев, засунуть себе в пасть семь миллионов сестерциев и сделаться жрецом, когда получил возможность губить всех без разбора, когда смог упрекнуть Нерона, будто он действует недостаточно решительно, тратя свои силы и силы своих доносчиков на уничтожение отдельных семей, вместо того чтобы казнить разом весь сенат, - вот тогда ты почувствовал наконец удовлетворение! Спасите же, Отцы сенаторы, и сохраните этого человека; да послужит он образцом всему нашему веку, и пусть наши юноши следуют примеру Регула. Подлость и в беде находит себе последователей, - что же будет, если мы дадим ей рас-

цвести и набраться сил? Неужели вы думаете, что Нерон - последний из тиранов? И после смерти Тиберия, и после смерти Гая люди тоже думали так, но всегда появлялся новый тиран, еще более гнусный, еще более свирепый, чем прежние. Нам нечего бояться Веспасиана - он настоящий принцепс и по возрасту, и по умеренности. Но люди уходят, примеры остаются. Мы слабеем, Отцы сенаторы; уже мы не тот сенат, который после убийства Нерона требовал наказать его подручных и доносчиков так, как наказывали подобных людей наши предки. (Пауза.) Лучший день после смерти дурного государя - первый день.

Монтан умолкает. Пауза.

ПРИМ (спокойно). Все?
МОНТАН. Да.

ПРИМ. Садись. Красиво сказано. С чувством. А теперь пусть мне ответит кто-нибудь, мы будем сегодня делом заниматься?

МАВРИК. Прим, то, что сказал Монтан, - правда?

ПРИМ. Скорее всего.

МАВРИК. Вот этот человек... Голову зубами... Как же он здесь?

ПРИМ. Как видишь.

МАВРИК. Но его нужно судить.

РЕГУЛ. Еще чего...

МАВРИК. Если хотя бы половина обвинений - правда, его нужно уничтожить! Сенаторы, как вы терпите рядом с собой Регула?

РЕГУЛ. Чего он лезет?

МАВРИК. После того, что сказал Монтан, вы, сенаторы, сидите на своих местах?

Пауза.

ПРИМ. Ты, видимо, не знаешь... Понимаешь, Монтан ничего не говорил.

Пауза.

МАВРИК. Не говорил?

ПРИМ. Совершенно верно. Монтан не имеет права говорить в сенате.

РЕГУЛ. А мальчишка слишком много на себя берет!

ПРИМ (Регулу). Заткнись! (Маврику.) Было постановление сената: Монтан не имеет права выступать, занимать должности и так далее. Только сидеть здесь имеет право, и все. Смешнее всего, что по этому самому указу и был казнен Тразея. Печально, но указ никто не отменял. Понимаешь? Указ действует, никакой речи не было.

МАВРИК. Монтан сказал правду?

ПРИМ. Скорее всего. Регул - человечиска паршивый.

РЕГУЛ. Но-но!..

МАВРИК. Его нужно судить?

ПРИМ. Надо бы, конечно, но только по закону, согласно которому Монтан ничего не говорил. Речи не было. Но не волнуйся, настанет время, сенат пересмотрит дело, отменит указ, и все будет в порядке. Тогда, глядишь, кто-нибудь и до Регула доберется.

РЕГУЛ. Еще чего...

Поднимается Приск, который во время речи Монтана воодушевился.

ПРИСК. Маврик прав! И Регула, и Марцелла нужно...

ПРИМ. Распять?

ПРИСК. Марцелл, запомни, ты мне ответишь!..

КРИСП. Приск, садись на место, тебя уже слушали.

ПРИСК. Нет, вы все ответите! Ты тоже мерзавец! Такой же ублюдок, как Марцелл!

КРИСП. Сейчас от форума ни камешка не останется...

ПРИСК. Ты такой же доносчик, как и прочие!

КРИСП. Которые?

ПРИСК. Все!

КРИСП. А, так я не хуже остальных? С меня довольно.

ПРИСК. Здесь все - доносчики и лжесвидетели! Кроме этого юноши, и то, быть может, только потому, что он не успел еще побыть сенатором хотя бы десять дней.

КРИСП. А ты, значит, девственник?

ПРИСК. Я чист! Это может подтвердить любой!

КРИСП. Да, тут сомнений быть не может. Ты чист. Это даже Маврик знает. Ты да, пожалуй, еще один человек. Которого, правда, нет здесь сегодня. Но он действительно чист. Брат этого юноши, Арулен Рустик. Помнишь такого?

ПРИСК. Конечно, мы с ним всегда были рядом с Гразеей.

МАВРИК (*Криспу с вызо-*

вом). А что ты можешь сказать о моем брате?

КРИСП. Только хорошее, только хорошее.

ПРИСК. Зато о вас с Марцеллом можно сказать только плохое!

КРИСП. Может быть, и так.

МАРЦЕЛЛ. Приск, что-то я устал от твоих воплей и твоих вопросов. Можно я задам один-единственный?

КРИСП (*широко улыбаясь, прохаживается вокруг Приска*). Вот это хорошо. Вот это как надо...

ПРИСК (*удивленно наблюдая за Криспом*). Задавай.

МАРЦЕЛЛ. Скажи, Гельвидий Приск, кто был Тразея?

КРИСП (*Марцеллу*). Ты о чем это?

ПРИСК. Лучший из нас!

МАРЦЕЛЛ. Это понятно, но какой он был?

ПРИСК. Он не жалел себя ради справедливости!

МАРЦЕЛЛ. Как и ты? Только не волнуйся. Кто он был?

ПРИСК (*волнуясь*). Я скажу! Ему были в равной мере свойственны доблесть и скромность, ум и гуманность... Еще в юные годы...

МАРЦЕЛЛ (*перебивает*). Я не просил панегирика. Что он был за человек?

ПРИСК. Великий человек!

МАРЦЕЛЛ. Боги, сжальтесь над ним! Ему отшибло память! Собственного тестя он вспоминает, как египтянин - священного крокодила! Приск, неужели ты говоришь

о человеке, вместе с которым ходил в баню? Какой он был?

Приск тщетно силится сказать что-нибудь, мычит.

МАРЦЕЛЛ. Вот к чему приводит жажда справедливости. Поистине, Тразея заслужил памятник. Хоть и был человек хороший. Лошадей любил. Но до того хороший, что постановлением сената казнен. Почему бы это?..

ПРИСК. По твоему доносу казнен!

МАРЦЕЛЛ. Но постановлением сената. И знаешь почему? Он сам говорил.

КРИСП. Что ты говоришь такое?

МАРЦЕЛЛ. Отстань ты от меня! (Приску.) Так что говорил Тразея? Что человек, попавший в город сумасшедших, будет единственным сумасшедшим. Ты помнишь это, Гельвидий Приск? Кого винить, что он мертв? Кто отвечает за сумасшедшего?

ПРИСК (*кричит*). Заткнись!

ПРИМ. Это ты заткнись! Ты больше рта не откроешь! Боги, как я устал от этого человека! Дали тебе выговориться? И хватит.

ПРИСК. Но правда?

ПРИМ. Которая из них? Тразея, Нерон, кто тебя волнует? Ткни пальцем в кого хочешь, он выложит тебе эту самую правду. Африкан, скажи нам, кто такой Нерон?

АФРИКАН. Дерьмо!

ПРИМ. Правильно. Регул!

РЕГУЛ. Ужаснейший из

людей! Нет такой подлости, такого позора, к которому он не имел бы отношения!

ПРИМ. Слышишь, как заливает? Кто там еще? Аттиан!

АТТИАН. Циркач, актер и раб! Хуже раба!

ПРИМ. Вот. Или тебе нужна другая правда? Все здесь знают, все понимают, а ты - карать. Кого?

ПРИСК. Судить.

ПРИМ. А доказательства? Были бы у тебя списки из архива, другое дело. Есть у тебя списки? И не будет, сам знаешь. Кого судить? Они все понимают. Африкан, скажи про Тразею.

АФРИКАН. Тразея был человек непреклонный в доблести своей. Знаешь, Приск, иногда мне кажется, что Тразея был лучшим из нас.

ПРИМ. Вибий Крисп, говори!

КРИСП. Многое я могу сказать о Тразее. И начать хочу вот с чего...

ПРИМ. Хватит, не кончишь. Приск, будем остальных тормозить по очереди или как? Хотя нет, видишь, старика Руфа сморило, он ни слова не слышал. Толкните там Руфа, все заседание проспит. (*Руфа будят.*) Уважаемый Клувий Руф, прости нас за беспокойство, но мы хотели бы узнать, что ты думаешь о человеке великом, образ которого стоит перед всеми нами?

Проснувшийся Руф растерянно озирается, пытается

сориентироваться, и обращает внимание на Африкана, который стоит за спиной Приска, рядом с памятником Домицию Афру, и подает ему какие-то знаки, указывая то на Приска, то на небо. Старик присматривается, соображая, начинается.

РУФ. Сенаторы! Я скажу вам о человеке, образ которого всегда передо мной. Я скажу... Я все скажу. Этот человек, великий, как сказал уважаемый Антоний Прим, человек... (смотрит на Африкана, тот указывает на Приска) ... имеет некоторое отношение к Гельвидию Приску. (Смотрит на Африкана, тот одобряет.) Более того, должен вам признаться, что, по моему мнению, и сам Приск имеет к этому человеку некоторое отношение. (После этих слов Руф сам себе удивляется и недоуменно пожимает плечами. Оживление среди сенаторов.) Да, пусть вас это не удивляет... (Смотрит на Африкана, выставившего большой палец вверх.) Уважаемый Прим сказал здесь, что человек этот велик. Я согласен. Более того, можно сказать, что человек этот честен, и честность его не раз еще послужит Риму! Я уверен в этом!

ПРИМ. Послушай, Руф, он же умер.

РУФ. Да? Жаль. (Смотрит на Африкана, тот указывает на Приска.) Так вот, человек этот имел некоторое отношение к Гельвидию

Приску... Конечно, чести ему это не делает, но что правда, то правда. (Смотрит на Африкана, тот, корчась от смеха, делает непонятные знаки, постоянно указывая на Приска.) Вот что я думаю. Может быть, Приск все это сам выдумал? Его заносит иногда, это точно. Такой великий человек, о котором я говорю, и Приск? Маловероятно. (Африкан радостно хохочет.) Ну конечно! Приск, признавайся.

ПРИМ. Увы, Руф, это чистая правда.

РУФ. Да? Жаль. Но ничего, человеку, истинно великому, даже Приск - не помеха. А человек этот истинно велик, пусть не покажется вам преувеличением такое мое слово. (Замолкает, глядя на Африкана. Тот, давась от смеха, отходит к памятнику, опирается на него.) А, я понял! Только непонятно, при чем здесь Приск?

ПРИМ. При том.

РУФ. Ну и ладно. Этот человек отличался добродетелями великими. Его ораторский дар стоял на страже справедливости, его ум изрядно послужил Риму и императору. Одна беда, конечно, была: насчет женщин был слабоват. Старый был, а ушлый, паразит. Но великим простительны малые слабости.

ПРИМ. Да?

РУФ. Конечно! И нечего Приску на меня таращиться! Правда, она правда и есть!

Что еще сказать? Великие люди не проходят, как облака, но светят, как солнце. И твой образ навечно останется перед нами назиданием потомству и утешением старикам. Память не сотрется! *(Поднимает руку, величественным жестом указывает на памятник.)* Прославленный римлянин Домиций Афр!

Пауза, замешательство в сенате.

ПРИМ. Кто?

РУФ. Домиций Афр.

ПРИМ. С чего ты взял?

РУФ *(на Африкана.)* Вот этот показал.

ПРИМ *(Африкану.)* Ты?

Хочущий Африкан от-рицательно мотает головой.

ПРИМ *(Руфу.)* Я о Тразее спрашивал!

РУФ. То-то я думаю, чего он на Приска показывает? Но при чем тогда памятник?

ПРИМ. Откуда вообще взялся этот кусок глины?

КРИСП. Вчера еще не было.

РУФ. А по-моему, он тут всю жизнь стоял.

ПРИМ. Кто он такой? Убрать!

РУФ. Зачем же так?

ПРИМ. Убрать, говорю! Африкан, распорядись.

Африкан выходит, вскоре появляется в сопровождении двух рабов.

ПЕРВЫЙ РАБ. Кого тут выносить?

АФРИКАН. Не болтай.

ПРИМ. Тащите его отсюда.

Рабы снимают памятник с постамента и чуть не роняют его.

АФРИКАН. Держи!

ПЕРВЫЙ РАБ. Голова круглая, не ухватишься.

ВТОРОЙ РАБ. За нос бери, вон торчит.

ПЕРВЫЙ РАБ. Да маленький нос, не ухватишься. Не могли побольше сделать!..

Выносят.

ПРИМ. Слышали? Зака-зывают скульпторам носы побольше, если не хотите, чтобы вас после смерти разбивали.

На форуме царит благодушие, сенаторы смеются. Прим, так же добродушно посмеивающийся, видит нового человека у входа.

ПРИМ. И вот еще что. Мы будем просить Веспасиана отложить свой приезд, потому что легатов сегодня выбрать нам не удастся. Ввиду необычайного наплыва посетителей.

Сенаторы смеются.

ПРИМ. Что тебе надо?

ЧЕЛОВЕК. Я прислан, чтобы доставить из архива списки, затребованные сенатом.

ПРИМ. Прекрасно! Только я не припомню, чтобы мы что-то затребовали.

ЧЕЛОВЕК. Сенатор Юний Мавриций прислал человека со свидетельством о том, что сенат требует из архива Нерона материалы, относящиеся к делу Тразеи Пета.

Наступает тишина. Пауза.

ПРИМ. И тебя отправили сюда с материалами по делу Тразеи?

ЧЕЛОВЕК. Да.

ПРИМ. Ты их принес?

ЧЕЛОВЕК. Да. Кому передать?

Пауза.

МАВРИК (*весело*). Прим! Я не думал, что получится!

ПРИМ. Да уж...

МАВРИК. Прим, это списки, о которых ты говорил! Осталось только прочитать!

ПРИМ. Да?

МАВРИК. Конечно!

Пауза.

ПРИМ. Ну что ж, почитай, если ты такой любопытный. (*Человеку*.) Отдай списки тому, кто осчастливил нас возможностью с ними познакомиться.

Человек идет к Маврику.

КРИСП. Стой!

ПРИМ. Отдай, отдай. И ступай обратно.

МАВРИК. Вот они! Теперь можно попусту не спорить, осталось прочитать.

Читает.

ПРИМ. Почитай, почитай...

АФРИКАН (*Приму*.) Что ты делаешь?

ПРИМ. У тебя не спросил.

Африкан начинает медленно двигаться к Маврику.

ПРИМ. Назад!

Африкан останавливается.

МАВРИК (*не так уверенно*). Есть правда...

АФРИКАН (*негромко*). И нет правды...

МААВРИК (*не расслышав*). Что?

АФРИКАН. Нет, малыш, ничего. Читай, раз уж начал.

Африкан медленно продвигается к Маврику. Тот читает, на лице - крайняя озадаченность. Тишина. Наконец Маврик отрывается от списков, оглядывается в растерянности.

ПРИМ. Прочитал? (*Маврик кивает*.) И зря, согласишься со мной. (*Маврик опять кивает*.) Дай-ка сюда.

МАВРИК. На. (*С места не двигается*.)

К нему подскакивает Регул, выдергивает из рук списки, передает их Приму.

ПРИМ. Ну ладно, посмотри.

Прим читает. Сенаторы потихоньку окружают его, каждый старается пробраться поближе, заглянуть через плечо, и те, кому это удается, читают; остальные

ные негромко задают им вопросы, подталкивают, кто-то отвечает, спорят. Идет угрюмое шевеление; напряженная масса кишит вокруг Прима, переругиваясь и огрызаясь. Неясный гул стоит над форумом, становится громче, громче. Над толпой слышен чей-то выкрик:

- Говорил тебе, не лезь?! Мало было? Мало? Идиот!

Кто-то отходит, обхватив голову руками. Медленно унимается гул, место возле Прима понемногу освобождается. К бумагам пробирается Клувий Руф. Старик читает, и над сенатом раздается негромкий, трясущийся, жутковатый старческий смех. Руф смеется, подрагивая всем телом, держась за голову. Под этот аккомпанемент сенаторы начинают обступать Маврика со всех сторон, и вскоре он оказывается взятым в плотное кольцо. Туда решительно прорывается Африкан, и за плотной сенаторской стеной начинается молчаливая борьба, какая-то возня. В этот момент Прим отрывается наконец от списков, передав их Руфу, всхлиplyвающему от смеха, и теперь только видит происходящее.

ПРИМ. Эй, что там происходит?

АФРИКАН. Все хорошо, не волнуйся.

ПРИМ. Ну, дурак!.. Как

есть дурак... Что ты делаешь? Отпусти мальчишку!

АФРИКАН. Не лезь, сами разберемся.

ПРИМ. Отпусти, я сказал!

РЕГУЛ. Да? Веспасиана ждать? Он придет, он разберется?

АФРИКАН. Слышал? Я ему дам списочки...

ПРИМ. Ничего не соображают... На, бери эту бумагу! Ты слышишь? Это бумага, она ничего не значит. Ее даже нет!

АФРИКАН (трясет Маврика.) Она есть!

ПРИМ (негромко, властно). Африкан, ты меня знаешь. Отпусти ребенка.

Африкан быстро отходит от Маврика, сенаторы спешат разойтись по местам.

ПРИМ. Вот так. (Прохаживается перед сенаторами, тем временем бдительный Африкан перекрывает выход. Прим смеется.) И знаете, что забавно? Марцелл, там написано, что ты руководил каким-то заговором. Ты что, и правда заговорщик? Между нами?

МАРЦЕЛЛ (который, как и Приск, в чтении не участвовал.) Нет.

ПРИМ. А зря. Впрочем, я так и думал. Африкан, отойди от входа, еще напугаешь кого... Отойди, я же сказал, нет этих списков.

АФРИКАН (недоверчиво). Ну да... Я их читал сейчас...

ПРИМ. Я тоже, ну и что?

Маврик, неужели тебе просто по сенатскому требованию выдали списки? (Маврик мнется). Ну скажи, ты же честный мальчик. Так вот просто и выдали?

Пауза.

МАВРИК. Не совсем так.

ПРИМ. Уже лучше. А как?

МАВРИК. Я просил...

ПРИМ. Кого именно?

МАВРИК (после паузы). Не могу сказать.

ПРИМ. А если мы попросим?

МАВРИК. Не могу...

ПРИМ. И не надо, и не говори. Друзей подводить нельзя, а мне уже и неинтересно. Видишь, Африкан, а ты - руки ломать... (Громко.) Вопрос об обнародовании императорского архива может быть решен только и исключительно принцепсом! Я понятно говорю? Принцепсом! И это - закон! Так что списки получены незаконно.

АФРИКАН. Да какая разница?

ПРИМ. Большая. Одно печально: наш юный правдолюб, движимый побуждениями безусловно благородными сам того не ведая, нарушил закон. И его следует наказать. Это ссылка. Острова какие-нибудь. Жаль, парень он честный, хороший парень. Мне он нравится, но его должны судить. Вот так.

РЕГУЛ. Он расскажет Веспасиану про списки.

ПРИМ. Их вытащат и дадут Регулу, да? Бери, скажут, Регул, пользуйся! Так, по-твоему? Да и кто тогда в

сенате останется? (Смеется.) Жалко мне юного сенатора. Да... И вот что я придумал. Мы как-никак постарше, не к лицу нам толкать оступившегося. Не звери мы все-таки. Мы все вместе забудем про списки! Не было их. (Ко всем, громко.) Не было, ясно? Видишь, малыш, они согласны. С этим делом мы покончили, верно? Покончили, все.

ПРИСК. Нет, не все! (Пауза.) Законом поступаться нельзя! Маврик должен быть наказан.

Пауза.

КРИСП. Ты решил топтать мальчишку вместе с остальными?

ПРИСК. Нет, я решил добиваться правды и буду это делать в любом случае. А коль скоро списки все равно попали к нам в руки, ими должно воспользоваться! Марцелл должен быть осужден!

АФРИКАН. Так... Пора запускать донос, который написали Флав и Натта. Приск, ты хотел быть императором?

ПРИСК. Глупая ложь.

ПРИМ. Он не подписан.

АФРИКАН. Я подпишу. Или не я, кто-нибудь да подпишет.

ПРИМ. Перестань.

ПРИСК. Мне нужна справедливость, и я не могу требовать наказания для одного лица, закрывая глаза на нарушения со стороны другого. Мне жаль Маврика, но он должен быть наказан!

МАРЦЕЛЛ. Гельвидий, мы с тобой можем ругаться сколько угодно, мальчишку зачем втягивать?

ПРИСК. Я не собираюсь с тобой ругаться! Я собираюсь добиться твоей казни! А Маврик сам себя втянул!

МАРЦЕЛЛ. Не стыдно?

ПРИСК. Мне нечего стыдиться! Я ничем себя не запятнал!

Марцелл выразительно разводит руками.

КРИСП. Марцелл, скажи ему! *(Тот отмахивается.)* Да скажи ты ему! Тогда - я. Эй ты, девственник! Тебе память не отшибло? Чист он, понимаешь ли, как лоб Цезаря!.. Помнишь, что у этого юноши есть брат? Твой друг, Арулен Рустик?

ПРИСК. И что? Он поймет меня, мы останемся друзьями.

КРИСП *(Маврику.)* Твой брат не рассказывал тебе о деле Тразеи? Ничего особенного не говорил?

МАВРИК. Не помню. Это было давно, в детстве.

КРИСП. Жаль... Арулен Рустик - все помнят! - был тогда народным трибуном! И мне доподлинно известно, что он хотел наложить вето на приговор Тразее Пету! В возможном результате я не уверен, но Рустик пытался спасти Тразею! Даже Нерон иногда побаивался преступать право вето! И ты, Гельвидий Приск, отговорил Рустика от этой попытки!

ПРИСК. Это наши личные дела!

КРИСП. Сенаторы, вы слышите?! Рустик мог препятствовать гибели Тразеи, но Гельвидий его от-го-во-рил!

ПРИСК. Но об этом никому не известно! Никто не может говорить!..

КРИСП. Я говорю! И мне известно! Тебя можно обвинить в том, что ты препятствовал попыткам спасти Тразею Пета! Из каких побуждений, пока не ясно. Но можно назначить разбирательство! Прим, это так?

ПРИМ. Так. Но мы не будем этого делать.

КРИСП. Я не спрашиваю, что мы будем делать! Я спрашиваю, можно назначить разбирательство?

ПРИМ. Да.

АФРИКАН. Ага, уже кое-что!..

МАРЦЕЛЛ. Я тоже знаю эту историю. Там все не просто, И Приск - действительно честный человек. Что и противно. Я против разбирательства!

ПРИМ. Я - против.

КРИСП. Вы что? *(Марцеллу.)* Он тебе шею свернет!

МАРЦЕЛЛ. Сам себе, разве что...

ПРИСК. Марцелл, я сделаю все, чтобы свернуть эту самую твою шею! Что скажешь? *(Марцелл молчит, пауза.)* Сенаторы! Вы клялись богами, что будете бороться за правду! *(Озирается, никто не отвечает.)* Прим, скажи мне, должен ли соблюдаться древний закон? *(Пауза.)* А согласно древнему, да и всем прочим зако-

нам, согласно правде и справедливости. (*Затравленно озирается. Пауза.*) Но я же прав? Вы слышите меня? Я прав? Прав? Прим, ответь, я прав?

ПРИМ. Прав.

ПРИСК. Аттиан, я прав?

АТТИАН. Да.

Приск идет по кругу, с каждым шагом заходя все больше.

ПРИСК. Регул, я прав?

РЕГУЛ. Да, ты прав.

ПРИСК. Африкан!..

АФРИКАН. Прав.

КРИСП. Прав.

ПРИСК. Марцелл, я прав?

МАРЦЕЛЛ. Да. Прав.

Гельвидий Приск обходит форум, и отовсюду слышны ответы?

СЕНАТОРЫ. Прав. Прав...

Наконец, завершив круг, Приск, задыхаясь, останавливается в центре, не зная, судя по всему, что делать и что говорить. Стоит, беспомощно озираясь, когда сбоку раздается голос Регула.

РЕГУЛ. Эй, Приск! Тут старый Руф ничего не сказал. Опять спит, наверное.

Пауза.

РУФ. Я не сплю.

РЕГУЛ. Так скажи Гельвидию, что он прав.

Руф молчит.

РЕГУЛ. Он прав?

РУФ. Он прав, но я не хочу говорить ему об этом.

ПРИСК (*с видом безумца, кричит*). Я прав!!!

Пауза. В полной тишине смотрят сенаторы на озирающегося Приска. Некоторое время он бессмысленно крутится на месте, затем бежит к выходу, исчезает. Пауза.

ПРИМ. Ну что, будем выбирать легатов? Теперь без шума, надеюсь? (*Пауза.*) Но сперва покончим с тем, что наговорили. Я, пожалуй, прочитаю постановление. (*Пытается принять торжественную позу, но у него не получается.*) Ладно. Сенаторы! Именем богов, на благо Цезаря и Отечества сенат постановил:

Первое: уличенного раба Люция, выдававшего себя за живого императора Нерона, придать казни принародно, о чем объявить в положенный срок.

Второе: ввиду отсутствия бесспорных свидетелей, запутанного состояния и спорности вообще, дел о доносах впредь не возбуждать. Все.

МАРЦЕЛЛ. А Тразея как?

ПРИМ. Ах, да, забыл. Кроме того, сенат постановил:

Учитывая огромные заслуги перед Римом и императором, дабы увековечить память о прекрасном сыне Отечества, гражданине, который послужит примером не одно-

му поколению римлян и вдохновит их на дела прекрасные; а также вечным напоминанием об ужасных временах, когда правда и справедливость в лице лучших наших братьев были поправны, сенат постановил: установить на форуме памятник Тразее Пету!

Пауза.

МАРЦЕЛЛ. Прим, пойдужа, пожалуй. Теперь я, кажется, заболел.

ПРИМ. Да, конечно.

МАРЦЕЛЛ. Одного я не понимаю, почему он не бежал к парфянам?

ПРИМ. Кто?

МАРЦЕЛЛ. Нерон.

Пауза.

ПРИМ. Я не знаю.

МАРЦЕЛЛ. Я тоже не знаю. А ведь это был единственный его шанс... *(Пауза.)* Так я пошел?

ПРИМ. Иди, иди.

Марцелл уходит.

ПРИМ. Прошу всех занять свои места.

Сенаторы рассаживаются, в центре остается один Маврик, так и не сдвинувшийся с места, будто окаменевший. Прим только теперь обращает на него внимание.

ПРИМ. Малыш, что с тобой? Знаешь, что... Мы сейчас будем выбирать легатов... *(Приобнимает Маврика, ведет его через форум на место.)* Легатов выбирает жребий. И тебе, малыш, мы

доверим провести этот жребий. Боги должны говорить устами честного человека, а тебе мы все верим. Слышишь? Многие хотели бы оказаться на твоём месте. Ты слушаешь меня? На моей памяти никто еще не удостоивался такой чести в столь юном возрасте. Тебе повезло, малыш, тебе крупно повезло. Я даже завидую тебе. Немножко. Ты согласен провести жребий?

Маврик бормочет что-то.

ПРИМ. Не слышу, согласен?

МАВРИК. Согласен.

ПРИМ. Вот и хорошо. Сенаторы, приступаем! *(Выходит в центр.)* Дайте-ка мне настроиться.

Разминается, преображается, плечи его распрямляются, вид обретает гордую торжественность. Пауза. Прим делает знак рукой - орация.

ПРИМ. Сенаторы! Юпитер Освободитель сегодня с нами! Прервался поток тираний и войн, столь долгое время сотрясавший государство, вырывавший из наших рядов лучших, достойнейших сынов Отечества, а всех остальных принуждавший смиряться и в скорбном молчании переносить ужаснейшие надругательства и преступления! Мы выжили и будем вечно...

Его прерывает шум у входа. Появляются изгнанные за драку Кретик Флав и Цецилий Натта. Оба пьяны.

ПРИМ. Это еще что?

НАТТА. Право имеем.

ПРИМ. Что?

НАТТА. Мы тут сенаторы.
(Флаву.) Садись, старичок.

(Садятся, Флав засыпает.)

ПРИМ. Да вы что? Домой идите!

НАТТА. Не надо громко. Мы тут тихо... Тс-с-с...

ПРИМ. А и ладно. Я продолжаю. Мы выжили и будем вечно помнить...

НАТТА. Тише, пожалуйста!..

АФРИКАН. Замолчи!

Натта с трудом поворачивает голову.

НАТТА. Это кто сказал? Это Приск? Ты, Приск, молчи, мы со старичком на тебя еще двадцать доносов напишем. Чтобы не орал! С большим удовольствием.

ПРИМ. Я тебя выставлю!

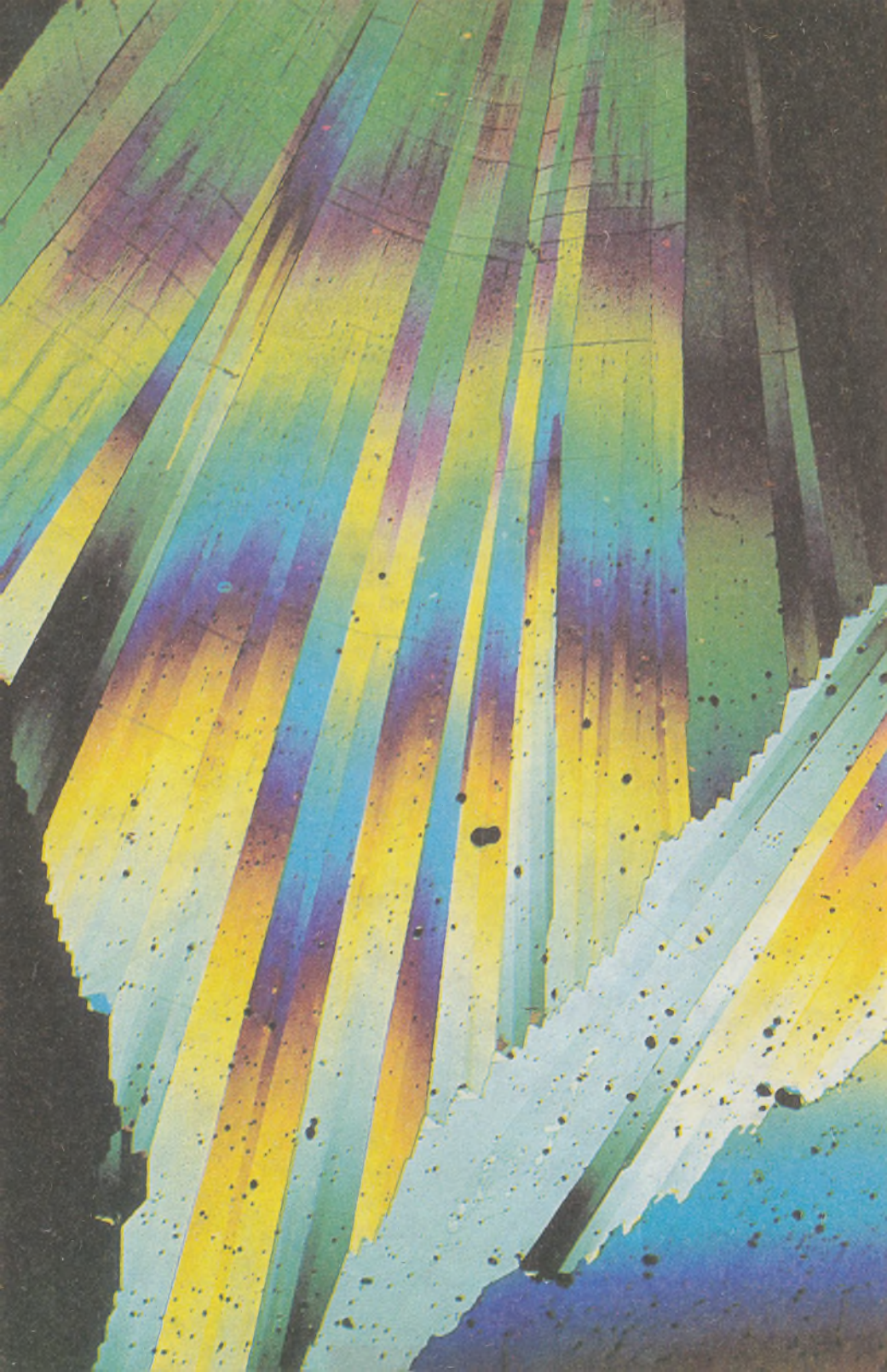
НАТТА. Я молчу. Я же тихо... Молчу.

ПРИМ. Смотри у меня! Где я остановился? *(Пауза.)* Мы выжили и будем вечно помнить тех, кто неподкупностью и самой смертью своей укреплял наш дух, подавал пример стойкости и бесстрашия, неукротимости и верности своему долгу. Запомним их, с почтением к их памяти, утверждаясь в ней, войдем в новые времена мира и благочестия!

Сенаторы встают. Оvation.

Занавес.

1987

Джон Барт (г.р. 1930) давно уже превратился в фигуру легендарную. Наверно, со всевозможными оговорками, разумеется, его можно назвать самым знаменитым из ныне живущих писателей-модернистов.

Естественно, что "самый одаренный и значительный из современных американских писателей модернистской ориентации". (А.М.Зверев) потому у нас и не переводился, что был уж слишком одарен, что сквозило в каждой строке его творений. Зато щедро переводились такие посредственные авторы, как Гор Видал. Вот он-то наверняка бы горько скривился, узнав о выборе "Лабиринта". Ведь вот что он писал по поводу "Торговца дурманом": "... читая книгу, все, на что я оказался способен, - это вызвать улыбку на лице, когда встречал вялые шутки и отталкивающую стилизацию под мнимый XVIII век. Я остановился на 411-й странице, а оставалось прочитать еще 407. Предложения все время распались на части..." И далее о том, что Барт невежествен относительно XVIII века, что он не обладает чувством юмора, как американцы вообще и их тяжеловесные романисты в частности. Под конец разошедшийся Видал вбил гвоздь во все творчество Барта: "Дожен сказать, что при чтении такой бездарной писанины возникает ощущение удушья".

Попробуем собрать контраргументы. Во-первых, американская "Энциклопедия мировой литературы XX века" безоговорочно признает "Торговца" шедевром и как раз подчеркивает, насколько тонко сделал Барт стилизацию под "роман воспитания", в частности под "Тома Джонса" Филдинга.

Во-вторых, в рецензии на "Торговца", опубликованной в "Нью-Йорк таймс бук ревью", утверждает: "Потрясающе смешно, отвратительное злословие... Книга представляет собой блестящую сатиру на все человечество..."

И в-третьих, именно предлагаемые вам отрывки были отобраны Б.Дж.Фридменом для образцовой в своем роде антологии "Черный юмор" (1965).

В таких случаях принято говорить - решает читатель. Чтобы его окончательно подготовить к восприятию Барта, приведем суждение о романе критика В.Муравьева в книге "Писатели США": "Герой его - реальное лицо, американский поэт-иммигрант XVIII в. Эбинизер Кук, и роман носит название его поэмы 1708 г. "Торговец дурманом". Поругание невинности и осмеяние возвышенных устремлений героя, преобразование эпического замысла в сатирический, а истории в "круговую метафору" - таков сюжет псевдоэпопеи Барта о колониальном освоении Америки. Раблезианский стиль романа создает трагикомическую атмосферу, обеспечивает игровую многозначность явлений".

Остается только надеяться, что не за горами появление на нашем литературном небосклоне "Козлоноши Джайлза", самого знаменитого творения Джона Барта...

Джон БАРТ **ВАЖНОЕ ПАРИ**

между Эбинизером и Бенном Оливером

и ЕГО НЕОБЫЧНЫЙ ИСХОД

(Из романа "Торговец дурманом")

В кружке Эбинизера сводничал некий жилистый, рыжеволосый, обсыпанный веснушками бывший дублинец по имени Джон Макивой, двадцати одного года от роду, не обремененный школьным образованием, который нехватку денег и осанности компенсировал избытком энергии и находчивости, днем валялся в кровати, по вечерам сводничал для своих состоятельных друзей, большую часть ночи сочинял мелодии для лютни и флейты и из множества предметов, чтимых людьми, ценил лишь три: свою любовницу Джоун Тоуст (которая, будучи шлюхой, являлась к тому же его возлюбленной и средством существования), музыку и свободу. Не Джоун-резушку стоимостью в одну крону, а Джоун-самочку стоимостью в две гинеи, и лечь с ней в кровать стоило таких денег, о чем было известно всем, кроме Эбинизера. Она любила своего Джона, хотя он и был ее сводником, а он искренне любил ее, хотя она и была его шлюхой, поскольку ни один мужчина не бывает только сводником и ни одна женщина - просто шлюхой. Они и в самом деле казались любящей парой, и парой ревливой.

Вся задор, воображение и смелые карие глаза, хрупкая, с большим бюстом и тугой кожей (хотя поры у нее, надо признаться были крупноваты, волосы как пакля, а зубы не лучшего качества), Джоун Тоуст ночью принадлежала тому, у кого находлись две гинеи на то, чтобы обладать ею и унижать ее, как ему вздумается, а она отработывала стоимость его монет и давала больше, потому что так относилась к своему ремеслу, как если бы покупателем была она, а продавцом - он; но наступало утро, и она становилась холодной, как рыба, и возвращалась к своему Джону Макивою, и случись ее ночному любовнику подмигнуть ей при свете дня, для него больше не было Джоун Тоуст ни за какие деньги.

На протяжении нескольких лет Эбинизер, разумеется, наблюдал за тем, как она предавалась распутству с его приятелями, а из разговоров в кофейне ему довелось узнать о ней из вторых рук много таких подробностей, приобщиться к которым из первых ему мешала лишь собственная неорганизованность. Когда в нем просыпался мужчина и ему случалось думать о ней, то только как об уличной девке, которую, если ему однажды достанет на то целеустремленности, было бы приятно нанять, дабы она посвятила его в таинство. Ибо сложилось так, что Эбинизер в свои почти тридцать лет все еще, по причинам, разъясненным в предыдущих главах, оставался девственником, а значит, человеком в собственном смысле слова не являлся. Он мог вообразить себе, как мужчина обладает женщиной - любой мужчиной: решительный и застенчивый, зеленый юнец и седовласый развратник, - мог мысленно представить приличествующие каждому в зависимости от обстоятельств речи, но коль скоро в себе самом он подобных качеств не усматривал, а лишь восхищался ими, то, когда представлялся случай, он никак не мог выбрать, какую роль из известных ему играть, и потом в итоге всегда либо упускал свой шанс, либо, что случалось гораздо чаще, вел себя некрасиво, был в замешательстве, если не сказать - в смятении. Поэтому женщины, как правило, не смотрели на него дважды, и не от того, что он был нехорош собой - он уже неплохо усвоил, что и у величайших соблазнительей бывали козлиные морды и манеры ящериц, - но от того, что женщине, увидевшей однажды его нескладную фигуру, никакого иного объекта для обозрения больше не оставалось.

Он и в самом деле мог бы сойти в могилу девственником - ведь крайнюю нужду можно при необходимости справить если не одним, то другим способом, и рука, записывающая двустихья, без всяких ухаживаний становится проворной любовницей, - но в ту мартовскую ночь 1694 года на него обратила внимание Джоун Тоуст и вот при каких обстоятельствах. Кавалеры, по своему обыкновению, сидели кружком у Локэ, попивая вино, сплетничая, хвастаясь своими победами над мюзой и девицами. Присутствовали Дик Мерриуэзер, Том Трент и Бен Оливер - уже изрядно навеселе, Джонни Макивой и Джоун Тоуст - в поисках клиента и Эбинизер - в изоляции.

В разговоре наступила пауза.

- О-хо-хо! - вздохнул Дик. - Кабы в этом мире острословию сопутствовало богатство, в нем можно было бы жить, ведь золото - лучшая приманка для нежных крольчих, и тогда мы, поэты, стали бы грозными охотниками!

- Необязательно золото, - возразил Бен. - Когда б Господь хоть вполовину вразумил женщину, в чем ее интерес! Фантазия и пылкость - вот что отличает хорошего любовника, а для кого же, как не для нас, поэтов, фантазия и пылкость - ору-

дия труда. Отсюда ясно, что из всех мужчин поэт - самый желанный любовник: если его возлюбленная красива, то красота ее радует глаз пиита, если нет - его воображение сможет нам лучшим образом компенсировать ее нехватку. Допустим, девица разонравилась и от нее стремятся избавиться - что ж, по крайней мере, на какой-то момент ей было даровано то лучшее, что может получить женщина. Если она пленит сердце поэта, он, вероятно, запечатлеет ее прелести в стихах, где ей не будут угрожать ни возраст, ни сифилис. Коль скоро в этом отношении поэты предпочтительнее всем прочим, значит, лучший среди поэтов оказывается лучшим любовником. Если бы женщины понимали свои интересы, они положили бы жизнь свою на то, чтобы отыскать его, а отыскав, немедленно сложили бы, трепеща, свою благосклонность к его ногам - нет, на его письменный стол и умоляли взглянуть на них поласковой!

- Ну-ка, выкладывай! - обратился Дик к Джоун Тоуст. - Бен правильно говорит: это ты должна заплатить мне за эту ночь две гинеи. Подумать только, кабы я не был нынче беден, как церковная мышь, и кабы мне жить да жить, тебе не удалось бы так дешево купить бессмертие! Мой совет: пока я жив, торопись заключить сделку, ибо поэт недолго пребывает в этом мире!

- Как же! - невозмутимо парировала Джоун. - Если бы хоть один из вас мог рифмовать с такой же легкостью, как болтать языком, и задавать своей подружке перцу столь же неутомимо, как задаваться, клянусь, что ваши стихи были бы в Лондоне у всех на слуху, а задницы - в каждой постели. Но за болтовню пошлости не платят, и потому я не стремлюсь ублажать свои уши и свой зад ни с одним из вас, кроме Джона. Он не важничает и не хвастается, он бережет слова для песен, а силу для постели.

- Эге! Хорошо сказано! - заплодировал Бен.

- Кабы еще к месту, - добавил Джон Макивой и посмотрел на нее, слегка нахмурившись. - Пусть этой ночью, любимая, подобные сантименты не воздвигают преград между тобой и двумя гинеями, потому что в противном случае у твоего Джона не будет ни силы, ни песен, а утром он с урчащими кишками уляжется с тобой в кровать.

- Проклятье! - хладнокровно произнес Том Трент. - Если леди Джоун рассуждает правильно, тогда среди нас найдется кое-кто, заслуживающий ее благосклонности гораздо в большей степени, нежели ты, Макивой, ибо если на каждые два наших слова приходится одно твое, то десять твоих слов приходятся на одно его - я имею в виду Эбинизера, который, судя по бессловесности, является величайшим поэтом и повесой данного, а также всех прочих питейных заведений - Джон Мильтон и Дон Жуан Тенорио вместе взятые!

- А в самом деле, - заявила Джоун, которая по случайности сидела рядом с Эбинизером, и похлопала его по руке.

- Во всяком случае, - улыбнулся Макивой, - я никогда не слышал ни строчки его сочинения, а значит, у меня нет доказательств, что он не поэт.

- А у меня, что он не тот, другой, - дерзко добавила Джоун, - в любом случае поведение всех вас остальных не столь похвально! - И, слегка покраснев, пояснила: - Должна признаться, я слышала одну поговорку: "От брака толстеешь, а от любви худеешь", то есть из толстяков частенько получаются веселые и покладистые мужья, а у костлявого да худого все длинное, и в кровати он прыгуч. Как бы там ни было, а доказательств тому у меня нет.

- Тогда, черт побери, ты их получишь! - вскричал Бен Оливер. - Ибо дело не в длине как таковой, а в способности вытягиваться. Когда в руке у вас орудие любви, молю, признайте важность диаметра, ибо диаметр придает орудию любви увесистость - в руке ли он или в предмете, коли на то пошло! Нет, девочка, я держусь за своего толстяка, равно как и он держится за меня. Как говорится, упитанный петух - суший дьявол в курятнике - топчет его обитательниц со знанием дела!

- Вопрос слишком принципиальный, чтобы оставить его не проясненным, - заявил Макивой. - Твои соображения, Том?

- Меня не интересуют вопросы плоти, - ответил Том, - но я всегда отмечал, что женщины, как и мужчины, получают огромное наслаждение от вещей запретных и превыше всего ставят победу над особой духовного звания либо славящейся праведной жизнью. Догадываюсь, что тем самым трофеем становится для них в два раза слаще, поскольку тяжело достался, но достался свежим и крепким, как выдержанный бренди, ибо находился в бутылке под пробкой довольно долгое время.

- Дик?

- По-моему, это бессмыслица, - высказался Мерриуэзер. - Любовником мужчину делает не вес, а обстоятельства. Полагаю, что самый упоительный любовник - тот, что собирается свести счеты с жизнью: актом любви он говорит "прощай" этому миру и в момент наивысшего наслаждения переходит в мир иной.

- Ну тогда, - подытожил Макивой, - ваш долг перед Англией - разрешить этот вопрос. Я предлагаю следующее. Пусть каждый из вас этой ночью сделает, так сказать, шаг вперед, и тот, кого Джоун назовет проигравшим, заплатит ей восемь гиней. Таким образом, победителя ждет слава и любовная утеха, проигравших - тоже любовная утеха (вдвойне!), а моя любезная и я вместо потрохов отведаем отбивные! Идет?

- Я - пас, - объявил Том, - похоть - забава низменная: сначала ты, как покорное животное, обнимаешь свою любов-

ницу, а потом превращаешься в зачухшее растение.

- И я - пас, - сказал Дик. - Водись у меня восемь гиней, я раздобыл бы трех девиц, бутылку мадеры и устроил прощальный пир, а там и помереть не жалко!

- И для меня - кто бы мог подумать! - тоже все кончено, и слава Богу, - признался Бен. - Последние два месяца ваша Джоун даже краешком глаза не замечала старика Бена!

- И не намерена замечать впредь, - весело откликнулась Джоун, - потому что ты, сэр, потеешь и воняешь! Мне надолго запомнилась наша последняя встреча: ты был в ударе! Я едва унесла оттуда ноги, точно сучка спаниеля из борového хлева, - вся в синяках и шишках, а потом притирала свои болячки мазями и парилась в ванне, дабы изгнать дух. Итак, слово за мистером Куком - да или нет?

- Быть посему, - пожал плечами Бен, - хотя знай я наперед, что меня будут оценивать, как племенной скот, изобразил бы тебе быка, а не борова - куда там твоему Минотавру! Что скажешь ты, Эбинизер?

А Эбинизер весь превратился в слух и, вероятно, принял бы участие в пикировке, но; увы, ему никак не удавалось отыскать подходящий тон в своем переполненном гардеробе. А потом от касания Джоун Тоуст Эбинизера словно прошло током, и в ту же секунду он почувствовал, как душа его вострепнулась в ответ. Разве Бойль не доказывал, разве не учил Берлингом, что и в вакууме имеет место электрическое взаимодействие? И вот, пожалуйста, в пустотелом поэте выиграл Бойль: дерзкая девица вызвала в нем какой-то странный магнетизм, высекла искру в вакууме его характера, и он распалился и задрожал.

Кто сказал, что возбуждение плоти формирует личность? Как раз наоборот. По мере того как насмешки становились все более колкими, Эбинизер распался и дрожал все больше и больше и к тому моменту, когда Макивой предложил пари, нервы его сдали, а мысли метались, как угодившие в силки крысы. Он был весь напряжение и внимание, он предчувствовал то мгновение, когда глаза присутствующих обратятся вопрошающе на него, и вот Бен спросил: "Что скажешь ты, Эбинизер?" - и он оказался под прицелом пяти пар глаз: от ожидания, от возбуждающего прикосновения Джоун Тоуст и смятения - как, с какой миной воспринять это пари? - ему сделалось дурно.

Что сказать? Что? Эбинизера распирало от избытка вариантов, но стоило одному, подобно легкой отрыжке, всплыть из глубин организма, как другие тут же всасывали его обратно. Последовали насмешливые переглядывания, улыбки. Эбинизер краснел: не от смущения, а от внутреннего давления.

- Что тебя мучит, приятель? - Макивой.

- Выкладывай-ка, парень! - Бен Оливер.

- Черт возьми! Он сейчас взорвется! - Дик Мерриуэзер.

У Кука подрагивала одна бровь. Дергался уголок рта. Он сжимал и разжимал руки, открывал и закрывал рот, от напряжения его чуть не вытошнило, но то было лишь рвотное движение, ложный позыв - продолжения не последовало. Он судорожно заглатывал воздух и потел.

- Гм! - прознес Эбинизер.

- Проклятье! Он болен. Это ипохондрия. Парень нуждается в клистере, - Том Трент.

Эбинизер снова было хмыкнул, но вдруг оцепенел и больше уже не шевелился и не говорил ни слова.

К этому времени его поведение отметили прочие завсегда-тай питейного заведения, и вокруг него, сидящего неподвижно, словно статуя, уже собралась горстка любопытных.

- Эй, очнись! - воскликнул один, щелкнув пальцами прямо в лицо Эбинизеру.

- Это у него от вина - не иначе, - заметил другой зевака и дернул поэта за нос, но без всякого эффекта. - Так и есть, - заключил он, - бедняга основательно промариновался. Заметьте, такая участь ожидает нас всех.

- Как хотите, а только это типичный случай нервного столбняка, - ухмыльнулся Бен Оливер. - Имеет место отказ от уплаты, а следовательно, победа за мной, и кончим на этом.

- Послушай, какая тебе в этом выгода? - поинтересовался Дик Мерриуэзер.

- Лишь та, что проведу эту ночь с Джоун Тоуст, - рассмеялся Бен Оливер и швырнул на стол три гинеи. - Ну, Джон Макивой, ты судья, тебе решать! Проверь мои монеты, приятель: они звенят не хуже других, а числом их три!

Макивой пожал плечами и посмотрел вопросительно на Джоун.

- А в поросячью задницу не хочешь? - фыркнула та, проворно спрыгнув со стула и, подмигнув честной компании, обвила шею Эбинизера и погладила его по щеке.

- Ах, душка моя, голубочек! - заворковала она. - Неужели ты отдашь меня этому бочонку жира, чтобы меня нашпиговали им, как какую-нибудь куропатку? Спаси меня, сэр!

Но Эбинизер не растрогался и с места не тронулся.

- Не сало ждет тебя, а вертел, - заметил Бен.

- Ах! - воскликнула в притворном ужасе Джоун. Она одним прыжком взобралась на колени к Эбинизеру и спрятала лицо у него на груди. - Я вся дрожу и трепещу!

Компания завопила от восторга. Джоун схватила Эбинизера за уши и притянула к себе.

- Уведи меня отсюда, - умоляла она.

- На вертел ее! - подначивали зрители. - Вздуть чертовку!

- Ну, пойдём, моя сладкая, - сказал Бен и пригрозил ей пальцем.

- Если ты, Эбен Кук, мужчина, если ты поэт, - бранилась Джоун, - выстави свои деньги против монет этого прохвоста! - Она вскочила на ноги и орала ему в самое ухо: - Скажи свое слово, будь мужчиной, не то, черт тебя побери, я достанусь Бену!

Эбинизер слегка вздрогнул и, моргая, выпрямился в полный рост, словно только что встал с кровати. Лицо его подергивалось. Он открыл было рот, как бы намереваясь что-то сказать, краснел и бледнел попеременно.

- У меня есть пять гиней, - произнес он слабым голосом. - Отец прислал их сегодня поутру с посыльным.

- Балбес, она просит только три, а очнись ты раньше, все обошлось бы тебе в две гиней, - сказал Дик Мерриуэзер.

- Что, Бен, накинешь ему два шиллинга? - полюбопытствовал Джон Макивой, который наблюдал за происходящим с невозмутимым видом.

- Не выйдет, - огрызнулась Джоун. - Здесь не лошадиный аукцион, а я не кобыла, чтобы на мне развезжал тот, кто даст большую цену. - Она нежно взяла Эбинизера за руку. - Ты просто, мой голубочек, поставь свои три гиней против трех Бена, и хватит говорить об этом. Ночь почти на исходе, и я порядком утомилась от бесстыдной перебранки.

Эбинизер тарачил глаза, судорожно сглатывал и переминаясь с ноги на ногу.

- Сейчас мне ставить нечего, - отвечал он, - у меня в кошельке всего крона. - И, оглядев компанию безумными глазами и качнувшись как бы с намерением упасть в обморок, добавил: - Пойдем со мной, я отдам тебе все.

- А парень, однако, не дурак, - заявил Том Трент. - Смекает в этом деле.

- Точно! Вылитый еврей! - согласился Дик Мерриуэзер.

- Лучше синица в руках, чем журавль в небе, - рассмеялся Бен Оливер и побренчал своими тремя гинейми. - Чистой воды надувательство! Как не стыдно заманивать честных женщин на погибель! А что бы сказал твой папа, Эбинизер, прознай он о делишках сыночка? Позор, позор!

- Не обращай внимания на этого осла! - посоветовала Джоун.

Эбинизер снова покачнулся. В публике послышались смешки.

- Клянусь тебе... - начал он.

- Позор! Позор! - еще раз прокричал Бен Оливер и погрозил ему жирным пальцем к полному восторгу компании.

Эбинизер предпринял было вторую попытку и поднял руку, но тут же безжизненно опустил ее.

- Полный назад, - раздалось чье-то тревожное предупреждение.

- Он снова деревснеет!

- Позор! - проорал Бен.

Эбинизер секунду пялился на Джоун Тоуст, потом нетвердой походкой пересек комнату и выскочил из пивной.

Разговор, произошедший между Эбинизером и потаскухой Джоун Тоуст, включающий повествование о великой пивавке медицинской

Обыкновенно после такого содома Эбинизер часами пребывал в оцепенелом раздумье. Поскольку ступор, подобный тому, что накатил на него у Локэ, приключался с ним и прежде, Эбинизер взял себе за правило, оправившись от недомогания, усаживаться за письменный стол с зеркалом в руке и подвергать свое лицо, которое лишь в эти мгновения оставалось недвижимым, самому пристальному вниманию. Он и на этот раз принялся рассматривать своего визави, однако выражение глядевшего на него из зеркала лица никак нельзя было назвать безучастным. Напротив, вместо привычного, по-свиному бессмысленного взгляда в нем отразилась резвость порхающей вокруг дымовой трубы ласточки, да и в голове, вопреки обыкновению, не было вселенского треска, словно там разместился гигантский ветряк. Эбинизер покрывался испариной, краснел и предавался самым сумасбродным мечтаниям. Он обследовал свои уши, которых коснулась Джоун Тоуст, безуспешно желая тем самым еще раз услышать тот давешний звон, и с тревогой признался самому себе, что отныне его сердце в ее руках.

- Бог мой, - вырвалось у него, - ну почему я не заключил этого пари?

Он замер, пораженный мужественным звучанием собственного голоса. Более того, он впервые разговаривал с самим собой вслух, но это обстоятельство, как ни странно, не смутило его.

- Кабы случай предоставился еще раз, - клялся он, - уж я бы не упустил его! Господи, я весь хмельной от этих глаз! Я весь горю от этих грудей!

Он снова схватил зеркало и произнес с торжественной миной:

- Кто ты, незнакомец? В твоей крови брожение, в твоей душе - смятение! Случись тут потаскушка Джоун Тоуст, она отведала бы этого геройского мужчину!

А может, вернуться и поискать ее у Локэ: вдруг она не поддалась на уговоры Бена Оливера? Но, во-первых, ему очень не хотелось сталкиваться со своими приятелями после недавнего бегства, а во-вторых:

- Черт бы побрал мою невинность! - рявкнул он и стукнул кулаком по разбросанной на столе писчей бумаге. - Ведь я ничего в этом не смыслю! Ну, предположим, она пошла бы со мной. Проклятье, что из того?

- Нет, - помрачнел он, - теперь или никогда! Эта Джоун Тоуст разглядела во мне... мужчину, обыкновенного мужчину, которого до нее во мне никто - ни женщины, ни

я сам - не видел! Но, право слово, это она меня им сделала, ибо когда мне случалось разговаривать вслух? Никогда прежде я не чувствовал в себе столько сил! К Локэ, - скомандовал он, - либо девственником в могилу!

Но вместо того чтобы встать из-за стола, он погрузился в бесстыдные туманные мечтания о спасении и благодарности, о кораблекрушении, об эпидемии бубонной чумы и каком-то наследстве, о похищении, бегстве и вооруженном падении и - что было его сердцу милее всего! - о великой славе и нечаянных милостях. Когда до него наконец-то дошло, что к Локэ он так и не отправился, он принялся бранить себя и в отчаянии снова ухватился за зеркало.

Лицезрение собственной физиономии подействовало на него успокаивающе: "Ну и тип! Вот так-так! О-ля-ля!"

Он рассматривал себя так и сяк, гримасничал, пока из глаз не потекли слезы, а потом в изнеможении уронил голову на руки и вскоре уснул.

Немного погодя снизу, с улицы, постучали. Эбинизер спросонок еще не успел сообразить, кто бы это мог быть, как дверь отворилась и в комнату вошел слуга Бертран, присланный к нему отцом всего несколько дней назад. Бертрана - холостяка лет под пятьдесят с худым лицом и выпученными глазами - Эндрю нанял в то время, когда Эбинизер обретался в Кембридже, и потому молодой человек знал его очень плохо. С собой он привез в запечатанном конверте записку следующего содержания:

"Эбинизер,

податель сего, Бертран Бертон, находился у меня в услужении с 1686 года, а теперь поступает в твоё распоряжение. Это довольно усердный малый, хотя и с апломбом, но если ему сразу указать место, из него получится хороший слуга. Они не ладили с миссис Твигг, и дело зашло так далеко, что я был вынужден либо расчитать его, либо растаться с ней, что при моем хозяйстве вряд ли возможно. Полагая слишком жестоким тотчас расчитать бедного малого, единственным недостатком которого является то, что он порой забывается, не забывая при этом своих обязанностей, я отсылаю его к тебе. Жалованье за первые три месяца ему выплачено. При твоём положении у Пэггена можно позволить себе содержать слугу, буде на то желание".

Хотя его жалованье у Питера Пэггена оставалось неизменным с 1688 года, а этого едва хватало на то, чтобы сводить концы с концами, Эбинизер принял Бертрана в услужение, по крайней мере на три месяца, которые не стоили ему ни гроша. По счастливой случайности смежная с ним комната оказалась в то время незанятой, и он договорился с домовладельцем, что в ней разместится Бертран, дабы всегда быть подле хозяина.

И теперь добрый малый предстал перед ним в ночной ру-

башке и колпаке, улыбающийся и подмигивающий, и, объяснив: "К вам дама, сэр!" - ввел в комнату, к величайшему удивлению Эбинизера, Джоун Тоуст собственной персоной.

- Ухожу, ухожу! - проговорил лакей и, подмигнув еще раз, скрылся, прежде чем Эбинизер успел опомниться и помешать ему в этом. Оказавшись с Джоун наедине, Эбинизер крайне смутился и не на шутку встревожился, однако она, нимало не сконфузившись, подошла к письменному столу, за которым он сидел, и клюнула его в щеку.

- Молчи, - приказала она, снимая шляпу, - я знаю, что опоздала, и прошу прощения!

Эбинизер сидел ошеломленный, потеряв дар речи. Джоун деловито подошла к окну, задернула шторы и принялась раздвигаться.

- Во всем виноват твой дружок Бен Оливер: стиснул меня своими лапищами и предлагал сначала три, потом четыре, а потом и пять гиней, но накинуть хоть шиллинг сверх твоих пяти он либо не смог, либо не захотел, и поскольку ты предложил их первым, я отделалась от этого дикаря без малейших угрызений совести.

Эбинизер таращился на нее. В голове гудело.

- Ну, иди ко мне, зайчик, - позвала Джоун и повернулась у нему нагишом. - Положи гиней на стол и давай в постельку. А к вечеру, однако, похолодало - б-рр-р-р! Ну, живей! - Она нырнула в кровать и свернулась калачиком под одеялом, натянув его до самого подбородка.

- Шевелись! - прикрикнула она, на этот раз порезче.

- О, Бог мой, но я не могу! - произнес Эбинизер. Лицо его светилось восторгом, глаза - безумием.

- Что? - вскричала Джоун и, откинув покрывало, уселась в кровати, глядя на него во все глаза.

- Мне нечем платить тебе, - заявил Эбинизер.

- Нечем платить? Вы что, шутить изволите, господин мой? Я, значит, отвергла Бена Оливера и его пять золотых, а вам вздумалось надсмехаться надо мной? Извлекайте-ка денежки и совлекайте штаны, мистер Кук, мне не до шуток!

- Я не шучу, Джоун Тоуст, - отвечивал Эбинизер. - Я не могу заплатить тебе ни пять, ни четыре, ни три гиней. Ни шиллинга. Ни фартинга.

- Ты что, обнищал? - она схватила его за плечи, как бы с намерением хорошенько встряхнуть. - Ну-ка, сэр, раскрой пошире свои коровьи глазища, чтобы я могла их выцарапать! Дурочку из меня строишь, да? - Она скинула ноги с кровати.

- Да нет же, нет! - завопил Эбинизер и рухнул перед ней на колени. - Пять гиней у меня есть, и даже больше. Но разве можно оценить бесценное? Ужель возможно бранным золотом купить райское блаженство? Ах, Джоун, как мало ты дорожишь собой! Ведь не денег же ради делила постель среброно-

гая Фетида с Пелеем, отцом Ахилла! Разве Венера любила Анхиса за пять гиней? Нет, милая Джоун, мужчина ищет благосклонности богини не на рынке!

- Не знаю, как там обстоят дела у заморских шлюх, а только пять гиней за ночь и деньги вперед, - заявила, слегка успокоившись, Джоун. - Коли тебе кажется, что дешево, - радуйся удачной сделке: мне без разницы. Как ты меня, однако, разозлил этим "ни фартинг!". Я чуть было не кинулась на тебя! Ну, давай, шевелись, а красоты слога побереги на утро - сочинишь любовный сонет!

- О Господи, как ты не понимаешь, Джоун?! - воскликнул Эбинизер, все еще пребывая на коленях. - Я жажду тебя не ради низменного удовольствия: это удел таких ненасытных сладострастников, как Бен Оливер. Я жажду получить от тебя то, что купить нельзя!

- Ясно, - усмехнулась Джоун, - любишь что-нибудь эдакое? Вот уж не скажешь по твоему праведному виду! Как говорить-ся, в лес ведут множество тропинок... Изволь, если мне будет не очень больно. Объясни только, чего ты хочешь, и тогда мы условимся в цене, ибо все дело упирается в нее!

- Джоун, Джоун, что ты говоришь! - сетовал Эбинизер, горестно качая головой. - Ты разбиваешь мне сердце! Что прошло, то прошло; я и думать о том не могу, не то что слышать подобное из твоих нежных уст! Дорогая моя, клянусь тебе, что я девственник. Я чист и непорочен перед тобой, равно как и ты передо мной: что было, то прошло и былшем поросло. Не надо слов, - молил он открывшую было рот Джоун. - Все в прошлом! Джоун Тоуст, я люблю тебя! О, это тебя изумляет?! Клянусь всеми святыми, что я люблю тебя и хотел, чтобы ты пришла ко мне, дабы известить тебя об этом! Давай забудем твое богомерзкое ремесло, ведь я неизъяснимо люблю твое чудесное тело и невообразимо - обитающую в нем душу!

- Неуместная какая-то шутка, мистер Кук, - назвать себя девственником, - в голосе Джоун слышалось сомнение.

- Бог мне в том свидетель, - клялся Эбинизер, - что я физически не знал женщины до этой ночи и даже ни одну не любил.

- Как так? - удивилась Джоун. - Совсем малявкой, мне еще и четырнадцати-то не было - такое невинное, чистое создание, - я однажды сказала за столом, что у меня началось какое-то странное кровотечение, что я, наверное, заболела и потому попросила послать за пиявками. Все кругом засмеялись и стали чудно шутить, но что было тому причиной, мне так никто и не объяснил. А потом мой молодой холостой дядюшка Гарольд отозвал меня в сторонку, поцеловал в губы, погладил по голове и сказал, что, раз я уже потеряла много крови, мне нужна необычная пиявка. Когда кровотечение ос-

тановится, пояснил он, я должна тайком прийти в его комнату, где у него есть особая, огромная пиявка - такую я еще никогда не видела, - главное достоинство которой заключается в том, что она путем осторожных вливаний восстановит то, что я потеряла. Дядюшку я любила и считала скорее братом, нежели дядей, и безоговорочно поверила его речам. Как только напасть миновала, я, не сказав никому ни слова, во исполнение предписания отправилась напрямиком в его спальню. "А где же огромная пиявка?" - спросила я у него. "Она не готова, - отвечал он. - Она боится света и делает свое дело только в потемках. Подготовься пока сама, а я приложу пиявку куда следует". - "Хорошо, ты только скажи, как мне надо подготовиться: я ведь не знаю, как ставят пиявки". - "Раздевайся, - приказал он, - и ложись в постель".

И я, простая душа, разделась прямо перед ним догола и легла на кровать, а он задул свечу. Я была тогда сущим щенком - кожа да кости: ни грудей, ни пушка. "Гарольд, пожалуйста, иди сюда, - молила я его, - здесь так темно! Я боюсь укуса твоей огромной пиявки!" Гарольд не отвечал, но вскоре тоже улегся в кровать, и я почувствовала прикосновение его кожи. "Как? - изумилась я. - Ты и себе будешь ставить пиявку? Разве у тебя тоже кровотечения?" - "Нет, - рассмеялся он. - Просто мою применяют таким образом. Она готова, дорогая девочка, а готова ли ты?" - "Нет, Гарольд! - вскричала я. - Мне страшно: куда она укусит меня? Мне будет больно?" - "Она укусит куда следует, - заметил Гарольд, - а больно будет только одно мгновение, а потом станет приятно". - "Ну, тогда, - вздохнула я, - давай скорее разделаемся с болью и перейдем к удовольствию. Только, пожалуйста, держи меня за руку, а то вдруг я закричу от укуса этой гадины". - "Не закричишь, - заверил Гарольд, - я буду целовать тебя".

Он обнял меня и стал крепко целовать, и, целуясь, я почувствовала страшный укус огромной пиявки - и перестала быть девицей. Сначала я плакала - не столько от боли, сколько от переживаний по поводу природы великой пиявки, суть которой я только что постигла. Но боль, как и предсказывал Гарольд, скоро прошла, а великая пиявка все кусала, все пиявила до самого рассвета, пока наконец не превратилась в какого-то непригодного для работы таракана или муравья и потому с первыми лучами солнца уползла прочь, хоть я, надо сказать, от этой процедуры не устала ничуть. Тогда-то мне и открылась магическая власть этой твари: она сродни блошиному укусу, который тем сильнее чешется, чем сильнее его чешешь. Эта гадина укусила меня всего разок, а мне захотелось, чтобы она кусала меня снова и снова, и я все время вожделела Гарольда и его пиявку, как курильщик опиума свой фиал. С той поры меня кусали разные пиявки - всевозможных размеров и видов, - и самой грозной и самой жадной

среди них по праву может считаться пиявка моего Джона, но я по-прежнему жажду этого и дрожу при мысли о великой пиявке.

- Перестань, прошу тебя, - взмолился Эбинизер, - я больше не в силах это слушать! "Милый дядюшка!" "Дорогой Гарольд!" Мерзавец, подлец! Ты любила его, ты доверилась ему, а он так низко обманул тебя! Он не пользовал тебя, он воспользовался тобой и увлек на стезю порока! Я проклинаю его и все его племя!

- Какая горячность! - улынулась Джоун. - А сам, поведись тебе найти какую-нибудь девчущку, вроде меня, сделал бы то же самое с пылкостью во взоре и употевшей задницей. Нет, Эбинизер, не суди строго бедного Гарольда, который обогрел своим любовным жаром холодные спальни, схватил лихорадку и вот уже несколько лет покоится в могиле. Скажу тебе так: природа пиявки в том, чтобы кусать, и та, кого она кусает, ее укуса жаждет, но, увы, даже лучшая из пиявок насыщается очень быстро! Я просто ума не приложу, как так получается, что твоя проголодала целых тридцать лет? Да ты, сэр мой, лодырь из лодырей! А может, ты из тех чудачков, что лобят себе подобных? Вот этого, хоть убей, мне не понять!

- Не то и не другое, - отвечал Эбинизер. - Я мужчина и телом и духом, а невинность моя невольная. Я уже давно готов к тому, чтобы молотить зерна любви, но для этого потребен не только пестик, но и ступка. Хоровод не водят в одиночку, но никогда прежде я не удостоивался благосклонного взгляда женщины.

- Ну и ну! - рассмеясь Джоун. - Разве овца бегает за бараном, а курица - за петухом? Разве поле приходит к плугу, а ножны - к мечу? У тебя все получается как-то задом наперед!

- Увы, - вздохнул Эбинизер, - в искусстве обольщения я полный невежа, да и терпения на то мне не хватает.

- Вздор! Велик труд - уложить женщину в постель! Поверь мне, от мужчины в таком случае только то и требуется, что попросить об этом вежливо, но напрямик, а вы и не догадываетесь.

- Как? Неужели женщины столь порочны? - воскликнул ошарашенный Эбинизер.

- Нет, - сказала Джоун. - В отличие от мужчин, которые могут заниматься любовью в любое время, для нас совокупление как таковое не является самоцелью. Это частенько удовольствие, но редко - страсть. Мужчины преследуют женщину, как гончие псы течную сучку, молят ее забыть о добродетели и отдаться им, но стоит ей уступить, сами же начинают чествовать ее блудницей и продажной девкой. Они призывают нас хранить супружескую верность, но не упустят возможности наставить рога ближайшему другу. Они твердят нам о цело-

мудрии и испытывают его на каждом шагу - на улице, в экипажах и гостиных. Если мы отдаемся им без страсти, они начинают скучать, если с пылом - уличают в безнравственности. Они моралисты и насильники одновременно, они проповедуют добродетель и склоняют нас к пороку - от всей этой неразберихи голова у бедной женщины идет кругом, она нервничает, вся как на иголках, совершенно сбита с толку и не знает, что ей можно, а чего нельзя! Поэтому, когда мужчина начинает свои обычные заигрывания, мы можем попросту послать его к черту (если, конечно, он не успеет повалить женщину и взять ее силой!). Когда он милостиво оставляет нас в покое, мы порой даже не в состоянии воспользоваться благодатной передышкой! А теперь представь себе, что мужчина относится к женщине не как жеребец, а по-дружески, видит в ней равного себе человека, а не грудь с ягодицами и за непридуманной беседой как бы невзначай предлагают ей переспать с ним так запросто, словно приглашает сыграть партию в вист (и наоборот, на партию виста можно пригласить так похотливо, словно в постель!). Если, повторяю, какой-нибудь мужчина отважится сделать это предложение в такой форме, ручаюсь, что его кровать провалится под весом признательных дам и он посидит раньше срока! Но этого, увы, никогда не случится, - заключила Джоун, - ибо это значило бы признать женщину равной, а не рабой, тогда как мужчине важно не просто развлечься, но покорить, - в противном случае волокитство уже давно исчезло с лица земли, как моровая язва, а не встречалось бы на каждом шагу, как сифилис. Так что, Эбинизер, надо просить, но вежливо и учтиво, словно просишь о небольшом одолжении хорошего друга, и тогда тебе вряд ли откажут. Но просить надо, ибо у женщины должно быть самооправдание, что иного выхода у нее просто не было, в противном случае она проходит мимо.

- В самом деле, - согласился Эбинизер, качая головой, - мне никогда раньше не приходило в голову, сколь горек удел женщины. Какие же мы животные!

- Ну, меня подобные соображения беспокоят крайне редко, - вздохнула Джоун. - Проститутке до таких тонкостей, как правило, нет дела. Коль скоро мужчина в состоянии платить, не очень вонюч и оставляет меня поутру в покое, я не откажу ему и ублагодарю сполна. Как ребенок любит новую игрушку, так я - девственника, люблю возбуждать желание и утешать его. Короче, поднимайся-ка с колен и в постельку, не то на этом сквозняке и простудиться недолго! Каким штучкам я обучу тебя!

С этими словами она протянула к нему руки, и Эбинизер от внутреннего жара и мартовского сквозняка, на котором он простоял, коленапреклонный, около четверти часа, его бросало то в пот, то в дрожь - упал в ее объятия.

- Бог мой, - воскликнул он, - неужто это правда? Неужто воочию свершилось то, о чем мне грезилось целую вечность? Какое потрясение! У меня нет слов и нет сил!

- По мне, так были бы деньги, - заметила Джоун.

- Но, Господи, боже мой, ведь я люблю тебя, Джоун Тоуст, - простонал Эбинизер. - Как ты можешь все еще думать о презренном металле?

- Ты мне сперва заплати пять гиней, а потом можешь любить меня сколько вздумается: мне все едино, - высказалась Джоун.

- Нет, я решительно сойду с ума от этих пяти гиней! - завопил Эбинизер. - Клянусь, что я люблю тебя так, как никогда еще ни один мужчина не любил женщину! Скорее я задушу тебя или удавлюсь сам, чем низведу свою любовь до купли-продажи! Будь прокляты эти пять гиней! Я стану твоим рабом, мы воспарим над землей, и в дар любви принесу тебе мои душу и тело! Пока я жив, ты для меня продажной не будешь!

- Надуть меня хочешь? - вскричала Джоун. Глаза ее сверкали гневом. - Думаешь одурачить меня охами и ахами, любовной чепухой и сказками о целомудрии? Или ты платишь мне - или я уйду сию секунду и навсегда, Эбен Кук, и ты очень пожалеешь о своей скупости, когда об этом узнает мой Джонни Макивой!

- Я не могу! - отвечал Эбинизер.

- Ах, так! Знай же, что ты прохвост и дурак! - Джоун вскочила с кровати и схватила свою одежду.

- А еще я знаю, что люблю тебя: ты спасительница моя, ты вдохновила меня на творчество! До нашей нынешней встречи я был не мужчиной, а сущим глупцом, до этого объятия я был не поэтом, а жалким рифмоплетом! Когда б мы были вместе, каких бы дел я не свершил! Каких стихов не написал! Ты можешь в ослеплении своем презирать меня, ты можешь избегать меня, я все равно буду тебя любить и черпать из своей любви жизненные силы и смысл бытия. Любовь моя, пусть безответная, столь сильна, что станет мне опорой и вдохновением! Когда б сподобил тебя Создатель взаимностью ответить мне на чувство, мир потрясли б неслыханные рифмы и наша страсть дала образчик пылкости любовной всем временам и людям в назиданье! Что ж, Джоун, презирай меня! Я буду дураком из дураков, Дон Кихотом, сражающимся во славу недалекой Дульсины... Но это завтра, а пока прими мой вызов: коль есть в тебе душа, сердечный трепет, искра разумения, воздай любовью за мою любовь, и, окрыленный, я повергну ниц ужасных великанов! Люби меня, и я клянусь, что стану поэтом-лауреатом!

- Уже стал - сумасшедшим! - огрызнулась Джоун, застегивая

вая крючки на платье. - Хотя я и недалекого ума, а только лучше быть дураком, чем мошенником, и лучше мошенником, чем умалишенным, а ты, клянусь, являешь нам всех троих в одном лице! Может, я по глупости своей не в состоянии оценить твою великую любовь, зато мне достанет здравого смысла понять, когда меня водят за нос. Я все расскажу Джоуну!

- О, Джоун, Джоун! - заклинал Эбинизер. - Ужели ты действительно недостойна? Я торжественно заявляю, что ни один мужчина не одарит тебя такой любовью, как моя!

- Ты лучше одари меня причитающимися мне золотыми, и тогда Джон ничего не узнает. Остаток дара можешь положить обратно в карман!

- Воистину ты недостойна! - вздохнул все еще пребывавший в ажитации Эбинизер. - Пускай! Но и теперь мой пыл любовный не угаснет, ради тебя я все невзгоды одолею!

- Чтоб тебя самого, осел ты этакий, одолела дурная болезнь! - и с этими словами раъяренная Джоун выскочила за дверь.

На переполненного любовью Эбинизера ее уход не произвел никакого впечатления. Сцепив руки за спиной, он лихорадочно вышагивал по комнате, размышляя над глубиной и силой этого неведомого ему доселе чувства. "Ужели я очнулся от тридцатилетнего сна? - вопрошал он себя. - А может быть, я только сейчас начинаю грезить? Но, право, совместимо ли бодрствование с такой головокружительной мощью? Возможно ли во сне такое буйство сил? Вот и песня!

Он подбежал к столу, схватил перо и без особой проволочки сочинил следующее:

Любовь Приама к покоренной Трое
И Андрوماхи - к первенцу героя,
Улисса - к целомудренной жене
Сравнится ль с той, о Джоун, что ты внушила мне?
Но был Эндимион Семелой награжден,
А Федрой - Ипполит. Невинный, как и он,
Смирненно жду возлюбленной ответа:
Любезна ли ей девственность поэта?
Невинность - не подержанный товар!
Чем оплатить за столь бесценный дар?
Украденный алмаз не сгинет без следа -
Невинность потеряв, теряешь навсегда!
В превратностях судьбы и суете времен
Я берегу ее и ею сохранен.
Но, потеряв, глотну греховного дыханья,
И жизнь моя - увя! - начнется с умиранья!

Окончив творить, он просто так, любопытства ради, сделал в конце листа приписку: "Эбинизер Кук, джент., поэт-

лауреат" - и, посмотрев, нашел ее удовлетворительной.

"Ну, теперь это вопрос времени, - ликовал он. - Поистине редкий мудрец знает самого себя! Кабы я ни был тверд с Джоун Тоуст, мне, вероятно, не случилось бы открыть эту истину! Выходит, я сделал выбор? Хотя нет, при чем тут я? Это выбор сделал меня: благородный выбор, дабы увенчать победу моей любви над обуревавшей меня похотью, а благородный выбор свидетельствует о благородстве выбирающего! Кто я? Кто я такой? Вы девственник, сэр! Вы, сэр, поэт! Я девственник, и я поэт - это и меньше и больше, чем быть простым смертным: я не человек, но Человечество! Невинность - символ моей силы и доказательство призвания, и пусть меня лишит ее достойная!"

Как раз в этот момент слуга Бертран осторожно постучал в дверь, и не успел Эбинизер рта раскрыть, как он уже появился на пороге со свечой в руке.

- Я могу ложиться, сэр? Или, - он широко ухмыльнулся, - ожидают еще посетители?

- Нет, отправляйся спать, - покраснел Эбинизер.

- Очень хорошо, сэр. Приятных сновидений!

- Что-о?

Но Бертран, изобразив еще одну ухмылку, уже закрыл дверь.

"Ей-ей, у этого парня не все дома! - подумал Эбинизер и вернулся к своим виршам. - Шедевр, - заключил он, перечитав их несколько раз с сосредоточенным видом, - однако чего-то не хватает..."

Тогда он стал вычитывать строчку за строчкой. Дойдя до "Сравнится ль с той, о Джоун, что ты внушила мне?", он помедлил, наморщил лоб, поджал губы, сощурил глаза, потопал ногой и кончиком пера поскреб подбородок.

Хмыкнул.

После некоторого раздумья он обмакнул перо в чернила, вычеркнул "о Джоун", написал "мой друг" и, перечитав свое творение, удовлетворенно заметил: "Видна рука мастера - получилось великолепно!"

Перевод с английского Ю. Никитиной

Дизайн-идеи, дизайн-проекты,
графика, фирменный стиль, полиграфия,
графическая реклама и пр., пр., пр.

МОХИН

МАРЕВА

МАРЕВ

INDUSTRIAL DESIGN

ART

GRAFIC DESIGN

M STUDIO арт

629219, ГСП-1089, Свердловск,
ул. К. Либкнехта, 23
Свердловский архитектурный институт
кафедра дизайна, комн. 416
Телефон (8-3432) 517678

В 3-4 номерах журнала
ЛАБИРИНТ\ЭКСЦЕНТР
за 1991 год будут опубликованы:

проза С.Коровина, А.Матвеева, Е.Харитоновна, В.Ерофеева, Ю.Кокошко, стихи И.Лапинского, Е. Коцюба, В.Летцева, перевод фрагментов из единственного романа Дали, пьесы Э.Ионеско и А.Бретона, философские статьи М.Фуко, Л.Альтюссера и Ж.Делеза, интервью с Джоном Кейджем, критика и литературоведение В.Кондратьева, Р.Никоновой, В.Харитоновна-мл.,

будут представлены журналы "Часы" (Ленинград) и "Беседа" (Париж), свою рубрику о русском поэтическом авангарде, когда-то блистательно заявленную в ныне исчезнувшем журнале "В мире книг", продолжит Г.Айги.

Небольшой тираж журнала делает почти невозможным его приобретение обычным способом, лучше - это предварительный заказ ПРЯМО в адрес НЕЗАВИСИМОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ "91" :

620086, Свердловск,
ул.Посадская, д.44, кор.1, кв.48.
Тел. (8-343-2) 22-44-97.

ТАКЖЕ в ближайшие месяцы этого года НЕЗАВИСИМОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ "91" предлагает в серии "БИБЛИОТЕКА ЧЕЛОВЕКА" '91 "Золотая коллекция" однотомник ВЛАДИМИРА НАБОКОВА, включающий новые переводы лучшего англоязычного романа этого классика XX столетия "Бледное пламя" и рассказов из сборника "Набоковская дюжина". Переводчик - Сергей Ильин - достиг того, что не удавалось его многим предшественникам: почти точного проникновения в саму музыку набоковского английского. Массовый тираж в мягкой обложке. Как частные лица, так и книготорговые организации могут обращаться ПРЯМО в адрес НЕЗАВИСИМОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ "91":

620086, Свердловск,
ул. Посадская, д. 44, кор. 1, кв. 48.
Тел. (8-343-2) 23-44-97.